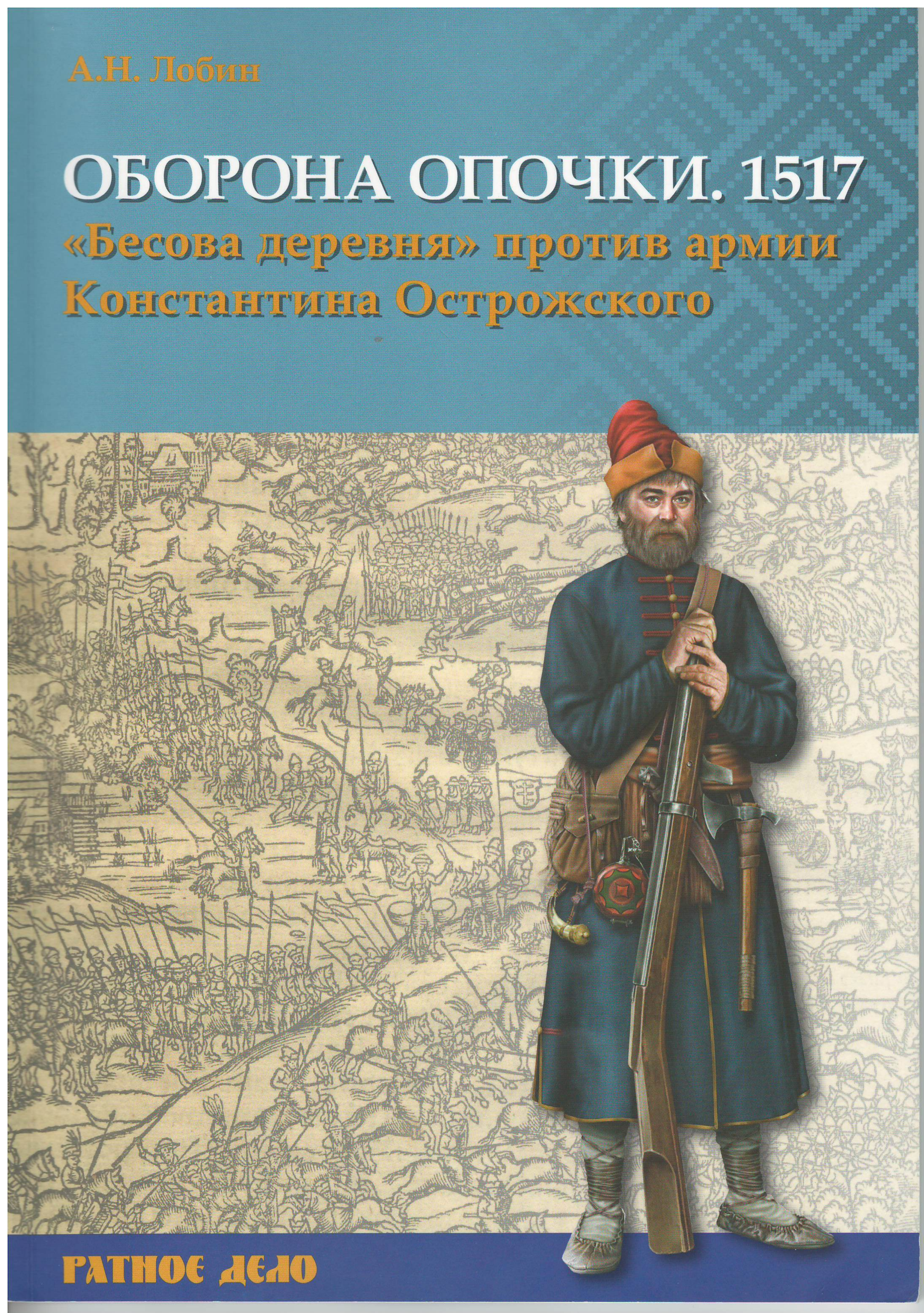
А.Н. Лобин

ОБОРОНА ОПОЧКИ. 1517

«Бесова деревня» против армии Константина Острожского

РАТНОЕ ДЕЛО

Оборона Опочки. 1517 г.
Малый литовский лагерь
Заволочье
Выползова гора
Лагерь К. Острожеского
123 м
Велейская башня
Малые ворота
Крепость Опочка
Заволоцкая башня
ОСТРОВОК
Пороховой погреб
Себежская башня
Спасские ворота
Водяной тайник
Жидовка
Великая
Глухие башни
Воротные башни
Крепостные стены
Дороги
Спасо-Преображенская церковь
Концентрация литовских войск
Размещение литовской артиллерии
Направления нападений войск ВКЛ
Масштаб 1:8 200
82 0 82 м
Темушев

РАТНОЕ ДЕЛО

А.Н. Лобин

ОБОРОНА ОПОЧКИ 1517 г.

«Бесова деревня» против армии Константина Острожского

Москва • 2017

УДК 355.48(47:475.5)(091) «1517»
ББК 63.3(2)43-04
Ф68

Лобин А. Н.

Оборона Опочки 1517 г. «Бесова деревня» против армии Константина Острожского / А.Н. Лобин. Москва: Фонд «Русские Витязи», 2017. — 72 с.: ил. — (Ратное дело.) — ISBN 978-5-9909605-7-2

Ответственный редактор: А.В. Малов

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ
№ 15-21-01003 а (м)

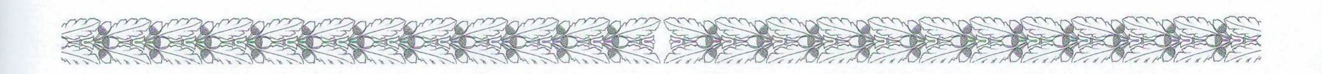
Книга посвящена изучению одного из малоизвестных событий Смоленской войны 1512–1522 гг. — обороны Опочки против армии князя К.И. Острожского. Маленькая крепость, презрительно названная противником «свиное корыто», остановила наступление всей польско-литовской армии. Из-за больших потерь под стенами городка король Сигизмунд Старый обозвал Опочку «бесовой деревней».
Книга адресована преподавателям, учащимся высших и средних учебных заведений и всем интересующимся военной историей и историей Отечества.

На обложке:
Псковский пищальник 1-й трети XVI в.
Рисунок Ю. Юрова

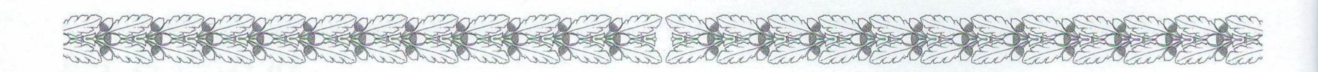
978-5-9909605-7-2

12+

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

В военной истории найдется немало примеров, когда небольшая крепость, повстречавшаяся на пути противника, своей героической обороной ломала все его планы и надолго задерживала у своих стен. Борьба за небольшие укрепленные пункты принимала порой самый ожесточенный характер. Бывало и так, что на штурмах маленьких цитаделей враг терял все свои ударные силы.

Эта книга посвящена событиям 1517 г., когда под стенами Опочки было отражено крупное наступление польско-литовских войск под командованием князя К.И. Острожского. Крепость, презрительно названная противником «свиным корытом», по сути, похоронила планы короля Сигизмунда на реванш за отнятый Смоленск. Разгневанный большими потерями своей армии во Псковской земле, король в сердцах назвал Опочку «бесовой деревней».

Боевые действия 1517 г. на русско-литовском фронте по своим масштабам значительно уступают военной кампании 1514 г., в которую произошли такие знаковые события, как взятие Смоленска и битва под Оршей. В том же 1517 г. неудачно закончились попытки вторжения в южные уезды крымских татар. Развернутые на рубежах русские рати сдержали натиски крымчаков и нанесли последним серьезный урон.

Между тем военная кампания 1517 г. не поставила окончательную точку в войне 1512–1522 гг. Нельзя ее назвать и переломной, так как общий ход действий она не изменила. Тем не менее она занимает особое место в войне 1512–1522 гг. Именно под псковским пригородом Опочкой единственная мощная операция войск Великого княжества Литовского потерпела серьезную неудачу, после чего попытки наступлений со стороны Вильны свелись на нет. Защита небольшого городка Опочки осенью 1517 г. является классическим примером обороны, ставшей первой колдобиной на пути хорошо спланированного наступления противника.

Бои на Псковской земле осенью 1517 г. еще не были объектом специального изучения — об осаде Опочки гетманом К.И. Острожским историки упоминали попутно, в связи с рассмотрением общего хода войны[1]. Некоторое место указанным событиям уделил и я в своей монографии и статьях[2]. Анализ большого комплекса источников позволяет более широко осветить не только сам поход польско-литовской армии 1517 г., но и в целом необычайно сложную политическую ситуацию, складывающуюся в Восточной Европе.

1517 г. знаменателен значительными достижениями России на дипломатическом поприще. Русско-литовский фронт со времени начала боевых действий между Василием III и Сигизмундом I привлекал к себе пристальное внимание Дании, Ливонии, Тевтонского Ордена, Папского престола, Священной Римской империи германской нации. Поэтому немало места в данной работе уделено и политическим интригам, и дипломатическим баталиям в Европе, происходившим в этот период.

ГЛАВА 1. КРЫМСКИЕ ВЕСТИ

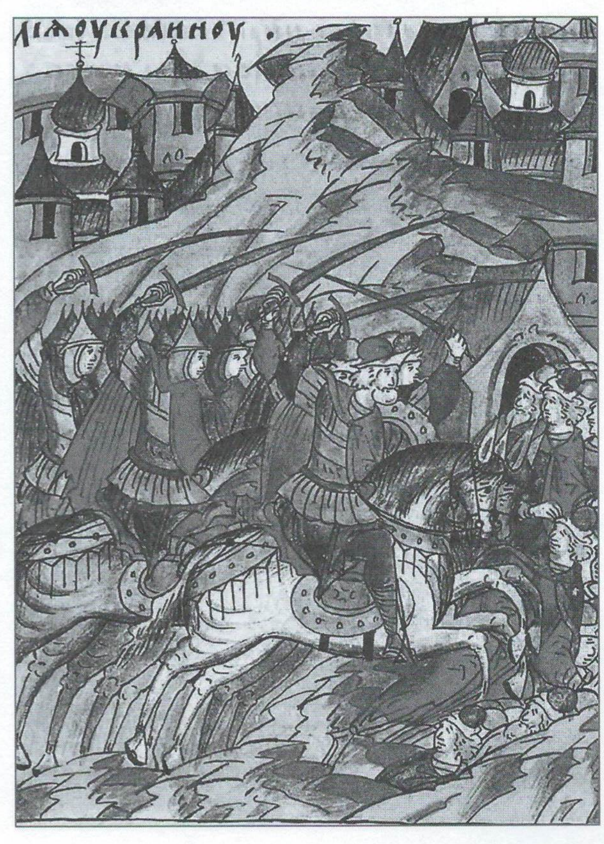
К началу XVI в. Россия находилась в соприкосновении с восточными соседями — Казанским ханством, Астраханским ханством и Ногайской Ордой. Но самым опасным соседом было Крымское ханство.

С момента восшествия на престол Василия III Ивановича отношения Киркора (столицы Крымского ханства) и Москвы претерпели существенные изменения. Если 1508–1510 гг. прошли в относительном затишье, поскольку в этот период хан Менгли-Гирей пытался подчинить своему влиянию ногаев, Казань и Астрахань, то с 1511 г. военные вторжения крымских татар на южные окраины России становятся практически постоянными[3].

Непросто складывались отношения с Крымским ханством и у Великого княжества Литовского. В битве под Вишневцом 28 апреля 1512 г. князь К.И. Острожский разбил крымских татар. После жестокого поражения хан Менгли-Гирей был вынужден согласиться на переговоры с Литвой о совместных действиях против Василия III. Хан в знак желания заключить мир прислал в качестве заложника своего внука Джелаль-аль-дина. По условиям договора Великое княжество Литовское и Корона обязаны были ежегодно выплачивать «упоминки» (дары) Крыму в размере 15 000 злотых, а крымские татары должны были совершать вторжения на Русь[4]. Следуя обязательствам нового соглашения с Литвой, в мае 1512 г. сыновья хана направились опустошать белевские и одоевские окраины России. Напомним, что одним из поводов для русско-литовской войны стало известие о подстреканиях («накупках») короля Сигизмунда I крымских царевичей Ахмет-Гирея и Бурнаш-Гирея напасть на южные рубежи России[5].

Взятие Смоленска в июле 1514 г. вызвало неприкрытое раздражения хана. Уже в декабре того же года Менгли-Гирей потребовал от Василия III отдать ему Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Почеп, Рыльск, Путивль, Карачев и Радогощь, так как «…те писаные восмь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему их слову…». В письме хана было упомянуто также и о состоявшейся на берегу

Набег крымчаков 1517 г. Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

Днепра 8 сентября 1514 г. битве: «и Жигимонт король многую свою рать послав, и с твоею ратью бились и рать твою побив и прогонили, слышали есмя»[6]. В послании хана прослеживались откровенные угрозы, так как московский государь «королю враждебные чиня дела, без нашего ведома шед, Жигимонту королю, которому мы, пожаловав, дали Смоленской юрт, воевал его и разрушил». Менгли-Гирей практически ультимативно требовал вернуть ему перечисленные 8 городов, а другие 35 городов, которые «из старины деда нашего были», он пока по своему ханскому великодушию назад возвратить не требовал.

Для российской стороны стало очевидным, что после подобных заявлений в ближайшее время на южной «украине» государства будет неспокойно. Этим отчасти и может объясняться тот факт, что после 1514 г. ослабевает натиск русских ратей на Литву и усиливается оборона юга — войска ежегодно выступают на «окский рубеж» для защиты от татарских вторжений.

Битва с татарами 1517 г. Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

По разрядным книгам после 1514 г. заметно выдвижение крупных военных контингенов на Угру и Мещерский край, в Тулу и Каширу, в Стародуб и Серпухов. Если раньше южные границы беспокоили только сравнительно небольшие «загонные» отряды мурз, приходившие «за ясырем», то теперь стала проявляться угроза более крупных вторжений. Воевать на два фронта становилось все труднее.

В ноябре 1514 г. Сигизмунд писал Менгли-Гирею о том, что время настало «непогодливое», поэтому «мусили есмо воиско нашо земъское роспустити, а другое воиско нашо жольнерское чужоземцов конных и пеших положили есмо на замъках наших украинъных у Полоцку и в Витебску. А как реки и болота померзнут, а тыи люди наши конем троху опочинут, казали есмо им в землю неприятеля нашого тягнути, шкоды чинити и обеды нашое мстити, сколко нам Бог поможет, про то и естли бы сын твой, брат мои Махмет Гирей солтан, всо на конь свой всел, а на того неприятела твоего и нашого потягнул»[7]. Впрочем, когда замерзли реки и болота, литовское войско так и не выдвинулось к границе. Собрать его заново, после «оршанской» кампании, было делом еще более трудным, чем летом 1514 г.

Если крымского хана Менгли-Гирея король спешил обнадежить обещаниями начать боевые действия в следующем году, то своего брата — венгерского короля Владислава — в то же время просил быть посредником в примирении с сильным соперником[8]. Сигизмунд прекрасно понимал, что после роспуска «посполитого рушения» по домам собрать на новую кампанию 1515 г. войска будет еще сложнее, чем в 1514-м, а русские не преминут начать ответные военные действия. Осознавал также король и великий князь Литовский и то, что уничтожить главные силы «московитов» у него не получилось.

В марте 1515 г. во владения вассалов Василия III, князей Василия Шемячича и Василия Стародубского вторглась рать сына крымского хана Мухаммед-Гирея «со многими людьми». Вместе с татарами в походе приняли участие «короля полского воеводы с людми»[9]. По литовским сведениям, это были отряды черкасского старосты Остафия Дашкевича и киевского воеводы Андрея Немировича[10].

В составе литовско-татарских сил, направляемых под Чернигов, Новгород-Северский и Стародуб, была даже отмечена артиллерия («с пушками и с пищалми»). Впрочем, взять хотя бы один город вассалов Василия III не удалось — русские воины под крепостями «многих людей побили, а иных многих живых переимали… А Магмед-Гирей, царевич, от слуг наших городов побежал»[11]. Тем не менее, полон отбить не удалось. Мацей Стрыйковский сообщал, что якобы крымчаки привели «сто тысяч людей помимо добычи и трофеев»[12]. Воротившиеся назад в Крым татары узнали о смерти в апреле Менгли-Гирея[13]. Новым ханом стал калга (наследник) Мухаммед-Гирей, который начал подготовку к новому походу на русские «украины».

Тем временем 12 июня 1515 г. служилый татарин великого князя Кожух Карачеев доставил в Крым поздравления Мухаммед-Гирею в связи с восшествием на престол. Москва попрежнему опасалась союза Крыма и Литвы. В инструкции посланникам говорилось: «…толко будет Менли-Гирея не стало, а на царстве будет Магмед-Кирей, ино б Магмед-Кирей от великого князя к литовскому не отстал»[14]. Надежды хоть на какое временное замирение с новым крымским ханом не оправдались. Ответное послание хана было выдержано в тоне его отца: главными тезисами в послании можно выделить все те же обвинения в нарушении мира с королем Сигизмундом «без нашего ведома» и прежние требования вернуть 8 городов, которые перечислялись ранее в письме Менгли-Гирея. Раздраженный тон грамоты Мухаммед-Гирея показывал, что в скором времени государю вновь придется выдвигать рати для защиты южной границы Руси: «И мы как учинилися с Жигимонтом королем в дружбе и в братстве, да отец наш о том тебе ведомо учинил… и ты брат наш, шед без нашего ведома, Смоленск воевал и разрушал и взял … отца нашего да и нас оманул…»[15]. В июле 1515 г. киевский воевода Андрей Немирович уведомил литовских сенаторов о готовности Мухаммед-Гирея вновь вторгнуться в Россию на помощь королю Сигизмунду[16]. Аида-мурза и Айга-мурза произвели набеги на мордовские украины неожиданно, «безвестно». Поскольку в это время шли переговоры с ханом (в Москве с посольством был Янчур-дуван) и основные крымские силы, как показала разведка, были у Перекопа, то на пограничные рубежи не были своевременно выдвинуты отряды для обороны: как позже писал хану Василий «на своих украинах своим людем беречись не велели, а те твои (Мухаммед-Гирея. — А.Л.) люди в те поры пришед, нашим украйнам Мордовским место лихое дело учинили»[17]. В сентябре небольшие отряды татарских мурз вновь совершили набег на мещерские места[18].

Тем не менее, после смерти Менгли-Гирея нового хана Мухаммед-Гирея стали больше беспокоить астраханские и ногайские дела. По словам историка И. Зайцева, «Москва продолжала хитроумно избегать заключения союза против Астрахани и старалась связать астраханские интересы Крыма с собственными — литовскими. Главной задачей было ни в коем случае не обременять себя обязательствами воевать с Астраханью и пытаться сначала нацелить Крым на Литву»[19]. Послу Ивану Мамонову,

Битва с татарами в 1517 г.
Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

находившемуся в Крыму с конца 1515 г., предписывалось в присутствии «Адрахмана» (Абд ар-Рахмана) «о астраханском деле и о городе и тайных речей Ивану никак не говорити, а отговариваться ему о том накрепко, по великого князя наказу»[20].

Во время обсуждения совместного с крымским ханом похода на Астрахань посол должен был заявить примерно следующее: «…нам ныне на сей весне с тобою того твоего и своего дела с Астраханью делати не успети, а ныне бы еси на нашего недруга на литовского был с нами заодин»[21]. Таким образом, посол должен был сделать попытку переориентировать направление крымской политики на «литовские дела».

Крымские мурзы Андышка и Айга, покочевав со своими отрядами у Азова, зимой 1515–1516 гг. вновь вторглись «под Мордву, под те же места, что имали летом»[22], не встретив серьезного сопротивления.

Практически до конца весны от Прибалтики до Крыма вспыхивали очаги моровых эпидемий, которые значительно повлияли на снижение активности боевых действий на российских, литовских и крымских рубежах. Весной 1516 г. Мухаммед-Гирей вновь стал настаивать на участии России в «антиногайской» коалиции. Крымский хан выражал согласие не

Битва поляков с татарами. Гравюра XVI в.

вступать в союз с королем Сигизмундом, если будет освобожден казанский хан Абдул-Латиф, содержавшийся под стражей[23]. Но Мухаммед-Гирей, как всегда, пытался вести двойную игру — уже 14 марта был подписан крымско-литовский договор, в котором был пункт возвращения потерянных Литвой территорий с помощью татар («и которые городы и волости, земли и воды неприятел нашъ московскии черезь свою присягу и докончанье здрадне... забрал и посел, тые городы и волости, земли и воды, братъ нашъ Магъмет-Кгиреи, царъ, помочю своею вынемъшир з рукъ того неприятиля нашого московского, мает зася нам в нашу моцъ подати»). Хан обещал отправлять на Русь войска, а взамен Сигизмунд обещал «в каждый годъ вноминьки слати с тыхъ обеюхъ нашихъ панствъ, с Короны Полское и Великого князьства Литовского, пятнадъцать тисяч золотыхъ... половицу пенезми, а половицу товаромъ»[24].

Но ратификация договора никак не могла уберечь польские и литовские земли от вторжений татарских мурз и царевичей, которые делали набеги якобы по собственному почину. Историку С.М. Соловьеву принадлежат слова, весьма точно характеризующие политику Крыма в это время: «...крымским татарам выгоднее было брать подарки с обоих государств, Московского и Литовского, обещать свою помощь тому, кто больше даст, обещать, а на самом деле, взяв деньги с обоих, опустошать владения обоих, пользуясь их взаимною враждою. С этих пор сношения обоих государств, и Московского и Литовского, с крымцами принимают характер задаривания разбойников, которые не сдерживаются никаким договором, никакими клятвами»[25].

Впрочем, двойную игру вела и Россия. Главных задач в «восточном вопросе» было несколько: 1) попытаться направить Крым в антилитовское русло; 2) свести к минимуму действия татар на южных рубежах; 3) проводить свою политику в отношении Казани; 4) поддерживать контакты с Астраханью и ногаями в качестве «противовесов» политики Крыма.

На случай неожиданного вторжения крымчаков русским правительством было принято решение на реке Вошане у Тулы развернуть пятиполковую рать боярина кн. В.С. Одоевского, а у Одоева, Белева и Можайска — вспомогательные отряды. Как позже оказалось, не напрасно.

В июне 1516 г. «Багатырь пришел на великого князя украйну на резанскую и на мещерскую, да, быв на украйне, пошел прочь»[26]. Глубокого вторжения у ханского сына не получилось — татарские «загоны» прошли по касательной, разорив встретившиеся на пути населенные пункты. Очевидно, информация о выдвижении порубежной русской рати заставила царевича отступить. Крымский хан, как всегда, в таких случаях начал заверять государя Василия, что царевич действовал по собственному почину. И чтобы сгладить это недоразумение, Махмет-Гирей «посылал есми короля воевати сына своего Алпа и иных царевичей, а с ними шестьдесят тысяч людей, и они короля гораздо воевали...»[27]. Перед нами яркий образец крымского коварства, двойной игры: хан уверял короля Сигизмунда, что Алп-Арслан ходил в Литву без ведома «царя перекопского»[28]. «Да нынеча мне пришла весть из Литвы... — писал далее Махмет-Гирей Василию III, — пошол был король противу великого князя к Смоленску, да почаял мою рать, и он воротился...». Относительно срыва якобы готовившегося похода на Смоленск вероятно хан преувеличил — у нас нет никаких свидетельств того, что литовцами готовилась в 1516 г. операция по возвращению города.

В сообщениях из Крыма в Литву вторжения в русские земли также были представлены как крупные походы — хану необходимо было показать, что он выполняет свои союзнические обязательства перед королем. В польско-литовской корреспонденции нашла отражение информация о якобы масштабных набегах, но надо учесть, что она базировалась на слухах, непроверенных данных или на хвастливых посланиях хана. На Сигизмунда I и Василия III из Крыма пошли две татарские рати — Алп-Арслана и Бахадыр-Гирея, один пошел на Литву, а другой — на Русь. «Как сообщают перебежчики и пленные татары, которые недавно были захвачены на нашей рутенской земле, — писал в конце лета епископ Петр Томицкий жемойтскому старосте, — совсем недавно тридцать тысяч татар опустошали землю Москвы вдоль и поперек, и оттуда ушли

с большой добычей людей и скота…»[29]. В сентябре 1516 г. король Сигизмунд в письме из Вильны польским сенаторам сообщал, что хан, «к нашему глубокому удовлетворению, послал большую армию в Московию во главе его старшего сына Бохатыр-Солтана, который опустошил землю вдоль и поперек»[30]. Но каких-либо сведений о серьезных опустошениях Руси в русских источниках нет. Даже в посольской документации рефреном отмечен один из вопросов крымской стороне: «которого для дела Богатырь приходил на великого князя украйну и с отцовым ли ведомом»[31]? Возможно, приближенные короля Сигизмунда были введены в заблуждение относительно масштабов вторжения татар на Русь.

С Галиции, Подолья и Волыни вести для Сигизмунда были куда более настораживающие — татарские загоны вошли глубоко в польско-литовские владения. Настигнутый у Теребовля крупный татарский отряд, спасаясь бегством, перед этим умертвил всех пленников[32]. Именно пленные крымчаки тогда и поведали о вторжении на Русь Бахадыр-Гирея. Известие о выдвинутом против татар войске князя К.И. Острожского вынудило царевича отступить. Но в пересказе посольской службой грамоты Ахмат-Гирея к Василию III говорится о якобы большой победе над Острожским: «…на нашего еси недруга на литовскую землю сына своего и людей своих посылал, да и бой был сыну твоему с Костянтином с Острожским, и сын твой нашего недруга литовского многих побил, а Костянтин Острожской хитростью у него ушел»[33].

Константину Острожскому удалось организовать оборону на Волыни. Татарские загоны, вторгнувшиеся осенью, напоролись на засады и в трех стычках потерпели последовательные поражения. В одной из битв с татарами пал известный князь Роман Сангушко: увлекшись погоней, он был окружен и зарублен[34].

Ни Василию III, ни Сигизмунду I не хватало сил для организации полномасштабных походов друг против друга, ибо угроза вторжений крымчаков вынуждала и того и другого держать значительные силы на южных границах. Неопределенные отношения с Крымом заставляли литовские и русские власти также обращаться к обороне своих южных рубежей, на укрепление которых тратились немалые суммы. Таким образом, к концу 1516 г. две противоборствующие стороны были существенно ослаблены. Казалось, что следующий год не принесет каких-либо переломных событий. Только добившись поддержки или лояльности Крыма, можно было бы надеяться на успех предстоящей кампании со следующего года. И, надо сказать, преуспела в этом именно литовская дипломатия…

Итак, боевые действия 1515–1516 гг. не принесли ни одной из воюющих сторон сколь-нибудь большого успеха. Россия и Литва обменивались колкими ударами, которые, однако, не могли оказать существенного влияния на изменение оперативной обстановки на русско-литовском фронте.

ГЛАВА 2. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ. РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ФРОНТ

Воспользовавшись тем, что противник распустил войска, с первыми морозными днями зимы 1515 г. русские воеводы предприняли ряд ударов по территории Великого княжества Литовского, продемонстрировав тем самым свою исключительную мобильность и показав противнику, что, несмотря на поражение под Оршей, Российское государство не утратило своего наступательного порыва.

Дерзким набегом 28 января 1515 г. псковским наместником А.В. Сабуровым был взят Браславль. В Устюжском летописном своде сохранился рассказ о диверсии, предпринятой Сабуровым. Якобы без ведома великого князя с 3000 дворянами и детьми боярскими псковский наместник появился у Браславля (в летописи ошибочно назван Рославль[35]). На вопрос о своих действиях Сабуров ответил горожанам, что он сбежал от великого князя. Получив от браславльцев фураж, он двинулся дальше. Остановившись в 30 верстах от города, наместник стремительно повернул назад и утром ворвался в город, «много добра поима и полону». Среди захваченных трофеев оказались 18 немецких купцов, которые позже были отпущены[36]. За предпринятую диверсию Сабуров получил похвалу от государя Василия Ивановича. В летописном рассказе, несомненно, изобилующем достоверными деталями, есть несколько непонятных эпизодов. Прежде всего о численности псковского отряда в 3000 чел. — после Оршанской битвы вряд ли псковичи могли выставить такое число воинов. Прояснить вопрос могут псковские летописи: согласно их тексту, в помощь наместнику Сабурову были отправлены отряды с воеводами И. Шаминым и Ю. Замятниным, государь «велел им с силою **псковскую и новгородскою** (выделено мной. — А.Л.) идти под Бряслов». Были опустошены литовские посады «и под Кажном посад же ожгоша»[37]. Таким образом, набег Сабурова на Браславль был целенаправленным.

Затем на литовско-русском фронте образовалось затишье на несколько месяцев.

Весной был подготовлен удар со стороны Литвы. Литовские отряды ударили по северо-западным базам русских. Белорусский исследователь В. Воронин, ссылаясь на хронику польского монаха Яна из Коморова,

Герб Великого княжества Литовского на пушке 1529 г. (ВИМАИВиВС)

отождествляет эту операцию с летним походом на Великие Луки полоцкого и витебского воевод О. Гаштольда и Яна Косцевича[38].

Между тем сохранилось письмо епископа Петра Томицкого гнезнинскому архиепископу Яну Ласскому, написанное буквально через несколько дней после похода. В сообщении говорится о действиях «князя Януша» (Я. Сверчовский), который совершил поход к городам Великие Луки и Торопцу (Vielkieluki, Thoropiecz) и якобы «предал их огню, пленению и жестокому разграблению», а затем без потерь вернулся обратно[39]. На самом деле города устояли, но округу существенно разорили. В Разрядной книге имеется следующая запись: «приходили литовские люди войною на Луки на Великие и посады у Лук Великих пожгли, а воевали неделю; а встречи им не было: великого князя бояре и воеводы не поспели»[40]. Как отметил Владимирский летописец, «тое же весны приходила Литва на Лукы Великие, села пограбили и посад пожгли, а города не взяли»[41]. Письмо П. Томицкого о набеге «князя Януша» датировано 9 июня 1515 г., следовательно, именно об этом весеннем походе и писал Владимирский летописец.

В то же время в летописи упоминается второй поход на Великие Луки: «того же лета в другыи Литва пришла на Лукы». И по времени эта операция совпадает с известием упомянутого монаха-бернардинца Яна из Коморова, который в своей хронике писал, что в летний период (tempore estatis) войска под командованием «Гаштольда, воеводы Полоцкого и господина Косцевича, воеводы витебского» вторглись в землю Московии, опустошили места, взяли город, называемый Великие Луки, убили более 36 тысяч, и, захватив около 30 тысяч, с богатой добычей вернулись домой»[42]. Пропустим мимо гиперболу ученого монаха (в его трактате во всех случаях «московиты» погибают десятками тысяч, а, например, под Оршей было разбито не 80 000, а 180 000 «московитов»![43]), здесь нас интересует результат похода. По словам Владимирского летописца, все было с точностью до наоборот, да и масштабы операции были гораздо скромнее: «…и великого князя воеводы побили литву многих, а иных разгоняли, а живых панов поимали восмьдесят и три, и к великому князю прислали их»[44]. По всей видимости, полоцко-витебский отряд неожиданно появился под Великими Луками, разорил округу, но после стычки с русскими воеводами вынужден был отступить, потеряв, помимо убитых, 83 человека пленными.

Военные акции Я. Сверчовского, О. Гаштольда и Я. Косцевича не остались без ответа.

К зиме, когда удалось высвободить некоторые силы с южного (крымского) фронта, состоялся поход ратей на Литву. Новгородско-псковская группировка боярина В.В. Шуйского (вторым воеводой был А.В. Сабуров) направлялась, очевидно, в Витебский повет (5 полков, 10 воевод)[45]. Изподо Ржевы двинулась рать М.В. Горбатого и Д.Г. Бутурлина (5 полков, 10 воевод). Из крепости Белой к Витебску вышел вспомогательный корпус В.Д. Годунова. В случае соединения ратей предписывалось: «А как бояре и воеводы в место сойдутца князь Михайло Горбатой со князь Васильем Шуйским, и князь Михаилу и Дмитрею Бутурлину быти в большом полку со князь Васильем Шуйским вместе, а передовому полку с передовым полком, а правая рука с правою, а левая с левою рукою, а сторожевому полку с сторожевым полком…»[46]. Никаких полевых сражений в этом походе не было: наемники и шляхта отсиделись в крепостях, а русские, не осаждая города, собрали богатые трофеи.

Северо-восточная граница Великого княжества Литовского была фактически оголена. В этом районе крепостей было катастрофически мало. Возведение частновладельческих замков также не решало проблем, хотя определенные мероприятия в этом направлении проводились. Так, 24 октября 1515 г. было выдано разрешение браславскому наместнику Ивану Сапеге построить замок в его имении Вяце на р. Двине[47]. Но небольшие замки не могли помешать русским воеводам вторгаться с северо-востока — их либо обходили, либо сжигали, как, например, крепость Друю на р. Двине.

Полномасштабная война, начавшаяся с «государевых походов» в 1512 г., через три года уже свелась к порубежным боевым действиям. Сил на продолжение войны участникам конфликта явно не хватало.

Сентябрь 1515 г. оказался неурожайным в России — как отмечает летописец, «переможилося хлеба на Москве»[48]. Подготовить провизию дворянам и детям боярским оказалось делом проблемным, поэтому в следующем, 1516-м, не планировались какие-либо полномасштабные операции. Упор в кампании 1516 г. делался на наиболее боеспособные служилые города (Новгород и Псков), сумевшие подготовить свои рати для наступательных действий.

Прибыв на великий сейм в Берестье в конце 1515 г., король Сигизмунд столкнулся с многочисленными жалобами своих подданных, «истощенных войною и налогами на военные нужды»[49]. Наемникам заплатили жалованье за последние месяцы и... распустили по домам. Военную кампанию 1516 г. решено было проводить собственными силами. Однако силы эти оказались распыленными: Жемойтская земля готовилась охранять свои границы от прусского магистра, Волынь и Киев организовывали отряды для обороны от татар.

Герб Короны Польской на пушке 1529 г. (ВИМАИВиВС)

С декабря 1515 по январь 1516 г. акты Литовской метрики засвидетельствовали крупные королевские займы на нужды войны на общую сумму ок. 6000 коп грошей[50]. Король фактически заложил у князей и магнатов некоторые свои земли и дворы с правом получать с них доходы. Деньги нужны были не только на выплату жалованья наемникам и ведение войны. Значительными суммами покупалась лояльность Крыма.

В начале 1516 г. великий князь Литовский Сигизмунд вновь обнадежил Мухаммед-Гирея успехами своих войск. «...Люди наши украиных наших замъков, — писал король, — с Полоцка и Витебска, и з ынъших наших городовъ, и дворане наши, и люди служебныи, жолнири, частокрот в землю неприятеля нашого московского ходят и посполите земли его школы великии делаютъ, и в целости выходятъ, а люди его, з ласки милого Бога, людемъ нашимъ въ его земли нигде на око ся не могутъ оказати»[51].

Но ни в русских, ни в литовских документах нет подтверждений слов Сигизмунда. Возможно, речь шла о пограничных рейдах небольших отрядов, ходивших «за рубеж» в целях поживиться добычей. В послании крымскому хану «шкоды» на порубежье были представлены как серьезные операции против «московитов».

Первый поход был предпринят только к началу лета. Со стороны Литвы отряд неизвестной численности вторгся в пределы Русского государства. В одном письме епископа Томицкого есть короткая фраза о том, что «наши люди, пришедшие под вражескую крепость Гомель, хоть и вынуждены были вернуться с незавершенным делом, но однако не мало вреда нанесли врагу»[52]. Отметим, что епископ Томицкий писал о поляках, подразумевая, очевидно, наемников, нанятых в Кракове.

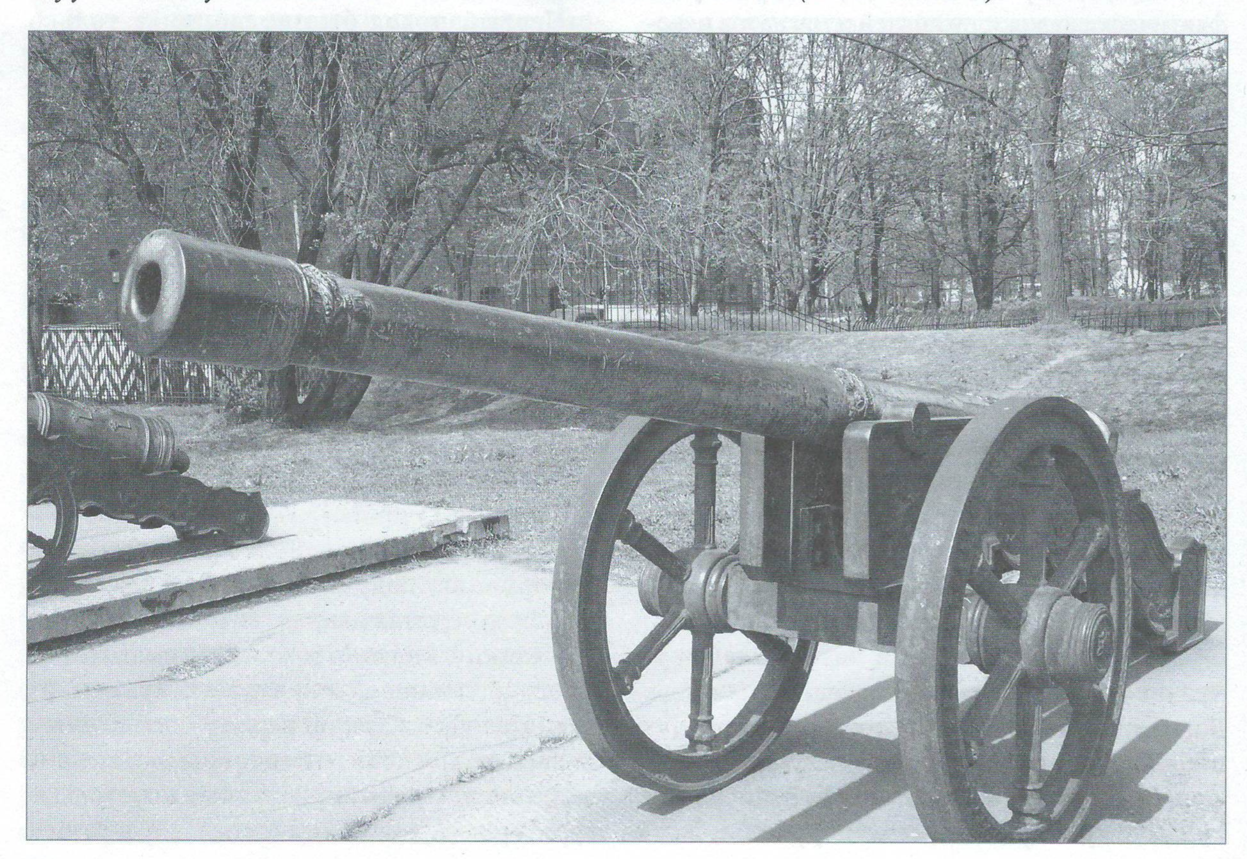
Вскоре с южных и восточных границ в Вильну стали поступать тревожные вести. Татарские отряды «царевичей» двинулись в Подолию и Галицию, а «московиты» собирали рать у границы, в районе крепости Белой. Информация, полученная от цесарских послов, подтвердила данные литовской разведки: великий князь Московский подготовил 12 или 13 тысяч воинов, чтобы отправить их брать Полоцк[53]. Судя по первым сообщениям, «коварные московиты» готовили не мелкие «загонные» отряды, призванные опустошать территорию, а весьма многочисленную рать.

Положение усугубилось тем, что сведения об объекте планируемого нападения оказались неверными — русские пошли не на Полоцк, а на Витебск. Момент был выбран самый благоприятный для воевод Василия III — в это время в Вильне шел процесс между витебским воеводой Яном Костевичем и витебчанами. Представители «нобилитета и граждан» (*nobelium et civium*) обвиняли воеводу в несправедливости и грабежах — «в кривдах и утисках». Решение Сигизмунда от 24 июля было не в пользу воеводы Яна Костевича[54]. Но пока шел суд да дело, под стены замки подошли передовые отряды русских. В разрядной книге приведена роспись, согласно которой «к Витебску по полком» от крепости Белой ходила рать воевод князей Андрея Бучена Борисовича Горбатова и Семена Федоровича Курбского, усиленная группировкой из Великих Лук[55]. И хотя в походе участвовали 13 воевод, сложно назвать данную группировку большой: судя по назначениям незнатных лиц на воеводские должности[56], это было небольшое войско, часть которого блокировала Витебск, а другая часть занималась набегами на окрестные территории.

Сложно сказать, были ли вообще попытки взять город штурмом — отряды русских, по литовским сведениям, «сожгли окрестные села и жатву».

Тем не менее были опасения, что Витебск, лишенный командования и управления, с небольшим гарнизоном, может не выдержать блокады. Неожиданно помощь горожанам пришла оттуда, откуда не звали: татары своими нападениями на южные рубежи «причинили большой ущерб московитам»[57]. Первое появление на рязанских и мещерских рубежах татарских загонов «Багатырь-царевича» датировано 15 июня[58]. Примерно к началу июля вести об угрозе крымчаков достигли русского лагеря под Витебском. Между 25 июлем и 24 августом появились один за другим долгожданные известия об отступлении врага, и П. Томицкий не приминул сообщить С. Ходецкому, что «наш

4-фунтовая пушка 1529 г. Великого княжества Литовского (ВИМАИВиВС)

враг наш Московит отступил от осады замка Витебска»[59]. Воевода А. Горбатый снял осаду и вернулся в Белую.

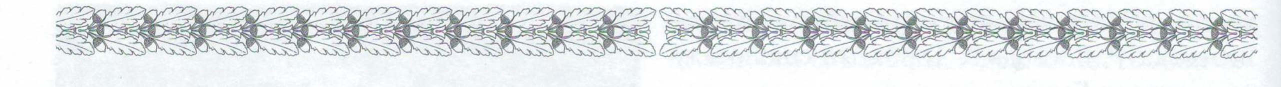
Но даже после отступления «московиты» заставляли нервничать литовских воевод. В переписке П. Томицкого с Константином Острожским опять появляются сообщения, что «Моски угрожают» Литве и они «готовы с сильной армией» перейти границу[60]. Но информации о глубоких вторжениях в источниках нет. И Литва, и Россия в это время были обеспокоены нападениями татар на свои границы.

Конец 1516 года прошел в небольших стычках, крупных операций в этот период не проводилось. Несмотря на договор с Мухаммед-Гиреем, Литве и Польше приходилось отражать набеги крымцев. По сути, тем же занимались и русские, чьи рати были выдвинуты на Окский рубеж.

В военном плане 1516 год не принес каких-либо успехов ни той, ни другой стороне. Однако на дипломатическом фронте Россией были достигнуты значительные успехи в плане формирования антиягеллонской коалиции. В 1515–1518 гг. Тевтонский Орден, Дания, Империя, Швеция искали дипломатичекие пути для налаживания прямых контактов со «схизматиком» и «варваром» Василием III Ивановичем. Есть все основания утверждать, что битва под Оршей, прогремевшая благодаря ягеллонской пропаганде в 1514–1515 гг. по всей Европе, утвердила во мнении ряд европейских монархов о нескончаемых военных ресурсах Московии. Казалось бы, по реляциям Сигизмунда «московиты» терпят грандиозное поражение, теряют якобы 30 или даже 40 тысяч убитыми, но тем не менее продолжают натиск на Литву и не выпускают инициативу из рук. И это обстоятельство не могло не привлечь внимания тех европейцев, которые находились в контактах с «Московией»…

Казенная часть литовской пушки 1529 г. (ВИМАИВиВС)

ГЛАВА 3. В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ

Для того чтобы подойти к освещению кампании на Псковщине, необходимо погрузиться в историю дипломатии, предшествующую событиям 1517 г.

Вести войну без союзников, опираясь только на «лояльность» Крыма и Василию III, и Сигизмунду I было бы весьма трудно. Но каждый из них считал делом первостепенной важности заручиться дружбой, а для верности — военным союзом, с соседними государями.

Император Священной Римской империи германской нации к тому времени уже охладел к своим проектам по созданию антиягеллонской коалиции — Максимилиана влекла уже другая идея, идея примирения с Ягеллонами, начавшая воплощаться в период Венского конгресса 1515 г. Не дожидаясь известий из Московии от своих послов Я. Ослера и М. Бургшталлера (которые вернулись в Вену весной 1515 г.), цесарь направил для ведения переговоров с Сигизмундом венского бургомистра Куспиниана[61]. Со стороны польского короля был направлен Христофор Шидловицкий. При посредничестве венгерского короля после долгих совещаний было достигнуто соглашение о проведении съезда в Пресбурге, куда для решения всех спорных вопросов должны были явиться короли Польский и Венгерский, император, а также «послы московского князя и магистра Пруссии» (*prefatos Moscovie dux et magister Prussie*)[62]. Многочисленная переписка по проведению съездов свидетельствует, что ни глава Ордена, ни Василий III все же не были информированы о намерении Максимилиана провести переговоры со всеми конфликтующими сторонами[63].

Король Сигизмунд, больше всех желающий примириться с императором Священной Римской империи, прибыл в Пресбург в начале марта 1515 г., затем приехал король Венгерский, ну а сам Максимилиан явился только 17 июля[64].

Съезд в Вене открыла пафосная речь Иоахима Вадиапа, в которой прозвучали пожелания об объединении "оплотов христианства" в борьбе с общими врагами — татарами и «московитами». Тем не менее переговоры на Венском конгрессе могли зайти в тупик. Дело в том, что короли-братья Сигизмунд и Владислав изначально поставили императору условия, которые он должен был выдвинуть своему союзнику-«Московиту»: вернуть все захваченные земли со Смоленском, заплатить все издержки и возвратить все трофеи, включая пленных[65].

Но император проявил всю свою изворотливость, чтобы не испортить окончательно отношения ни с Вильной, ни с Москвой. В ответных пунктах он согласился быть посредником в заключении «равного и справедливого мира», а в случае продолжения войны не оказывать «Московиту» никакой помощи[66]. Вследствие того что Сигизмунд готов был отказаться от своей прежней политики, порвать связь с противником империи, венгерской «партией Яноша Запольяи», и одобрить прежние брачные договоры между детьми Владислава и внуками Максимилиана, император решил примириться с Польшей[67]. Двойной брак детей венгерского и чешского короля с внуками императора, по сути, увеличивал шансы овладения Габсбургами коронами Чехии и Венгрии в случае пресечения мужской линии Владислава. «Сигизмунд I, — пишет историк В.А. Артамонов, — без колебаний поддержал эти браки в обмен за договор о дружбе

и мире с Максимилианом и отказ императора от патроната над Тевтонским Орденом и связей с Москвой»[68].

Одновременно с этим в Вене были проведены приготовления к отправке посольства в Москву с предложением посредничества в заключении мира между Литвой и Россией. Миссия имперского посла Сигизмунда Герберштейна состоялась в 1517 г.

Таким образом, император Максимилиан фактически отказался как от своих союзников, так и от антиягеллонской коалиции. Но от планов создания военного альянса не отказался государь Василий III, которому были необходимы европейские союзники в затяжной борьбе с Литвой. Этими союзниками должны были стать Дания и Тевтонский Орден.

Русско-датские отношения периода Смоленской войны 1512–1522 гг. занимают особую нишу в архитектуре формировавшейся антиягеллонской коалиции. Датское королевство являлось одним из серьезных игроков в Северной, а Российское государство — в Восточной Европе. В этот период стали налаживаться связи для заключения не только торговых, но и первых военно-политических союзов. Заключению русско-датского альянса 1516 г. предшествовал длительный период обмена посольств, переговоров и согласований пунктов договора.

Большинство датских документов Копенгагенского государственного архива, посвященных созданию русско-датского военного союза 1513–1520-х гг., так или иначе связано с деятельностью доверенного лица короля, подписывавшегося как *Danmarck rex armorum* («Дания, король гербов»)[69]. Этим лицом был магистр (герольдмейстер) Дэвид фан Кохран (Корран), «король датских гербов», считавшийся специалистом по Московии. Он несколько раз был в Москве, постоянно контактировал с русской посольской службой, поэтому неплохо разбирался в политике «московитов».

Имя магистра Дэвида впервые упомянуто в русских источниках в 1493 г.[70] Никоновская летопись оставила следующее сообщение: «Того же лета приидоша на Москву послы великого князя из немец Дмитрей Ралев да Дмитрей Зайцев, что посылал их князь великий к Датцкому королю Ивану о любви и братстве; они же шедше, короля к целованию приведоша на докончалных грамотах и те грамоты докончалные разоимаша; тогда же и посол с ними прииде на Москву от Датцького короля Ивана, именем Давид, такоже о братстве и о любви»[71]. В описях Посольского архива упоминаются «книги датцкие с лета 7001-го по 7009-й год, приезд к великому князю от датцкого Ивана короля посла ево каплана Ивана Миколая; и отпуск ево с Москвы; да отпуск же к датцкому королю государевых послов Дмитрия Ралева; да приезд к Москве государева посла маистра Давыда; да отпуск ево с Москвы; да отпуск к датцкому королю государева гонца Дмитрия Зайцова». Активизация русско-датских связей началась с заключения трактата 1493 г., текст которого стал основополагающим в пролонгации последующих союзных договоров. Оригинал, скрепленный золотыми печатями великого князя Ивана Васильевича

Посольство в Данию 1514 г.
Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

и короля Ганса, до наших дней не сохранился. В Копенгагенском государственном архиве находится копия этого трактата, в 1506 г. послужившая черновым проектом для нового соглашения[72].

Датские и русские источники сохранили отрывочные данные о перемещениях дипломатических миссий между Копенгагеном и Москвой.

В 1499–1501 гг. для укрепления династических связей рассматривался вариант сватовства сына великого князя Ивана III княжича Василия на королевской дочери Елизавете[73]. Но русские послы, прибывшие в начале 1501 г. в Копенгаген, не могли знать, что еще 5 февраля 1500 г. в Киле уже прошла заочная помолвка 14-летней принцессы Елизаветы с 16-летним курфюрстом Бранденбургским Иоахимом I.[74] Московские послы не были поставлены в известность о начале брачного процесса, поскольку, по словам историка С.М. Каштанова, «срочность помолвки определялась стремлением закрыть дорогу дальнейшим русским предложениям, ибо женитьба Василия на Елизавете могла вызвать у шведов, датского духовенства и папы недовольство политикой Ханса»[75].

Несмотря на неудачную попытку сватовства, Москва и Копенгаген продолжили активно контактировать. Во-первых, у Дании ухудшились отношения с Ганзой. Во-вторых, сближение двух стран началось с упрочнением отношений их противников — Литвы и Швеции.

В 1499–1505 гг. в описях отмечены русские послы в Данию Иван Волынский, Третьяк Долматов, Болдырь Поюсов, Истома Малый, Юрий Траханиотов, выполнявшие поручения великого князя Ивана III, а также ответные датские посольства «Григория Гизларда», «Юрия Свига», «Ганса Плуга»[76].

Эти контакты являлись предметом пристального внимания ганзейцев и шведов. В частности, последние отмечали: «…посланник магистр Дэвид ежегодно находится у великого князя в России, где он строит всякие козни против этого нищего государства (Швеции) и христианства, и вследствие этого мы никогда не чувствуем себя свободными от вероотступников русских»[77].

9 сентября 1505 г. шведам стало известно, что датские послы магистр Дэвид (mester Dawith) и некий «Масс Рефюль» (Mass Raeffuel), направившиеся в Россию с дипломатической миссией, прибыли в Нарву[78]. С этого времени любые передвижения по Балтике датских кораблей отслеживались также и ганзейцами.

После смерти в 1505 г. великого князя и государя Ивана III Васильевича датскому правительству короля Георга необходимо было приложить усилия для возобновления договора с Москвой, поскольку прежнее соглашение от 1493 г. считалось утратившим силу, как заключенное при прежнем правителе.

Через 8 месяцев после смерти Ивана III взявший бразды правления его сын Василий 17 июля 1506 г. известил датского короля Ганса о смерти отца (*genitor noster migrauit in Domino*). В послании московский государь выразил желание заключить «дружбу и братство на тех же условиях, на каких Вы с отцом нашим имели, для чего и отправляем к Вам вместе с Вашими послами посла нашего Истому»[79].

Текст этой грамоты нам известен по публикации в «Собрании государственных грамот и договоров» по копии, сделанной в первой трети XIX в. директором Копенгагенского королевского архива Иоганном Торкелином[80]. Однако при сличении со списком, хранящемся в Датском архиве, обнаруживается, что в XIX в. при копировании было сделано несколько ошибок[81], из-за чего некоторые исследователи ошибочно считали, что миссия Истомы состоялась в 1507 г. вместо 1506 г. Подобные ошибки допущены и в упомянутых публикациях ответной грамоты: неправильно передано имя русского посла: Ystonia, Yscania, — кроме того, в издании «Собрания государственных грамот и договоров» источник почему-то ошибочно датирован 1505 г.[82] Но самое интересное в этой ситуации то, что неправильное прочтение имени посланника в историографии привело к парадоксальному выводу. Так, датский историк Микаэль Венге отмечает, что в 1506 г. Василий III «отправил в Данию своего посланника Истонию для подтверждения договора — предприятие довольно-таки провокационное, ибо Эстония входила в состав Ливонского Ордена и издавна была в сфере интересов Дании»[83]. Дело в том, что в публикации списка грамоты,

сделанного секретарем Копенгагенского королевского архива Иоганном Торкелином, допущена ошибка — имя русского дипломата передано как Yschonia и Yscania (а в публикации Э. Гронблада — Ysthonia) вместо Ystoma и Ysthoma, как в списке из Датского государственного архива. Как видим, имя русского посланника Истомы под пером историка невольно обратилось в политическую провокацию.

Кроме этого, сравнение текстов трактатов позволяет пересмотреть устоявшееся мнение (основанное на утверждении А.Н. Казаковой), что «договор 1506 г. повторял договор 1493 г. за одним исключением: в договоре 1506 г. отсутствовала имевшаяся в договоре 1493 г. статья об обязательстве датского короля оказывать помощь великому князю московскому против его «недруга» — великого князя литовского»[84]. Исследователи часто игнорируют тот факт, что текст договора 1506 г. сохранился только в первом черновом датском варианте, причем для его составления был использован полный текст прежнего соглашения 1493 г., в котором лишь заменены имена московских государей (Ивана на Василия) и шведских мятежников (Стена Стуре на Сванте Стуре). Причем и в тексте 1506 г. пункт о выступлении против великого князя Литовского без изменений был взят из договора 1493 г., в том числе и фраза «…также мы будем вместе с братом нашим, по возможности своей, против нашего врага, великого князя Литовского, в правде, без всякого обмана»[85]. По сути дела, это была формальность, которая не обязывала выступить против Литвы, так как условия не были оговорены. Фраза «по возможности своей» (quantum nobis possibile est) весьма расплывчатая, чтобы говорить о конкретных обязательствах датского короля.

В описи 62-го ящика Царского архива упоминается «список з грамоты з докончальные, какова послана грамота к датцкому королю Ивану, з золотою печатью, з Дмитреем Ласкиревым (выделено мной — А.Л.)»[86], что свидетельствует о ратификации договора российской стороной.

В том же 1506 г. король Ганс извещал великого государя, что он информировал русского посла по имени Власий о большом мятеже в Швеции[87]. В этом же письме король сообщал, что в Москве есть финн с именем Сивар, образованный человек, много лет находившийся в неволе, который мог быть полезен с посланником Георгом в качестве толмача[88].

10 апреля 1508 г. шведам стало известно, что король Дании направил в Россию корабль с 4 пушечными мастерами, груженный 30 ластами военного снаряжения[89]. Вполне вероятно, что эта акция проходила в рамках подписанного договора о взаимопомощи — российское войско нуждалось в современных вооружениях и военных специалистах. За 1508–1509 гг. в описи дел Посольского приказа имеется короткая фраза о поездке русского посла в Копенгаген: «Да в 7017-м году отпуск с Москвы государева посланника дьяка Елизара Сукова да дацкова посла магистра Давыда»[90].

15 июля 1510 г. из Выборга шведский рыцарь Эрик Турессон сообщал о миссии магистра Дэвида в Россию[91]. А 18 июля тот же адресат уведомил Риксрат о том, что, по его сведениям, Россия, куда недавно ездил магистр Дэвид от короля Ганса, пришла к соглашению с Данией, и поэтому в скором времени надо опасаться нападения со стороны русских[92]. В «Описи архива Посольского приказа» содержатся указания на хранившиеся там «речи и ответы, что привез от короля дацково Елизар Суков лета 7018-го году»[93]. Но узнать о теме переговоров мы, к сожалению, не сможем. Озабоченность шведов русско-датскими переговорами вполне объяснима — возможно, они догадывались о включении в соглашение пунктов антишведской направленности.

В 1510–1511 гг. с каким-то особым поручением к государю Василию III Ивановичу приезжал гонец. Цели визита покрыты тайной, он лаконично отмечен как «приезд к Москве и отпуск с Москвы дацково гонца Гармана»[94]. 26 июля 1511 г. штатгальтер Т. Эриксон сообщал из Разеборга, что магистр Дэвид небольшой эскадрой в три корабля (iii snaekkiar) прошел в сторону России (in j Rydzelandh)[95].

Итак, в 1509–1511 гг. имели место какие-то переговоры с датским королем, подробности которых, к сожалению, источники не сохранили.

1513 годом можно датировать новый виток русско-датских отношений, начавшихся еще

при отце Василия, Иване III. После коронации Христиана II Дания была также заинтересована в военном союзе с Московией: датский король был женат на внучке Максимилиана Елизавете, и в своей политике поддержки Тевтонского Ордена он был солидарен с императором Священной Римской империи германской нации. Помимо этого Христиан II имел свои экономические интересы в Московской Руси. Кроме этого, оставалась надежда на помощь в борьбе со Швецией. В условиях объявленного ганзейскими городами и польским королем эмбарго Московии датская торговля могла в обход запретов выйти на русский рынок, однако ее развитие продвигалось в неблагоприятных условиях[96].

Магистр Дэвид находился в Москве до середины весны 1514 г. Почти одновременно с выдвижением русской армии на Смоленск вместе с датским послом были отправлены в Копенгаген сын боярский Иван Микулин Заболоцкий и дьяк Василий Александров

Магистр Давид фан Кохран вместе с московскими послами отправляется в Копенгаген. 1514 г. Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

Белый[97]. В собрании Государственного архива Дании сохранились верительная грамота к королю (с аккредитацией ведения переговоров: «и что тебе от нас учнет говорити, и ты б им поверил, то есть наши речи») и «наказные речи» русских послов[98].

Судя по отметкам в переведенном на латынь документе, основную часть речи перед королем держал Иван Заболоцкий (7 отметок Ioanni loquere на столбце). Речь дьяка Василия Александрова (3 отметки Wasilio loquere) касалась рассказа о результатах переговоров с магистром Дэвидом в Москве, согласований пунктов будущего договора, об ответном посольстве короля, о переговорах с имперским послом Юрием Шнитценпаумером относительно планов совместных боевых операций против Сигизмунда и о желании императора согласовать действия с датским королем. Через своих послов Василий III подтверждал все прежние договоренности 1506 г., которые были при короле Гансе (в том числе и поддержка в войне против мятежника Стена Стуре), и, в свою очередь, предлагал датскому правителю оставить в новом соглашении пункт о совместной борьбе против короля Сигизмунда («И ты б… также с тем нашим недругом с Жигимонтом королем почал ныне то дело делати»).

Пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что у Василия III со шведами еще в мае 1513 г. был заключен мирный договор, а у Христиана II — согласованы договоренности о дружбе с польским королем. Между тем стороны сделали вид, что готовы выступать против общих врагов — шведов, поляков и литовцев.

Итак, 10 апреля 1514 г. датируется верительная грамота Василия III Христиану II об отправлении к нему сына боярского Ивана Заболоцкого и дьяка Василия Александрова для переговоров о союзе[99]. По-видимому, посольство сопровождал все тот же магистр Дэвид. В составе 30 человек русские дипломаты в сопровождении магистра Давида прибыли в начале лета в Копенгаген[100]. 4 мая 1514 г. власти Нарвы уведомили ревельских ратманов, что датский герольд вместе с русскими послами выехал по направлению к Ревелю[101]. Ганс Перссон, начальник таможни в Гельзингере,

1 июня сообщал в Копенгаген, что магистра Давида с посольством от Василия III ждут со дня на день[102].

О переговорах датской стороны мы можем судить по сохранившемуся в Копенгагенском государственном архиве проекту договора от 3 июля 1514 г.[103] В нем от имени Христиана II предлагается «императору всей Руси» (*totius Rutzie imperatore*) возобновить дружбу и настроиться против Швеции. Со своей стороны датский король был готов посредничать в переговорах с европейскими странами и занять враждебную позицию в отношении Польши и Литвы «по правде, не по лжи» (*in veritate absque dolo*)[104].

Для исследователей практически незамеченным и неоцененным остался этот проект, хотя все его пункты практически неизменными перешли в русский вариант соглашения 1516 г. В сопроводительном письме Василию III Христиан указывал, что, желая подтвердить прежний союз между Россией и Данией, он посылает московскому государю договор, составленный по образцу отцовского соглашения 1506 г., в который добавлены пункты о совместной войне против польского короля (*addendo articiilum contra regem Polonie*). В этом же деле сохранилась инструкция короля магистру Дэвиду[105], где в пяти пунктах предписывалось: 1) заверить Василия III братством и дружбой датского короля; 2) просить о скорой присылке ратифицированного соглашения; 3) рассказать об отношениях со Швецией; 4) высказать пожелания о последовательной политике великого князя по отношению к Швеции; 5) попытаться выпросить у великого князя преференций для датских торговых людей. Неизвестно, знали ли датчане о том, что буквально год назад, 9 мая 1513 г., послами Хенриком Икскюлем, Хенриком Стенссоном и др. доверенными лицами от имени риксфорестондера (правителя) Стена Стуре Младшего был заключен договор с русской стороной, представленной новгородским наместником боярином В.В. Шуйским и боярином И.А. Челядниным, о 60-летнем перемирии[106].

Грамота датского короля Христиана II была скреплена, судя по всему, обычной восковой печатью (*Et ad fortificationem harum nostrarum litterarum sigillum nostrum apposuimus*), то есть это была так называемая предварительная ратификация — датский король изложил со своей стороны все те пункты, на которых он был согласен заключить договор. Грамота из Копенгагена была доставлена в августе 1514 г. (в описи отмечен «приезд к Москве государевых послов Ивана Заболоцкого да Василья Олександрова, да с ними вместе дацкого посла магистра Давыда»). Герольдмейстер «Дания» более полугода (с осени 1514 г. до начала весны 1515 г.) находился в Москве. В это время он наверняка слышал о поражении русских войск под Оршей, о попытках возврата Смоленска армией К.И. Острожского. К сожалению, в Датском государственном архиве не сохранилось ни отчетов, ни писем за этот период герольдмейстера Дэвида к своему королю. Понадобилось еще два года, прежде чем текст договора был ратифицирован русской стороной.

С прибытием 17 декабря 1514 г. имперских послов Я. Ослера и М. Бургшталлера с новым вариантом русско-имперского договора Василию III и его ближайшему окружению стало очевидным, что император отказывается от всех прошлых обещаний выступить «заодин» против Сигизмунда I.

Да и датскому королю было не до «московитов». Он был занят куда более прагматичными и перспективными делами — сватовством (и, соответственно, составлением брачного контракта) к Елизавете, внучке императора Максимилиана[107]. В Эмсе был заключен военный союз Габсбургов и Ольденбургов. В августе 1514 г. супруга датского короля Елизавета была коронована в Копенгагене.

В ответе Василия Ивановича королю Христиану было сказано: «А которую еси грамоту к нам прислал с своим послом з Гералд Давыдом, и той грамоте у нас непригоже быти». Грамота оказалась «непригожей», скорее всего, по причине умаления государева титула — в «проектной» грамоте Христина были перечислены только владельческие титулы от Владимирского до Болгарского — а ведь даже в верительных грамотах всегда прежде ставился полный титул государя. К тому же, ко времени, когда послы прибыли в Москву, государь уже взял Смоленск, и к его титулу добавился наименование «Смоленский». Поэтому было подготовлено новое посольство, состоящее,

впрочем, из прежних послов — Заболоцкого и Александрова[108], а вместе с ними «послали есмя к тебе (Христиану. — А.Л.) список, какове грамоте меж нас с тобою пригоже бытии»[109].

В апреле 1515 г. послы отправились в Копенгаген для согласования пунктов русско-датского договора. В выданных им «посольских речах» говорилось о возможности подписания договора («чтоб нам с тобою быти в дружбе и единачстве») с крестоцелованием двух сторон. Русская сторона высказывалась за союз против Швеции («а мы, оже даст Бог, с твоим и с своим недругом с свейским правителем с Швантовым сыном Стен Стуром хотим с тобою делати заодин») при условии помощи совместно с Максимилианом в войне с Сигизмундом («тебе с ним вместе почати с тем с его недругом з Жикгимонтом королем его дело делати»)[110]. И в который раз магистр Дэвид вместе с русскими послами на кораблях поплыл обратно, к своему господину, согласовывать образовавшиеся разногласия.

Красновосковая печать Василия III на верительной грамоте к датскому королю Христиану II, 1515 г. Rigsarkivet (Копенгаген)

Из истории русско-датских отношений выпадает период почти в год — с апреля 1515 по июнь 1516 г. О развитии отношений в это время известно немного. 2 сентября 1515 г. датируется рекомендательное письмо в городской совет Ревеля относительно своего посла в Россию магистра Дэвида[111], который на двух кораблях проследовал в Нарву[112]. Следовательно, какие-то контакты продолжались, но в целом за год вряд ли произошли какие-то существенные изменения в отношениях Дании и России. Заключению договора между Василием III и Христианом II предшествовали активная переписка и обмен посольствами в течение второй половины 1516 г.

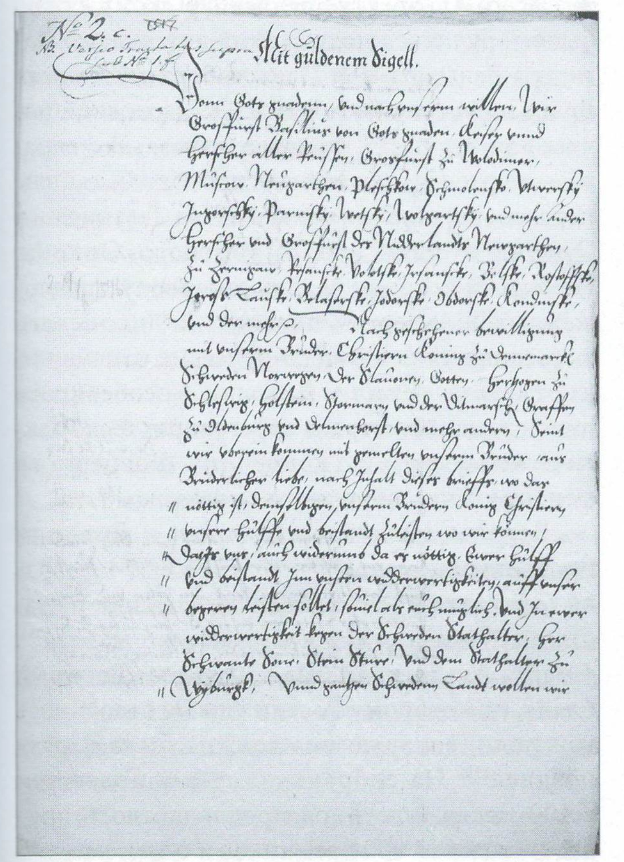
Под 1515 г. в описи Царского архива отмечен «приезд к Москве дацкого гонца Сидорика; и отпуск его с Москвы х королю». Об этом гонце упоминается в грамоте Василия III Христиану II от 1 июня 1516 г., из которой следует, что выехал «Сидорик» в Копенгаген вместе с послом к императору Дмитрием Загряжским[113]. Сидору в Москве приглянулась русская женщина, и посланник попросил в письме королю, чтобы он походатайствовал за него перед великим князем. Ответ московского государя был категоричен: «…писал еси к нам в своей грамоте... чтоб нам для тебя, брата нашего, отпустити жену Сидорову, которую он понял в нашем государстве. Ино у нас во всех наших государствех того обычая нет, что нам в неволю свободных людей давати... и нам тое жонки твоему человеку Сидору в неволю отпустити непригоже»[114]. Этим поступком государь показал, что не может позволить православной женщине отправиться в ”неправедную“ страну к еретикам. В его представлении жизнь в «латынянском» государстве и означала неволю. В этом же послании государь сообщил, что в Ивангороде по просьбе короля отданы в учение русской грамоте и языку молодые датчане, входившие в посольство фан Кохрана («мы тех твоих робят устроили в своих государствех, чтобы им скорее грамоте научитися, и призор бы им болши был»)[115].

Наконец, к августу 1516 г. с участием датского посла магистра Дэвида были согласованы все пункты договора, и 9-го числа того же месяца в Копенгаген отправился дьяк Некрас Харламов[116] с ратифицированной (скрепленной золотой печатью) пергаменной грамотой[117].

На первый взгляд, общие положения русского варианта договора предусматривали

взаимную помощь друг другу («где будет тебе, брату нашему Кристерну королю, надобе наша помочь на твоих неприятелей, и нам тебе помогати, где будет мочно, а где будет нам надобе твоя помочь на наших неприятелей, и тебе нам помогати, где будет тебе мочно»)[118]. Россия обещала помогать «в правду, без хитрости» в борьбе со шведами, а датчане должны были участвовать в помощи против поляков и литовцев. Но далее в договоре была прописан весьма интересный пункт, который касался только совместных дел против Польши и Литвы. В случае начала боевых действий русскими войсками король должен был либо сам выступить в поход, либо послать своих «князей и воевод», и «делати тебе то дело с нами заодин». А если Христиан II пойдет войной на Сигизмунда, то русские войска должны помогать ему в этом. В этих отношениях достаточно очевидно вскрылись военно-политические планы Дании и России. Первая была готова дать обещания оказывать помощь в войне с Польшей и Литвой, лишь бы Василий III пошел против Швеции (с чего это вдруг датский король должен был воевать с поляками, если основным противником были шведы?). Вторая соглашалась помогать в борьбе со шведами, только бы Христиан II отвлек на себя «недруга» Сигизмунда. Но, по сути, московский государь даже не планировал нарушения 60-летнего перемирия со Швецией, утвержденного 9 мая 1513 г.

Список русско-датского союзного договора 1516 г. Rigsarkivet (Копенгаген)

Mit güldenem Sigell.

Обещание Василия III о торговле было исполнено почти через год в жалованной грамоте датским торговым людям[119]. Датские купцы получили разрешение торговать в Новгороде и Ивангороде, им выделялись земельные участки для строительства пакгаузов («дворов») и церковь. Торговля с Россией была выгодна: Дания могла напрямую, минуя посредничество Ганзейского союза, закупать воск, лен, смолу, коноплю, пеньку. Пожалования русского государя фактически подрывали торговлю ганзейцев, поскольку датчане оказывались в более выгодных условиях. Как отметила А.Л. Хорошкевич, подобная «грамота купечеству целой страны давалась еще один раз — в 1618 г. — шведскому»[120].

Выполнение условий военной помощи друг другу в войне против «врагов альянса» изначально было невозможным. Для России главным врагом было Великое княжество Литовское, а для Дании — Швеция. Поэтому каждая из сторон пыталась выжать из договора максимальную пользу для себя. Василию III невыгодно было нарушать мирный договор со Швецией в то время, когда на русско-литовском фронте велись боевые действия. Король Христиан II, в свою очередь, не имел возможности вести войну против Литвы, поскольку был связан с королем Сигизмундом Виленским трактатом от 8 июня 1516 г., который содержал в себе общие выражения искренней дружбы между правителями[121]. Польский король, в свою очередь, обещал не помогать Швеции припасами и военной продукцией. Параллельно с этим великий магистр Тевтонского Ордена Альбрехт, двоюродный брат зятя датского короля, заверил своего родственника в готовности заключить договор.

Таким образом, в 1516 г. образовался военно-политический союз Дании и России, что являлось, несомненно, весомым достижением в российской дипломатии. Следующим шагом для создания антиягеллонской коалиции был союз с Тевтонским Орденом.

Прямое сближение Кенигсберга и Москвы началось с 1515 г. 2 января Василий Иванович известил верховного магистра о том, что к императору едет для переговоров русская делегация во главе с Истомой Малым, «и ты б их велел проводить до Любка, чтоб им как дал Бог доехать без страху». В другом послании Василия III от 22 мая 1515 г. упоминается не только о первой орденской миссии некоего «Гришки Немчина» (в немецком варианте грамоты — Gerd), но и говорится о возможной финансовой помощи Ордену: «А мы к тебе добро свое и жалованье хотим держати»[122]. Высказанное русской стороной желание субсидировать военные приготовления Ордена уже можно расценивать как предтечу будущего военного союза. В послании Василия Ивановича мы не видим каких-то конкретных планов совместных действий, условий сотрудничества и обязательств. Великий князь общими фразами предлагал всем членам будущего альянса «дело делати заодин» против польского короля[123].

В следующем послании Василия III к великому магистру в общих чертах был озвучен проект военного наступательного союза Империи, Ордена и России. Ранее, в 1513–1514 гг., возможность создания антиягеллонской коалиции государь обговаривал только с Максимилианом. Теперь же он был не против включить в нее и братьев Ордена. Но, как уже отмечалось, могучая империя после Венского конгресса 1515 г. отвернулась от идеи создания антиягеллонской коалиции и взяла курс на сближение с польской Короной. Император Максимилиан соглашался только на роль примирителя Сигизмунда Старого и Василия III[124].

С подачи историка В.Н. Балязина[125] в историографии часто цитируется «инструкция послам, отъезжавшим в Москву» от 14 декабря 1515 г.[126] На самом деле документ называется: «Предложения Дитриха фон Шонберга к предстоящим переговорам в Ливонии в Мемеле великого магистра и магистра»[127]. Фон Шонберг детально изложил все нерешенные к 1515 г. польско-прусские противоречия и подробно расписал совместные для Пруссии и Ливонии шаги к установлению военного союза с Москвой. Помимо обсуждений возможности содействия Ливонии в сношениях с Москвой и вопросов, связанных как с претензиями на приграничную Жемайтию и другие спорные территории, так и в целом с изменениями решений второго Торуньского мира, Шонберг отметил важную составляющую в политике Ордена — не допустить прекращения войны Василия III и Сигизмунда I: «Если Польша и Москва помирятся, то Ордену не останется иного выбора, как просить к тяжелому ущербу о невыгодном мире или окончательно погибнуть»[128]. Справедливости ради следует отметить, что и Россия, в свою очередь, конечно же, не была заинтересована в примирении Пруссии и Польши[129].

Векторы политики Тевтонского Ордена были уже определены, и сам великий магистр выбрал из них тот, который, по его мнению, соответствовал выживанию Ордена в условиях жестких противоречий с Польшей. Но прежде всего Альбрехту Бранденбургскому нужно было заручиться поддержкой ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга. Альбрехт Бранденбургский озаботился подготовкой почвы для будущего военного союза. В феврале — марте 1516 г. в Мемеле проходили тайные переговоры верховного магистра Тевтонского Ордена и магистра Ливонского Ордена. Немецкий историк М. Зах по поводу предложенных Шонбергом перспектив ливонского посредничества в русско-прусских отношениях отметила: «Участие Ливонии, в особенности ливонского магистра, в переговорах было тактически мудрым, но концепции Шонберга не суждено было продвинуться дальше»[130].

Встреча магистров Пруссии и Ливонии произошла в конце февраля 1516 г. 24 февраля было заключено тайное соглашение о взаимовыручке (с дополнениями от 6 марта)[131]. 4 марта Альбрехтом был составлен «Военный план», по которому России еще не отводилось той роли, которую она должна была играть позднее[132]. На собранную сумму более чем в 100 тысяч гульденов предполагалось привлечь около 15 000 наемников и с их помощью

развернуть наступление на Гданьск и Торунь. Однако для осуществления этого плана необходимо было собрать огромные средства. Пять курфюрстов империи и король Дании, поддерживавшие верховного магистра, не давали полных гарантий на предоставление денежных субсидий. Власти Ордена решили добиваться помощи России, одного из главных политических игроков в Восточной Европе.

К сожалению, о дипломатических миссиях за 1516 г. известно очень мало. В письме от 15 июля 1516 г. великий магистр просил императора Максимилиана походатайствовать об освобождении двух его людей и одного из слуг русских посланников, которые были захвачены у морского берега в Жемайтии литовской стражей и, по всей видимости, посланы к польскому королю[133]. Судьба члена московского посольства прослеживается в письме польского короля. Согласно письму Сигизмунда радным панам (лето 1516), «Московитом» был отправлен посланник с секретной миссией (*nuncius per ducem Moscovie secreto*) к прусскому магистру, который вначале ехал в составе официального посольства к императору, а затем должен был тайно пробраться через Литву в Пруссию. Староста Жемайтский (*capitaneum nostrum Samogitiensem* — речь идет, очевидно, о Станиславе Кезгайло) каким-то образом узнал про нелегала, поймал и отправил в Вильну. Московский гонец, чтобы не выдать тайну и не опозорить своего государя, совершил самоубийство ножом[134]. К сожалению, имя героя осталось неизвестным. Гонец выполнил то, что обязан был сделать в случае его поимки, — обеспечил секретность информации, которой обладал.

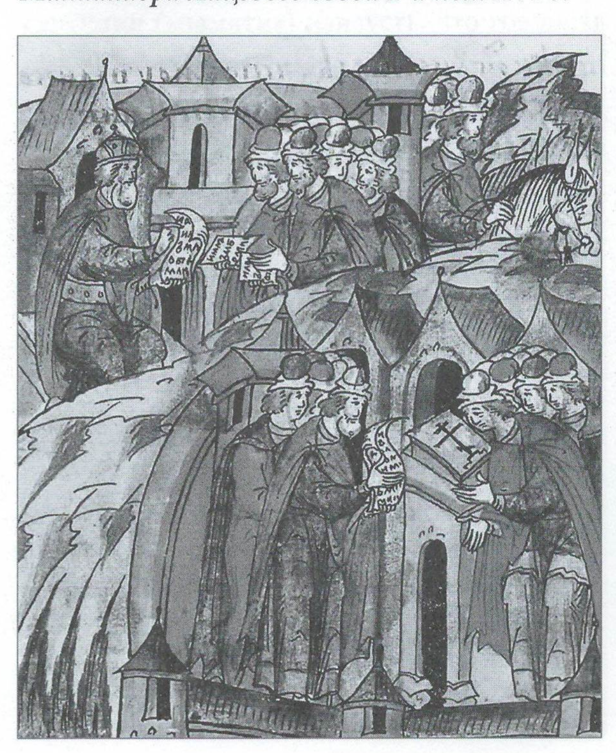
Прибывшие в Москву в 1516 г. посланники А. Заболотский, А. Малый, а позже — В. Тетерин привезли государю слова великого магистра, «чтоб великий государь меня жаловал и берег и во единачстве меня учинил с собою, а яз о том хочю слати к великому государю своего человека Шимборка»[135]. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в течение 1515–1516 гг. прощупывалась почва для возможности заключения военного союза с Тевтонским Орденом.

1517 годом можно датировать первые конкретные достижения в образовании русско-тевтонского военного союза. Показательно, что в феврале этого года побег одного московского пленника из тюрьмы, что располагалась, очевидно, в Велене (Жемойтия), стал причиной выяснения отношений между великим магистром Тевтонского Ордена и королем Сигизмундом.

Как отметил литовский историк В. Сирутавичюс, от статуса невольника зависели условия его содержания в той или иной крепости[136]. Например, за неродовитыми детьми боярскими следили не так пристально, как за знатными пленниками, хотя положение многих было плачевным. В то же время такие «вязни» могли иметь определенную свободу передвижения внутри двора или замка, благодаря чему некоторым из них удалось убежать из плена (в Литовской метрике такие случаи встречаются, например: «два москвитины втекли на… конех сее зимы… звали тых москвич Теготси Федоров сын Забелин, а другии Белик Негодяев»[137]).

В собрании исторического Кенигсбергского тайного архива хранятся документы о побеге

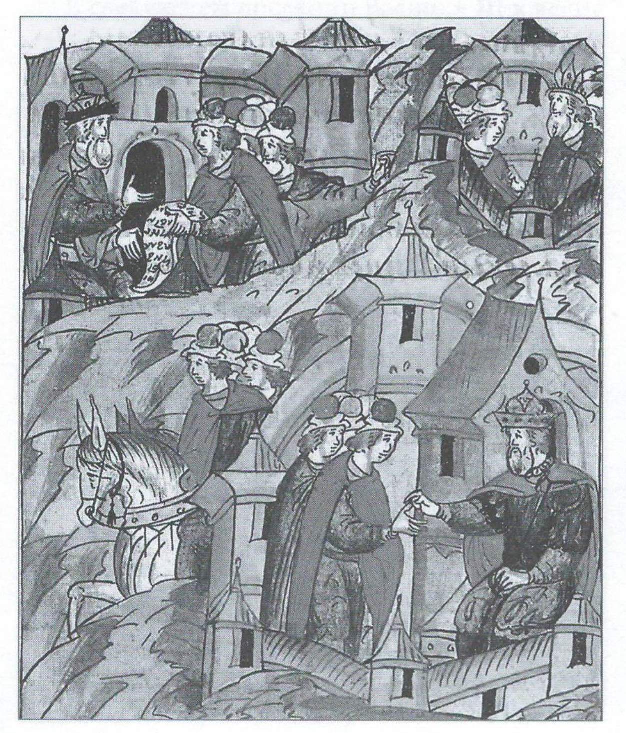
Посылка Д. Загряжского в Кенигсберг 1516 г. Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

из плена некоего «московита Булгака» (Bulhak Moskus) со своими сыновьями. Дело интересно двумя моментами: во-первых, в отличие от других беглецов, Булгак бежал не на восток, в сторону России, а на запад, во владения Тевтонского Ордена. Во-вторых, его побег стал причиной выяснения отношений между великим магистром Тевтонского Ордена и королем Сигизмундом, что придает этому случаю статус международного инцидента.

8 февраля 1517 г. в канцелярии польского короля было составлено письмо следующего содержания, адресованное верховному магистру Тевтонского Ордена[138]: «Сиятельный князь и господин, наш дорогой племянник! Бежал из нашей земли Жемойтии с сыновьями и имуществом Булгак Московит, который пробрался и укрылся в вашей крепости Рагнит; по пакту и соглашению между Вашей страной и нами перебежчики выдаются обратно, мы просим также, дабы сохранить наш мир, содержать упомянутого Булгака под стражей до момента, пока не будет осуществлена передача его нам по взаимному соглашению»[139].

Приезд тевтонского посла 1516 г. Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

В этом инциденте весьма характерно показал свою позицию верховный магистр. Беглого пленника, конечно же, не выдали. Желая показать доброе расположение к московскому государю, Альбрехт лично просил магистра Ливонии Вольтера фон Плеттенберга оказать содействие в том, чтобы освобожденный Булгак (Balhack) с сыновьями «свободно и безопасно» мог пройти через Лифляндию (durch die landt Leyfflandt freij, sicher) домой[140]. Этот частный случай побега «московита Булгака» наглядно обозначил вектор последующей политики Тевтонского Ордена, направленной на укрепление русско-прусского военного союза против Польши и Литвы. Нарушение соглашения о выдаче беглецов со стороны Тевтонского Ордена стало очередным шагом к конфронтации между польским королем и верховным магистром. Своеобразным итогом такой политики стало подписание через месяц после инцидента договора о военном сотрудничестве России и Тевтонского Ордена.

В том же феврале 1517 г. в столицу прибыл орденский посол Дитрих фон Шонберг. Еще до заключения договора в тевтонском послании содержалась просьба: «нечто маистр валку (войну. — А.Л.) с полским королем начати похочет, и непобедимый всеа Руси царь тому маистру на помощь тритцать или сорок тысяч конных... послати изволит»[141]. Имея гипертрофированные данные о численности «московитов», тевтонцы полагали, что выставить в помощь такое число конницы — не проблема для великого князя. Чуть позже Шонберг просил о выделении Ордену средств на наем 10 тысяч пехоты и 2 тысяч конницы. Обратимся к тексту самой грамоты от 25 января 1517 г.: «К тому поспешению потреба есть, чтоб Величество Ваше, на всякой месяц четыредесять тысячь золотых Ренских добрыя цены и весу на удержание десяти тысящь наших людей по четыре золотые на простого желнера, считая также на всякой месяц два десят тысящь золотых Ренских по той же цене на удержание дву тысящь конных людей по десяти золотых на одного коня и одного человека, опроче того, что к хитрецем и к пушкам пристоит да готово иметь»[142].

Обратим внимание: в тексте нет никаких обязательств о возврате требуемой суммы, речь в документах идет не о кредите как таковом, а фактически о финансировании Россией военных операций против общего врага. То есть тевтонцы хотели воевать за русские деньги. О заключении русско-тевтонского союза в 1517 г. следует остановиться подробнее.

Процесс образования военного оборонительно-наступательного альянса состоял в том, что каждая из сторон в своих грамотах брала на себя определенные обязательства, но при этом излагала требования, необходимые для их выполнения. До этого активно шло обсуждение условий договора. Так, на состояние к 1517 г. великий магистр в своем послании гарантировал начало военных действий против польского короля, но только в случае материальной и финансовой помощи. В ответ русская сторона обещала Альбрехту «жаловати и беречи» и за его землю «стояти», но только в случае объявления войны Орденом. В результате переговоров Шонберг согласился со всеми пунктами московских соглашений.

Сохранились несколько дел, которые раскрывают суть заключенного русско-тевтонского союза. В посольской документации есть список договорной грамоты[143], перевод записи Д. Шонберга о полномочиях в утверждении договора[144]. Кроме этого, в делах Кенигсбергского тайного архива сохранились собственноручные записи орденского посла и перевод на латынь русской грамоты.

Во вступительной части отчета великому магистру[145] Шонберг подробно разобрал русскую редакцию соглашения по пунктам (на полях рукою дипломата стоят пометки, относящиеся к скрытым проявлениям недоверия русской стороны), описал обстоятельства переговоров и подписания договора боярами, а также привел текст тевтонского варианта соглашения со всеми условиями, выдвинутыми русской стороной[146].

Суть русско-тевтонских соглашений была в следующем:

1. Государь Василий Иванович брал под опеку Орден («в единачстве учинил и оборонял»).

2. Если начнутся боевые действия с русской стороны, то тевтонцы должны также присоединиться к войне против Сигизмунда.

3. После того как Орден вторгнется во владение Короны, он может рассчитывать на помощь России.

4. Обе договаривающиеся стороны должны обеспечивать беспрепятственное прохождение посольств друг к другу.

5. Договор российской стороны утверждался золотой печатью и крестоцелованием бояр Дмитрия Владимировича и Григория Федоровича[147] и казначея Юрия Траханиота. Тевтонский договор также скреплялся золотой буллой и крестоцелованием великого магистра.

11 марта Шонберг уехал в Кенигсберг, имея при себе документы с заверениями русской стороны. Вскоре, 26 марта 1517 г., для ратификации прусского соглашения в Пруссию был направлен Дмитрий Давыдович Загряжский. В деле Тайного архива есть, помимо «явной» верительной, еще и «тайная» грамота — на обороте над кустодией стоит пометка мелким почерком: «таина». Отличие по тексту от предыдущего документа всего в пять слов, характеризовавших наличие секретной информации, скрытой от посторонних глаз: «послали есмя к тебе своего сына боарского Дмитреа Давыдова сына Загрязского с таинами с своими речми, и что от нас учнет тебе говорити, и ты б ему верил, то ес (ть) наши речи»[148].

Посланники обязаны были заучить инструкции («памяти») наизусть, что говорить приватно или открыто магистру («говорити от великого государя...»), как держать ответ («а учнет маистр спрашивати...»), какие варианты озвучивать в том или ином случае («а учнет маистр говорити»).

В инструкции дипломату предписывалось высказать великому магистру содержание «тайных речей» — перечислить те самые условия, при которых возможно предоставление требуемой суммы: «и как... начнешь свое дело делати и достанешь тех своих городов, которые ныне твои городы пруские держит за собою наш недруг, король полской, неправдою, а **пойдешь к Кракову** (выделено мной. — А.Л.), и мы тебя пожалуем, помочь казною своею тебе учиним, пошлем к тебе казны своей на десять тысячь человек пеших и на две тысячи человек конных, а боронити тебя от своего недруга хотим и за тебя и за твою землю хотим стояти, сколко нам Бог поможет»[149].

То есть, используя лазейку в договоре, русская сторона выдвинула самое трудновыполнимое условие: для того чтобы получить деньги на войну, великий магистр должен был сначала ее начать, отвоевать города и двинуться к столице польской Короны! Кроме этого, Загряжский получил инструкции о тщательном сборе сведений о польском короле, об императоре Максимилиане и европейских делах[150].

В Кенигсберг посланник привез оригинал договора, утвержденного русской стороной. В настоящее время он хранится в собрании пергаментных актов GStAPK, но без золотой буллы, которая была потеряна, очевидно, в ходе эвакуации Кенигсбергского архива в Геттинген в 1944–1945 гг.)[151].

Русско-тевтонские переговоры начались 5 июня в Мемеле и закончились 11 июня 1517 г. Об их результатах Москва узнала 8 июля, когда во Псков прискакал «Микулка толмач псковитин» — гонец от Загряжского. Он привез срочное письмо от дипломата, в котором содержались следующие ценные сведения, полученные в разговоре с Дитрихом фон Шонбергом: император помирился с Венецией, но воюет со швейцарцами; турецкий султан захватил Иерусалим; к крымскому хану польский король «посылал помочи просить» и «крымской дей ему обещал помочь дать»[152]. Кроме этого, сообщалось, что Сигизмунд собирал «подать велику», и за это «все его люди не любят». Загряжский также информировал, что в Любек приезжает представитель ганзейских городов для обсуждения помощи шведам против датчан.

12 июля в Москву вернулся сам Д. Загряжский, который подтвердил, что «маистр к грамоте, в Шимборкове руке, которую Шимборка писал в Москве, печеть свою приложил и крест на грамоте целовал перед Дмитрием»[153]. Несмотря на выдвинутые русскими условия (финансовая помощь только после начала войны), «которая лишала союзный договор практической ценности»[154], Альбрехт в присутствии русского дипломата ратифицировал его.

Позже Д. Загряжский сообщил в Москву об организации ответной миссии Ордена в составе гофмаршала Мельхиора фон Рабенштайна, которая должна была согласовать размеры финансовой помощи («для укончания приговора»).

Таким образом, к лету 1517 г. уже обрисовался весьма крупный, на первый взгляд, альянс, который мог угрожать Польше и Литве.

Если рассматривать русско-датский и русско-тевтонский договоры в общих рамках формирующейся коалиции, то вырисовывается следующая картина. Заключенные между участниками альянса соглашения (русско-датский от 9 августа 1516 г., русско-тевтонский от 10 марта 1517 г.) дополнились проектом датско-тевтонского союзного договора от 21 сентября 1517 г.[155] И Дания, и Россия были заинтересованы в усилении Тевтонского Ордена, которому позже стали оказывать поддержку, первая — наемниками, вторая — деньгами. Но союз этот был грозен только на пергаменте. В реальности же каждая из сторон стремилась при минимумах затрат и выполненных условий соглашения извлечь как можно больше выгоды. В год начала контрнаступления польско-литовских войск на Псковщину Василию III нечего было и надеяться на помощь новообретенных союзников.

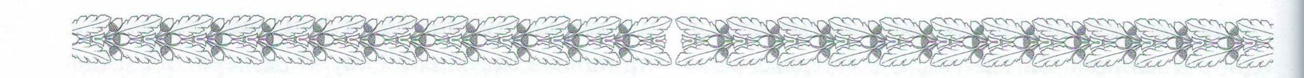
Говоря о дипломатических играх в восточноевропейской политике нельзя не рассказать о позиции Римского престола относительно Московии. В начале XVI в. не «Московит», а «Турок» внушал Европе страх. Поэтому даже «разгром на Борисфене» в 1514 г. Папской курией скорее рассматривался как акт наказания «московитов» за их схизму, который должен был подвигнуть Василия III к унии с католической церковью. Как отмечал О. Пирлинг, «присоединение русских к антитурецкой лиге казалось очень желательным»[156].

В то время, когда на русско-литовском фронте в 1514–1518 гг. гремели бои под Смоленском, Оршей и Опочкой, пантификат рассматривал возрастающее могущество правителя схизматиков как орудие в борьбе с османами.

Политику понтифика Льва X по отношению к России в 1514–1519 гг. можно охарактеризовать двумя тезисами: 1) примирение Сигизмунда I с верховным магистром Альбрехтом и государем Василием Ивановичем; 2) создание антитурецкой коалиции, в которую обязательно должны были войти «московиты»; 3) «возвращение схизматиков в лоно Апостольской Церкви».

Такие посылы папской дипломатии не мог одобрить король Сигизмунд. Однако даже речь Яна Лаского на Латеранском соборе «о заблуждениях рутенов» в 1514 г. и письма Сигизмунда о коварстве «Московита» не изменили уверенности папы в том, что схизматиков нужно всеми силами привлекать к антитурецкому союзу[157]. Кардиналу д`Эрдеду, архиепископу Гласскому, было поручено доставить папскую грамоту Василию Ивановичу, в которой предлагалось забыть все распри с соседом и обратить внимание на угрозу христианскому миру со стороны Турции[158].

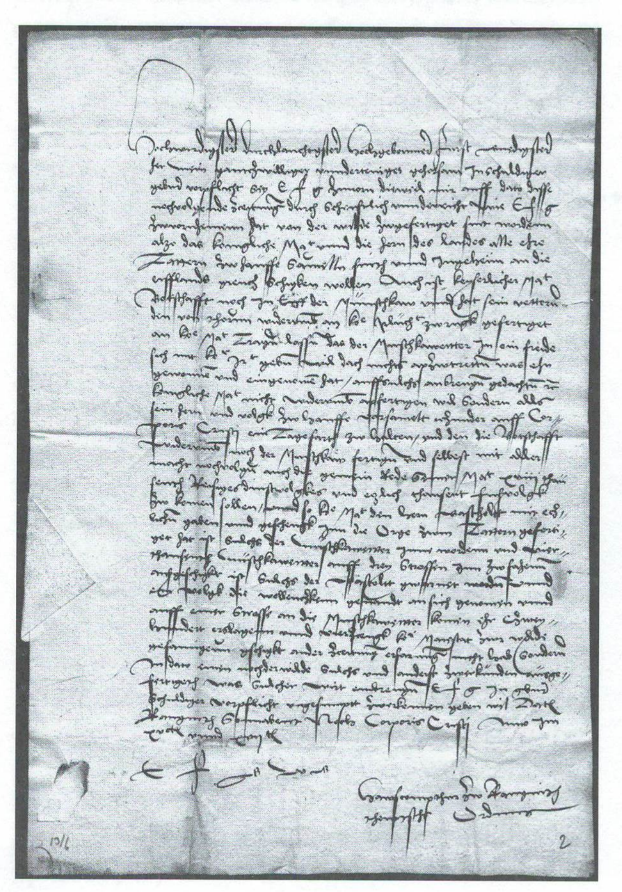
Ягеллонский двор действовал весьма хитрым способом. Будучи реалистом положения, король Сигизмунд 3 марта 1514 г. уведомил папских посредников о своем желании заключить перемирие с «Московитом» и сосредоточиться на войне с турками[159]. В качестве посредника был выбран протонотарий Якоб Пизон (Пизо), венгр по происхождению, который откровенно занимал пропольскую позицию. В июле, как сообщал сам Пизон, он прибыл в Вильну, где застал военные приготовления короля. Дальше к границам Московии легат не поехал, ожидая развязки. Вскоре пал Смоленск, а через месяц произошла битва под Оршей, о которой он так восторженно писал в письме А. Критскому[160]. Пизону так и не пришлось ехать в Москву — на первый взгляд могло сложиться впечатление, что полоса поражений и неудач на военном и дипломатическом фронтах для Сигизмунда закончилась. Однако последующие события показали, что все усилия королевской канцелярии создать у европейцев впечатление коренного перелома в войне сказались тщетными. Ранее было отмечено, что польская королевская канцелярия уведомила европейские дворы о грандиозном разгроме схизматиков. Но через некоторое время поражение «московитов на Днепре» возымело в некоторых странах совершенно обратный эффект. Казалось бы, разгром «80 000 московитов» должен был неизбежно привести к поражению Московии в войне, однако ход боевых действий показал, что «московиты» по-прежнему держат инициативу в руках, в ходе рейдов 1516–1520-х гг. глубоко вторгаясь на территорию ВКЛ, и успешно борются с наступлением королевской армии. Это породило в глазах европейцев гипертрофированные данные о размерах войск Василия III. Папский двор интересовала не столько сама русско-литовская война на задворках Европы, сколько проекты привлечения «московитов» в борьбе против османов.

ГЛАВА 4. ВОЙНА НА ДВА ФРОНТА. ОБОРОНА ОПОЧКИ

После описания дипломатических игр в Европе вернемся к положению на русско-литовском фронте к началу 1517 г. Как уже было отмечено, на пограничье к этому времени установилось относительное затишье. Военная кампания 1515–1516 гг. не принесла ни одной из воюющих сторон сколь-нибудь большого успеха. Россия и Литва за этот период обменивались колкими ударами, которые, однако, не могли оказать существенного влияния на изменение оперативной обстановки на русско-литовском фронте.

Письмо хаускомтура крепости Рагнит М. фон Петчена великому магистру. 13 июня 1517 г. GStAPK (Берлин-Далем)

23 января 1517 г., в пятницу после празднования дня св. Винсента, ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг закончил составление отчета великому магистру Тевтонского Ордена Девы Марии Альбрехту Бранденбургскому. В послании он изложил все сведения о положении на русско-литовском фронте, полученные благодаря созданной им сети информаторов. «…Татары, — писал Плеттенберг, — как нам сообщают, нанесли русским значительный ущерб, в то же время между польским королем и русскими не ведутся никакие [боевые] действия…»[161] После таких масштабных событий 1514 г., как взятие Смоленска Василием III и поражение московских воевод под Оршей, от воюющих сторон нечего было ожидать каких-либо активных действий. Однако информаторы крестоносцев ошибались…

10 февраля 1517 г. на Петроковском сейме были обговорены решения о продолжении боевых действий. На сеймах со стороны радных панов неоднократно звучали призывы искоренить «непослушенство». Если мобилизационные возможности Литвы в первой половине XVI в. доходили до 24–25 тысяч чел., то в реальности из-за неявки литовской шляхты в поле могло выставить в разные периоды всего от четверти до трети указанного количества[162].

Литовскому войску был придан наемный контингент под командованием ветерана войны «с московитами» Януша Сверчовского. Наемники были самой боеспособной частью войск Великого княжества Литовского, однако их содержание обходилось казне недешево. 8 июня по стране был послан королевский указ собирать «серебщизну» — средства на наем солдат: «положили серебщижну на все паньство Отчизну нашу Великое князьство Литовское для великойе потребы»[163]. Паны-рада должны были сдать средства из «своих пенезей» от 30 до 100 злотых от каждого.

Был оглашен специальный указ, согласно которому «служебные» могли приобретать у населения продукты по фиксированным ценам[164]:

Фиксированные цены на продовольствие жолнерам (в грошах) в 1517 г.[165]:

вол	60
корова дойная	40
яловица	20
баран	4
вепрь	8
2 гуся	1
3 курицы	1
коп жита старого	6
коп жита нового	4
пшеница	8 за коп.
ячмень	4 за коп.
овес	5 за бочку

По словам польского историка Марека Плевчинского, в поход пошли литовская служба земская под командованием К.И. Острожского «и несколько польских наемников (по крайней мере около 400 конницы и 200 пехоты)»[166]. Но вывод историка основан на ограниченном количестве материалов — он обнаружил лишь часть документов о найме «служебных». Между тем данные королевской корреспонденции заставляют предположить, что за несколько месяцев были собраны немалые средства — правительству удалось устранить затруднения с приемом монеты и дать обязательства на сбор более чем 10 тысяч злотых (super summa X milium flor.)[167], из которых первый транш в 3200 злотых (*tria milia ducentos flor.*) был выдан предводителю наемников Я. Сверчовскому. Исходя из расценок 1514 г. (кавалерист — 4 зл., драб — 2 зл. в квартал, цены за 1514–1517 гг. практически не менялись[168]), этой суммы должно было хватить на наем либо 2500 кавалеристов, либо 5000 драбов, либо 1250 кавалеристов и 2500 драбов. Так как войска собирались осаждать русские крепости, то, скорее всего, количество наемной пехоты должно было превышать количество кавалерии. В итоге королю удалось сформировать значительный наемный контингент под командованием ветерана войны «с московитами» Януша Сверчовского (не менее 4–5 тысяч).

Сборы королевских войск были пристальным объектом Тевтонского Ордена Девы Марии. 13 июня хаускомтур крепости Рагнит Мельхиор фон Петчен сообщал великому магистру о значительных военных приготовлениях «поляков против московитов»[169].

Сбор литовского войска в Полоцке в 1517 г. Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

4 июля посол князя Станислава Мазовецкого А. Закжевский просил у великого магистра помощь «лошадьми и доспехами» в походе против «московитов»[170]. Но польский посол, очевидно, не был информирован о том, что на тот момент между Тевтонским Орденом и Россией устанавливались союзнические отношения, и делегации Кенигсберга и Москвы разрабатывали совместный наступательный и оборонительный план (Kriegsoperationsplan) против Польши и Литвы[171].

В начале лета ничто не предвещало беды с юга. В июне государь Василий III получил грамоту Мухаммед-Гирея, в которой предлагалось совершить совместный поход «со многою своею ратью и с пушками и с пищальми» на Астрахань[172]. Однако уже в это время татарская рать Бахадыра собиралась для опустошения русской «украины». И когда в Полоцке собиралось польско-литовское войско, «на путивльские места» крымчаки совершили набег.

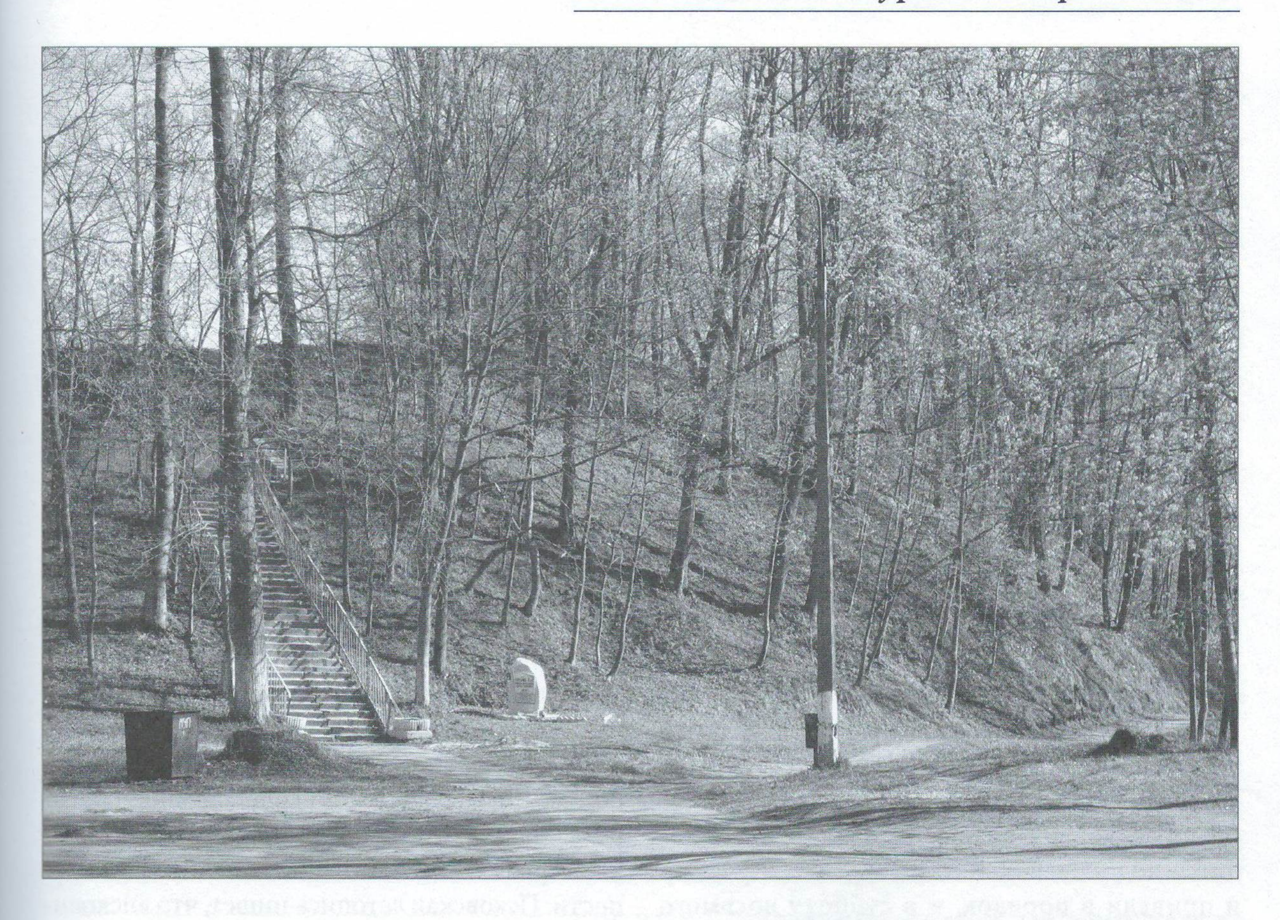
В августе с нескольких направлений в южные окраины вторглись крымские отряды: «…приходиша крымские татарове, Токузан мурза Агышов сын княжой, да Кудаш мурза Бектерев сын Ширинов, да Уидем мурза Маигит, да Алпов царевич шурин, а с ними 20 тысячь рати» [173]. Но кочевников ждал пренеприятный сюрприз — русские воеводы В.С. Одоевский и И.М. Воротынский успели развернуть войска, а для сдерживания крымских отрядов «послаша наперед себя противу татар детей боярских не со многими людми, Ивашку Тутыхин да Волконьских князей, и велели им со всех сторон татаром мешати, да быша не воевали, а сами воеводы поидоша за ними на татар». Услышав о приближении государевых воевод, мурзы начали отводить свои отряды и нарвались на тщательно организованные засады. «Пешие люди украинные многие» создали в лесных проходах завалы («дороги засекоша»), а «передние люди от воевод приспевшее конные, начаша татар топтати и по дорогам их и по бродом бити». Как позже показали пленные татары, «от 20 тысящь мало их в Крым приидоша, и те пеши и боси и наги»[174].

Засады против татарских отрядов в 1517 г. Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

Однако отдельные ватаги крымчаков продолжали делать набеги вплоть до глубокой осени. В ноябре «прислал к великому князю Василью Ивановичю всеа Руси слуга его князь Василей Ивановичь Шемячич своего человека Михаила Янова с тем, что приходили татарове крымские на украйну на их вотчину на путивльские места». Отправленная Шемячичем погоня достигла татар «за Сулою», разбила загон и захватила пленных[175]. В то же время отдельные отряды татар пограбили окрестности Острога и Слуцка и захватили большой полон.

Спустя несколько месяцев после вторжений татар крымский посол Авель-Ших в Москве объяснял действия калги Бахадыра следующим образом: будто бы царевич с войском был направлен против ногаев, «и он наперед себя посылал под Ногаи языков добывати; и те люди встретилися с твоими казаки с мещерскими, да Богатыревы люди у твоих людей языки поимали, а твои люди у Богатыревых людей языки поимали». Мещерские служилые татары, захваченные в плен крымчаками, якобы сообщили, что великий государь «с Азтороканью и с Нагаи содиначился (соединился. — А.Л.)», от чего калга, поверивший в эту информацию «лихих людей», будто бы рассвирепел и направил крымскую рать на

Валы городища Опочки.
Фотография А.И.Филюшкина

Рязань. За этот поступок, говорил Авель-Ших, хан разгневался на Бахадыра («на очех у нас не бывал»). «И ты б себе брат наш про то лиха на сердце никоторого не держал, а сыну бы еси моему его молодость отдал» [176]. По словам хана, «послал есми сына своего Алп-Гирей-салтана, а с ним рати шестьдесят тысяч, и оне королеву землю воевали и много им убытка учинили». Однако если обратиться к документам королевской канцелярии, то искренность заявления крымского хана улетучивается.

Во-первых, оправдания крымского хана почти дословно повторяют его же объяснения «случайного» разорения окраин Польши годом ранее. Мухаммед-Гирей в марте 1517 г. писал Сигизмунду, что в прошлом (то есть в 1516 г.) году «сына своего Богатыр-Кгиреи-солътана с сорокма тисечма людеи послал в землю неприятеля нашого, и вашого, московского воевати, а з ним послал есми сына своего Апльсолтана. И онъ, лихих людеи послухавши, на вас и на мене розыгневав ся, у панъства ваше шодъ, шкоду вчинил (выделено мной. — А.Л.)»[177]. Как видим, в этом случае другой сын хана, Алп-Гирей, также «случайно» разорил своего «союзника» из-за якобы дезинформации неких «лихих людей».

Во-вторых, уже к началу 1517 г. стороны пришли к соглашению о совместных действиях против «неприятеля московского». Практически в то же время, как отмечено в бумагах сéнатора Марино Сануто-Младшего, в Венецию прибыл польский посол, «который представился нашей Синьории, говоря, что его король готовил большое войско против московитов и даже в соглашении с татарами» (*et etiam in acordo con il Tartaro*)[178]. Согласно данным Литовской метрики, действительно, с крымским ханом были достигнуты очередные договоренности относительно совместных военных действий против «великого князя Московского»: Литва должна была ежегодно выплачивать сумму в 15 000 золотых, а хан обязывался не разорять южные окраины и, в свою очередь, вести войну с Василием III Ивановичем. Как писал сам Сигизмунд, «до

начала лета мы отправили с казной в Черкассы господина Гаштольда, воеводу Полоцкого, и хан обещал быть с нами в надежном союзе против нашего врага».[179] Вряд ли в Москве поверили в объяснения хана: от захваченных языков уже было известно, что поход изначально планировался на Русь, а не на ногаев.

В сентябре 1517 г. Сигизмунд отправил в Москву своих послов: маршалка Могилевского Яна Щита и писаря Богуша Боговитиновича, и одновременно с этим выдвинул из Полоцка свои войска на псковский пригород Опочку, расположенный в верхнем течении р. Великой. Главная цель похода, озвученная в грамоте Сигизмунда, — «силой склонить к миру на почетных и выгодных для нас условиях». То есть акция преследовала цель — заставить великого князя быть сговорчивее в переговорах о мире[180].

18 сентября Сигизмунд объявил в своей грамоте: «И хотя у нас были трудности со сбором денег, занявший много времени, мы собрали солдат, а вместе с ними и тех, кто находится под нашей властью, устроили им смотр и привели в порядок, и в субботу восьмого числа в день Св. Марии (8 сентября. — А.Л.) направили их во вражескую землю к Опочке, а некоторых наших иноземных советников в парадных тяжелых доспехах оставили здесь [с нами]».[181] Сам король в экспедиции не участвовал — 24 сентября он отбыл из Полоцка, а 29-го прибыл в Браславль. Долгие сборы войск привели к тому, что, как позже писал епископ П. Томицкий, «лучшие времена для активного введения войны прошли, и настало время холодов и непрерывных дождей»[182].

Сборным пунктом был назначен Полоцк, куда в начале августа прибыл сам король. Общая численность войск вместе с ополчением не превышала 10 тысяч человек. Лазутчики доносили великому князю Литовскому и королю Польскому Сигизмунду, что в связи с продолжающейся войной московский князь собрал с периферии все возможные силы для борьбы с крымским ханом и теперь северо-восточные окраины «Московии» фактически оголены. Военной совет, собранный в Полоцке, принял решение развивать наступление на Псков, а затем и на весь северо-запад. Таким образом, план совместного наступления Крыма и Великого княжества Литовского на Россию стал реализовываться.

По словам перемышльского епископа Томицкого, который был хорошо информирован о движении армии, замок Опочка (*Arcem Opoczka*) хоть и не являлся целью похода, но непременно будет захвачен, так как в нем укрылись «многие вражеские дворяне» (*multi nobiles ex hostibus*). После захвата опорного пункта «московитов» предполагалось развить успех вплоть до Пскова.

Итак, первой целью наступающей армии короля должна стать маленькая крепость Опочка. Городок существовал к тому времени уже более ста лет. В феврале 1406 г. Витовт полностью разрушил псковский пригород Коложе: «Овых изсече, — как пишет псковская летопись, — а иныя поведе во свою землю, а всего полону взяше 11 тысящ мужей и жен и опроче сеченых детей». После этого трагического события псковичи и решили построить крепость на новом месте. Первое летописное упоминание города Опочки относится к 1414 году. Существует две версии относительно основания этой крепости. Псковская летопись пишет, что «псковичи поставиша град Коложе на новом месте на Опочке, а сделаша весь у две недели в осень по Покрове», следовательно, как полагал известный историк фортификации В.В. Косточкин, Опочка — это древнейшая крепость Коложе, возрожденная на новом месте[183].

Однако эта версия была подвергнута критике со стороны историков А.В. Насонова и М.Е. Васильева[184]. Выражение псковской летописи «поставиша город Коложе на новом месте на Опочке» может означать постройку крепости в Опочецком крае. Местом постройки нового Коложе А.В. Насонов считал Мокрую горку в 11 км от Опочки, а М.Е. Васильев, производивший археологические раскопки на территории Любимовского сельсовета Опочецкого района — городище Удриха[185]. Сама же крепость Опочка с новой оборонительной системой, согласно археологическим данным, была построена на месте старого укрепленного городища. Мероприятия 1414 г. — строительство нового Коложе и Опочки на местах старых, некогда укрепленных городищ — были связаны с необходимостью срочно укрепить псковские форпосты.

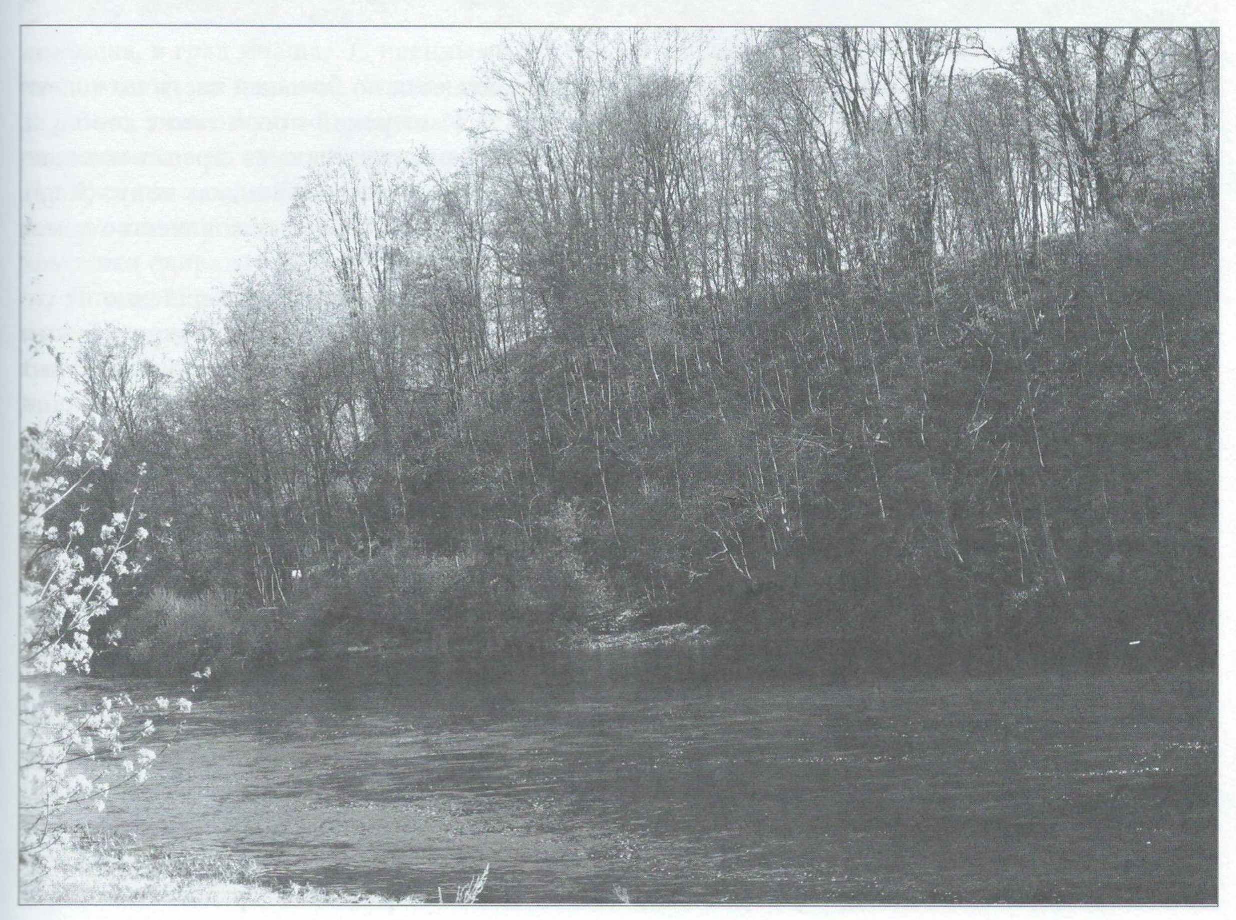
Опочка была воздвигнута за очень короткий срок: «Лета 6922 псковичи поставиша город на Опочке, над Великою рекою; начаша делати за неделю по Покрове, а зделаша 2 недели весь»[186].

Что же представляли собой оборонительные сооружения Опочки в XV–XVI вв.? Городище сохранилось до наших дней, и археология может прояснить некоторые вопросы оборонного зодчества этой крепости. Название укрепленного пункта произошло, очевидно, от слова «опока» — так назывался известковый камень, который и был использован при строительстве крепостных сооружений. Известняковыми камнями, которые извлекались при прорытии рва, устилали основание вала, а сверху засыпали землей. Ров был соединен концами с р. Великой. Таким образом, получился холм высотой 15–20 м с крутыми склонами, окруженный водой. Валы, сохранившиеся до наших дней, имеют высоту до 5 м и ширину до 4–5. В плане крепость имела форму эллипса с периметром площадки в 750 м[187].

По периметру стен были установлены всего три глухие башни. Башни защищали наиболее уязвимые участки, поэтому размещены они были неравномерно и выступали за линию крепости. Так, расстояние между Велейской и Себежской башнями было небольшим, что может объясняться слабой естественной защитой участка, а расстояние между Себежской и Заволоцкой на южном прясле было наибольшим, так как здесь протекала р. Великая и находился небольшой посад[188]. Гарнизон такой небольшой крепости вряд ли превышал несколько десятков человек, но в случае осады за ее станами укрывались местные жители, часть из которых могла пополнить гарнизон.

В крепость вели двое ворот — Большие и Малые. От первых, главных ворот (в документах более поздних их называли «Спасскими воротами») шел спуск к деревянному наплавному мосту длиной 57 саженей. По обеим сторонам от моста в воде были

Валы городища Опочки со стороны реки. Фотография А.И.Филюшкина

Вид на городище Опочку через реку. Фотография А.И.Филюшкина

сделаны надолбы — заостренные вкопанные в дно бревна, сыгравшие свою роль в осадах 1426 и 1517 гг.

Стены Опочки были бревенчатые, состоящие из двух рядов вертикально поставленных бревен, промежутки между которыми были заполнены землей. Польский хронист Бернард Ваповский, объясняя читателям простейшие оборонительные сооружения Опочки, в то же время не мог не отметить их эффективность: «хотя стены ее (Опочки. — А.Л.) сделаны из дерева, но они непроницаемы пушечными ядрами, так как были наполнены землей». Практически то же самое говорил и другой известный хронист, Мацей Стрыйковский: замок деревянный, но весьма пригодный к обороне[189]. По свидетельству С. Герберштейна, видевшего Опочку в 1517 и 1526 гг., крепость с берегом соединял «плавучий мост, по которому лошади переправляются по большей части по колено в воде»[190]. Имперский посол также сообщал, что сама крепость сделана из дерева и находится «на высоком островерхом, как конус (Kegl), холме. Под ним — большое количество домов (они называют это городом)».

Стены и валы Опочки совершенно не соответствовали современным европейским представлениям о профилях оборонительных сооружений. Крепость не защищали эскарпы, гласисы, валганги, фоссобеи и прочие фортификационные ухищрения того времени. Но вследствие особого географического положения простейшие сооружения, земляные валы и деревянно-земляные стены делали Опочку практически неприступной. Действия артиллерии противника не могли эффективно нанести повреждения укреплениям, поскольку из-за водной преграды пушки были вынуждены находиться на значительном расстоянии от крепости.

На деревянно-земляных стенах Опочки с высокими валами были закреплены катки — толстые бревна, которые скатывали на

карабкающегося по валу противника. Эти нехитрые, но очень эффективные приспособления для отражения штурма находились на вооружении города вплоть до XVII в., после чего пришли в негодность. В первой трети XVII в. воевода Опочки В. Туров, жалуясь на плохое состояние укреплений, отмечал, что в городе «**катки не покладены**… и **чеснок не побит**, и **надолбы не поставлены** (выделено мной. — А.Л.)»[191].

Боевое крещение крепость получила в августе 1426 г., когда под городок пришел Витовт, а с ним рать «Литовскаа и Летцкаа, и Чежскаа, и Володскаа, и татарове». Гарнизон маленькой крепости был усилен 50 псковичами (а всего вряд ли было более 100 воинов). Тогда осаждающие понесли существенные потери из-за хитрости опочан, вбивших в воду колья под подвесным мостом: «и тако начаша тат(а)рове скакати на мост на конех, а гражане учиниша мост на ужищах, а под ним колиа, изострив, побиша; и якоже бысть полон мост противных, и гражане порезаша ужища, и мост падеся с ними на колие оно, и тако изомроша вси, а иных многых татар и ляхов и литвы живых поимаша, в град мчаша». С пленными поступили отнюдь не гуманно. Защитники мстили за резню, учиненную во время взятия Коложе литовскими войсками: опочане «резаша у татар срамныа уды их (половые органы. — А.Л.) и в рот влогаху им… а ляхом и чяхом и волохом кожи одираху»[192].

Спустя 15 лет, в 1440 г., «пригород псковьскии Опочка погоре вся, а загоре от церкви святого Спаса»[193]. Крепость была восстановлена под руководством посадника Тимофея.

В 1502 г. летопись кратко отметила, что во время очередной войны «Литва мало не взяли Опочки, святый Спас ублюде»[194]. Очевидно, один из отрядов литовцев чуть было не ворвался в город, и только каким-то чудом удалось отстоять крепость.

Во время кампаний 1512–1516 гг. Опочка находилась в относительной безопасности. Небольшие отряды, вторгавшиеся с литовской стороны, не могли угрожать укрепленному городку. Однако разведывательные сведения о выдвижении во Псковщину неприятеля, поступавшие с «литовского рубежа», заставили горожан готовиться к обороне.

Опочецкий наместник Василий Михалович Салтыков по первой траве стал рассылать разъезды к литовской окраине — воеводу интересовали сведения о целях предстоящего похода Сигизмунда. Изначально было неясно, куда король нанесет удар: пойдет ли отвоевывать Смоленск или ударит на Псковщину.

Разведданные о военных приготовлениях противника вынудили начать активное оборонительное строительство крепостей северо-запада. На восстановление 40-саженной стены Крома государь прислал в Псков 700 рублей. Силами псковичан были сооружены стены в Запсковье у Гремячей горы[195]. Очевидно, какие-то правительственные мероприятия касались также и Опочки.

В августе с нескольких направлений в южные окраины России вторглись крымские отряды. Основные силы Василий III бросил на отражение крымского нашествия, а на случай возможного нападения литвинов с северо-запада было принято решение опереться на гарнизоны крепостей и острожков.

Но небольшие размеры Опочки, расположенной на небольшом островке р. Великой, не позволяли разместить сколь-нибудь крупный гарнизон. В крепости действительно было мало сил — не более полторы сотни воинов — больше просто невозможно было разместить на небольшом острове. Воевода Василий Салтыков уведомил об этом великого князя. С учетом того, что основные силы русской армии М. Щени и А. Бутурлина стояли «для крымского царя приходу» на южном направлении, оказать существенную помощь Опочке русское командование не могло. К псковскому пригороду был послан лишь небольшой отряд из нескольких сотен дворян: «да к Василью же в ту пору прислан был от великого князя Иван Васильевич Ляцкой, был тут с Васильем в меньших»[196].

В Разрядной книге 1475–1605 гг. начало военной кампании изложено следующим образом: «Лета 7026-го году в сентебре преступил король литовской кресное целованья, и помыслом злым по опасным грамотам умысля, и пришол в Полотеск со всеми своими людьми и, умысля с воеводы со князь Костентином Острожским и з желныри, пришли ко псковскому пригородку к Опочке с норядом и к городу к Опочке приступали»[197].

20 сентября к стенам маленького городка подошла армия, которой руководили победители битвы под Оршей 1514 г. — К. Острожский, Я. Сверчовский, Ю. Радзивилл. Псковская I летопись перечисляет силы осаждавших, и сведения эти находят подтверждения в других источниках. Согласно летописцу, в войске противника были «многих земель люди, Чахи, Ляхи, Угрове Литва и Немцы», а также «Мураве, Мозовшане, Волохи и Сербове и Татарове», и даже «от цысаря Максимьяна короля Римского были люди мудрые, ротмистры, арахтыктаны, аристотели»[198].

Опытными инженерами сразу были выявлены сложности предстоящей осады крепости, презрительно названной «свиным корытом»[199] (располагавшаяся на высоком плоском холме, она была похожа на перевернутое корыто). Польские хронисты писали, что крепость, повстречавшаяся на пути литовских войск, была «укреплена как водою, так и неприятелем, готовым с решимостью сражаться». Высокие кручи Опочки, поднимающиеся из воды, значительно усложняли штурм.

Начались осадные работы. Артиллерийские батареи, скорее всего, были размещены с северо-восточной или восточной стороны, так как расстояние через водную преграду до стен там было минимальным — до 100 саженей. Но артиллерия вряд ли могла сильно помочь в предстоящем штурме. Проломные пушки с небольшой надеждой на успех могли обстреливать с оборудованных пушечных раскатов Опочку через р. Великую под максимальным углом возвышения. Да и стены, набитые землей, были непроницаемы для ядер, что и отметили польские хронисты. Тем не менее вплоть до утра 6 октября продолжался обстрел из орудий.

Оценив диспозицию, К. Острожский, Я. Сверчовский, Ю. Радзивилл отдали приказ на штурм в надежде сломить сопротивление небольшого гарнизона. Штурмующие отряды на плотах и лодках должны были пересечь под обстрелом водную преграду, перебросить трапы и лестницы, закрепиться на небольших

Вид на городище Опочку. Фотография А.И.Филюшкина

участках суши и под прикрытием щитов карабкаться на валы с крутыми склонами. Причем, штурмующим было совершенно неизвестно, какие «сюрпризы» приготовят осажденные. Ночью драбы стали переправляться к острову и закрепляться с северной части на плацдармах — островных участках. Важно отметить, что в первую атаку были брошены наиболее профессиональные части — чешские наемники, имевшие колоссальный боевой опыт.

На рассвете 6 октября начался штурм Опочки, который продолжался до вечера. Время начала штурма подтверждает также и Степенная книга: «Нощию же и лествицы ко граду поставиша. На утрия же бестудно приступи ко граду бесчисленное множество…»[200].

Предположительно, штурм производился с северо-запада, севера и севера-востока, а не «со всех стран», как пишет автор «Чуда преподобного чудотворца Сергия о преславной победе на Литву у града Опочки». Дело в том, что только на указанных участках у ротмистров была возможность не только высадить бойцов на берег, но и собрать их в отряды и направить на штурмовку участков укреплений. Кроме того, ширина водной преграды с восточной стороны, где спустя столетие после описываемых событий разросся Окольный город, составляла всего 60–70 саженей, что позволяло в случае необходимости поддерживать штурм резервами. С запада от крепости находился небольшой остров (в поздних описаниях первой половины XVII в. — «островок», на котором располагались «огороды»)[201].

Штурм с южной и западной сторон можно считать маловероятным, ибо здесь у штурмующих не было и клочка суши, чтобы закрепиться на берегу, — высокие склоны поднимались прямо из воды. А штурм таких преград разрозненными силами, без обеспечения подкреплением, был бы больше похож на авантюру.

Вначале на приступ пошли, по словам епископа П. Томицкого, три хоругви (tria vexilla)[202]. Из-за недостатка артиллерии (о чем прямо говорится в письме П. Томицкого)[203] литовские войска не могли подавить батареи на валах,

Протока у городища Опочки.
Фотография А.И.Филюшкина

поэтому подкрепление закрепившейся на берегу пехоте пришлось переправлять под обстрелом на плотах и лодках. «И биша град Опочку пушками, и полезоша ко граду со всеми силами и со всеми своими замышленми месяца октября в 6, от утра и до вечера, тогда бысть день вторник, и много своих голов под градом под Опочкою покладоша князи и бояре»[204].

На штурмующих обрушился град камней, бревен, ядер и стрел. Солдаты были сбиты с лестниц, а собравшимся перед высоким валом пехотинцам было сложно перегруппироваться для новой атаки — сверху на головы драбов летел град из камней и бревен. В первые же часы боя появилось большое количество раненых, которых было сложно эвакуировать через реку. Но гетман Сверчовский вновь и вновь кидал своих наемников на штурм, и каждый раз солдаты отходили с большими потерями. Во время одной из атак под стенами Опочки был тяжело ранен предводитель «стипендиариев» Анджей Боратыньский (герба Корчак) — пущенным снарядом (ядром?) ему оторвало руку. Спустя несколько дней он скончался в Вильне[205].

Только к вечеру, когда стало очевидным, что штурм полностью провалился, прозвучал общий сигнал к отступлению. Хоругви Сверчовского и Острожского отошли от стен, оставив под ними несколько десятков убитых.

Первый же день штурма был оплачен дорогой ценой. Данные о потерях литовского войска фигурируют в послании епископа П. Томицкого. По его словам, «были убиты более 60 [человек], в том числе отличный воин Сокол и 1400 ранены»[206]. О гибели одного из предводителей сообщается также и в русских источниках: «…и побиша многое множество людей королева войска… и воеводу их болшого Лядской рати Сокола убиша и знамя его взяша»[207]. Версию о том, что Sokol у Томицкого, «воевода Сокол лядской рати» псковской летописи и Анджей Боратыньский хроники М. Бельского — одно и то же лицо, можно признать маловероятной. Предводитель наемников был, очевидно, чешского происхождения. Так, в «Истории Польши» Я. Длугоша под 1410 г. упоминается королевский рыцарь чех Яшка (Яська, Ян) Сокол из Лемберга[208], потомки которого продолжали служить у польского короля. Согласно «Хронике» М. Стрыйковского, первыми на штурм Опочки пошли чехи. Таким образом, версия о чешском происхождении командира наемников Сокола кажется более правдоподобной. Боратыньский, судя по всему, командовал другим отрядом.

Большое количество раненых (в пропорции к убитым 1:23!) может объясняться использованием осажденными каменьев, неких «катков больших» и «слонов», которые наносили увечья (ушибы, контузии, переломы) штурмующим. В раннем списке Холмогорской летописи говорится: «А воевода и наместник Опоцкой Василей Михайлович Салтыков со всеми людьми градцки, богу помогающу, боряхуся против королева войска крепко. И на присупе ис пушек и ис пищалей и катки болшии и слоны с города побиша многое множество людей королева войска, яко Великую реку от всех стран запрудиша трупы люцкими, и кровью река яко быстрыми струями протече»[209].

Оборона Опочки в 1517 г.
Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

«Катки» — это, как уже отмечалось, куски бревен, которые скатывали с высоких валов. Что касается «слонов», то здесь, по всей видимости, речь шла о подвесных конструкциях. Так, М. Стрыйковский сообщает, что опочанам удалось сбить с валов чешских наемников с помощью больших подвесных колод. Колоды, вывешенные на длинных шестах, подрезали, и они обрушивались на головы нападавших. Помимо этих приспособлений защитники использовали также артиллерию и большое количество камней[210]. Кстати говоря, в одной из редакций Степенных книг помещен сюжет о чудесном обнаружении залежей камней за алтарем, с помощью которых удалось отбиться от противника. Якобы после первого штурма у защитников не осталось бревен и камней — «вся со града на супостаты изметавше», но «надежею к Богу не ослабляху». Ночью во сне к некой жене явился св. Сергий Чудотворец и указал место за алтарем, где находился тайник с камнями («велик погреб с камениями»). О видении было доложено воеводе В. Салтыкову, и вскоре в руках защитников Опочки оказалось большое количество камней. Этой же ночью противник вновь пошел на приступ: «нощию же ко граду супостатом приступльшим и лествицы к стенам града приставльшим, и зелне со устремлением на ня возступльшим, тщахуся на стены града вступити». Но с помощью найденных камней враг был отброшен[211]. Что характерно, несмотря на легендарность сюжета, использование защитниками огромного количества камней отмечено как в русских, так и в польских источниках. Опочане действительно считали св. Сергия своим защитником, и сразу после ухода польско-литовских войск в Опочке была построена церковь св. Сергия.

Виновником неудачи под Опочкой польские хронисты называют Я. Сверчовского, который отдавал приказы в пьяном состоянии[212]. Об истинных причинах неудачи штурма можно только догадываться.

К сожалению, неизвестно, предпринимались ли попытки штурма в последующие дни. Единственный источник, говорящий об этом, — упомянутая Степенная книга. С уверенностью можно только сказать, что артиллерия Острожского продолжала обстрел цитадели.

Между тем целые бои стали разворачиваться и в окрестностях Опочки. На Великих Луках «в заставе» стояла приграничная рать, отряд из нескольких сотен детей боярских под командованием А.В. Ростовского. На помощь Опочке были отправлены отряды «легких воевод» Ф.В. Оболенского Лопату и И.В. Ляцкого. Но эти отряды действовали с внешней стороны, совершая стремительные удары по силам осаждающих: «от всех сторон войску Литовскому мешати начаша»[213].

Со стороны Вязьмы в сторону Литвы выдвинулась рать В.В. Шуйского, отвлекая на себя часть сил противника. Летописные рассказы повествуют о сражениях вне осажденного города. Во время одной вылазки гарнизона «передние воеводы» Ф.В. Оболенский и И.В. Ляцкий «удариша с трех сторон» на осаждающих, «литовского войска многых людей побиша, а иных живых поимаша и к большим воеводам послаша».

Осада Опочки кн.К.И.Острожским в 1517 г. Миниатюра Лицевого свода 2-й пол. XVI в.

Псковские летописи сообщают интересный рассказ с рядом подробностей о действиях рати И.В. Ляцкого. Ляцкий контратаковал под Ключищами литовский отряд, засевший в остроге («воевода у них пан Черкас»). Русские пленные, содержавшиеся в церкви, заперлись изнутри, в то время как Ляцкий атаковал Черкаса, и «много бишася с ним, а полоненных своих из церкви выпустиша, а Черкас воевода нача ис попова двора битися, и пересекоша их всех, а Черкаса их воеводоу и с ним боевых людеи оудалых изымаша и послаша их к Москве…»[214]

Софийская 2-я летопись дополняет, что все шедшие к К.И. Острожскому подкрепления были удачно перехвачены и разбиты: «воевод лядских 4000 войска побиша, а иных живых поимаша, Черкаса Хрептова, и брата его Мисюра, да Ивана Зелепугина и многих людей живых поимаша, и пушки и пищали поотняша»[215]. Таким образом, под Ключищами были разбиты хоругви Хрептовичей, шедшие на подкрепление к Острожскому. Василий III в благодарность за оборону прислал псковичанам «к живоначальнеи Троицы» большой колокол, который был повешен на месте прежнего вечевого — «а преже того незамного прислал меншии колокол в корсоуньского места, что на сени в него звонили, как вечье было»[216].

Важные детали сражений под Опочкой содержат официальные речи московских послов. При этом надо отдавать себе отчет в том, что русские значительно преувеличивали потери, так же как и преуменьшали их поляки и литовцы. В изложении посла дьяка В. Племянникова, в ходе рейда воеводы Оболенского русские сбили первую заставу из 5000 чел., в другом месте сотни детей боярский Ивана Колычева уничтожили вторую заставу (якобы 3000 чел.), а воевода Ляцкий за пять верст до Опочки разгромил третью заставу (якобы 6000 чел.). Пленные сказали, что у Красного городка стоят еще части противника. В ходе скоротечного боя и были захвачены упомянутые «воеводы» Черкас и Мисюра Хрептовы, И. Зелепуга, а при штурме Опочки оборонявшиеся, по словам дипломатов, «шесть тысяч убили»[217]. В то же время посольству в Крым были переданы другие данные: якобы А.В. Ростовский разбил заставу из 5000, И. Колычев — из 2000, И. Ляцкий — из 5000 чел.[218]

Большие потери, понесенные в ходе штурма, указываются в источнике случайного характера — донесении Некраса Харламова, написанном спустя три года после описываемых событий (июнь-июль 1520 г.). В нем упоминается о бежавшем из польского плена Тимохе Рупосове. Рупосов поведал, что в плену «его вспрашивал король про Опочку, которой деи город боле, Луки ли или Опочка? И Тимоха ему отвечал: как, господине, у села деревня, так и у Лук Опочки малое городишко; а Луки город великой. И король де молвит: бесова деревна Опочки. И Копоть писарь Тимохе говорил: того деля тебя король о Опочке вспрашивал, что болши **пяти тысяч людей** под нею легло (выделено мной. — А.Л.)»[219]. Бывший пленник правильно называет имя писаря («Копоть» — Михайло Коптя), а его информация о том, что королевские «все городы заложены в Опочке, да и до сех мест ни один город не выкуплен», находит полное подтверждение в актах Литовской метрики. Действительно, случаев крупных королевских займов за 1516–1517 гг. в книгах Литовской метрики отмечено множество, их гораздо больше, чем за предыдущие годы. Поэтому полностью не доверять сведениям Рупосова у нас повода нет. Можно сделать лишь уточнение, что «болши» 5000 чел. — это, по-видимому, общие потери, включая не только убитых, но также раненых, больных, пленных[220] и сбежавших со службы, ибо войско, частью состоявшее из «посполитого рушенья», частью из наемников, не могло превышать того количества воинов, которое было выставлено в «Великую битву» 1514 г. Только под Опочкой, по польским сведениям, было выведено из строя до 1500 чел., а с учетом происходивших боев в Псковщине число общих потерь армии вполне могло достичь указанной цифры.

Описанные выше боевые действия проходили с 6 по 18 октября. Продолжать войну на территории противника глубокой осенью с почти половиной оставшихся войск было бессмысленно. С наступлением распутицы кн. К.И. Острожский снял осаду городка, который вначале презрительно называли «свиным корытом», и отвел войска в Полоцк.

Большинство польско-литовских источников лаконично говорят о боях в окрестностях Опочки. Так, например, Летопись Рачинского

сообщает: «…король Жыкгимонт послал воиско Литовское и жолънеров ляхов много, а гетманом над воиском князь Костентин Иванович Острозскии, а над жолънеръми был пан Свирщовскии, и ходиоли под Опочъку, и много лиха Московскои земли вчынили, а города не взявъшы и вернулися у свою землю»[221].

Польские источники пишут, что, несмотря на неудачу под крепостью, войска благополучно «разорили огнем и мечом» (*ferro et igne depopulabantur*) территорию врага[222], «великую шкоду в землях московских без ущерба [для себя] учинили»[223] и т.д., но никто из них не обмолвился о поражении литовских отрядов в окрестностях Опочки, Красного, Ключицы, Велья, которое так подробно, с указанием знатных пленников, описано в русских источниках. После потерянного под Ключицами полона королевские воины не могли похвастаться и большой добычей. В документах Литовской метрики 1518–1519 гг. о количестве захваченных пленных говорится: «А што на малых битъвах и под Опочкою, и на иншых поражъках, и што под замъки вкраиными поиманых, всих тых вязьней сумаю семьдесят их (выделено мной. — А.Л.)»[224].

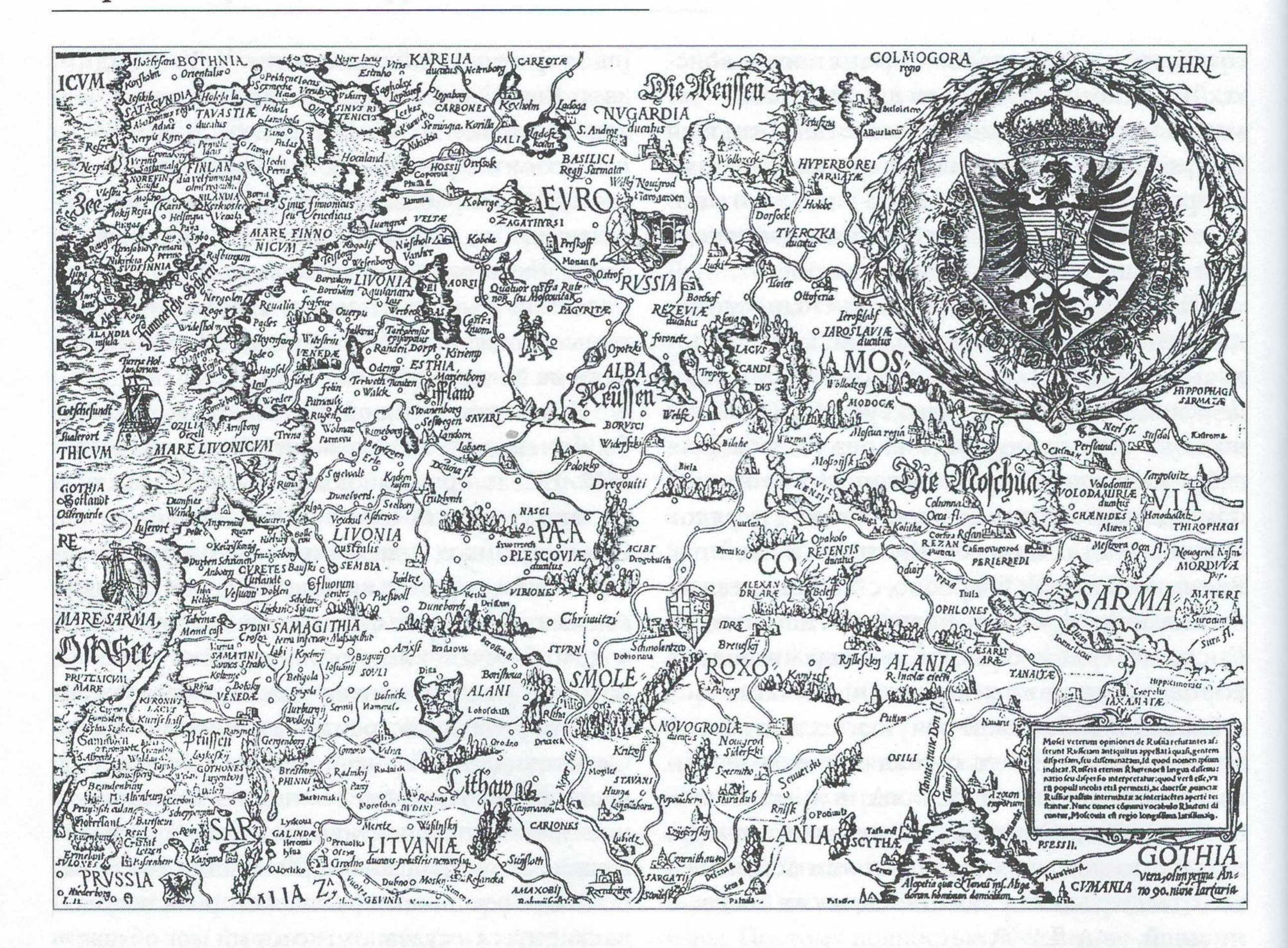
Ягеллонская пропаганда не признавала поражений, а заявляла о победах, доставшихся королю очень тяжело. Весьма наглядно, что «победные» реляции нашли свое место в бумагах венецианского сенатора Марино Сануто-Младшего, который фиксировал донесения (avvisi) от агентов из окружений венгерского и польского королей. Надо отметить, что итальянские информаторы весьма оперативно доносили сведения о событиях с русско-литовского фронта. В депеше от 13 октября говорится следующее: «…в первом же бою московиты потеряли 20 тысяч, а среди поляков не погибло и 200. В последний [раз?] между сторонами было достаточно много погибших, все же король одержал победу, но очень кровавую, потому что погибли многие военачальники и большая часть польской молодежи (выделено мной. — А.Л.). Князь Московии отступил»[225]. 27 октября из Буды доктор Алвиз Бон сообщал в Сеньорию: «Было известие из Польши, что поляки встали на московитов, погибло московитов от 20 тысяч, а поляков 2000, и потом в другой раз была битва, и поляки [снова] стали победителями»[226]. Как видим, двор Ягеллонов в очередной раз пытался выдать желаемое за действительное.

О боях осенью 1517 г. что-то слышали и в Турции, правда, весьма туманно и неопределенно. Так, турецкий посол в Венеции Алибей 28 октября заявил, что «была война между поляками и московитами, и что московиты — малые люди на малых и крепких конях, а поляки на больших конях»[227].

Успех русских войск в Псковской земле был очевиден. Единственный за всю войну 1512–1522 гг. крупный поход войск Сигизмунда на территорию России был остановлен у стен Опочки, поход союзников — крымских татар — также прошел крайне неудачно. Получив данные об успехах своих воевод, Василий III только 29 октября принял литовских послов, которые уже три недели дожидались аудиенции. Встреча происходила при посредничестве Сигизмунда Герберштейна. Перед этим в ходе переговоров государь дал понять имперскому послу, что в перспективе он может присоединиться к христианской коалиции против османов. Но в реальности русская сторона не желала ссориться с султаном, который мог обуздать своего вассала — крымского хана.

Переговоры с литовским маршалком Могилевским Яном Щитом и писарем Богушем Боговитиновичем проходили в сложной обстановке. Возможно, литовские послы ничего не знали о провале экспедиции против Опочки, и разговоры с позиции силы (поход армии Острожского был, по сути, «принуждением к миру») сразу не задались. После того как послы передали верительные грамоты, была зачитана грамота короля Сигизмунда[228]. Затем начались прения, кто из государей нарушил крестоцелование.

Бояре Василия III объявили послам о желании примириться с Литвой, но только в том случае, если король казнит тех панов, которые «учинили нечесть» сестре государя, великой княгине Елене. Кроме этого, продолжали бояре, «которые городы государя нашего отчина от прародителей его, Киев, Полтеск, Витебск и иные городы государя нашего отчину Жигимонт король держит за собою неправдою, и он бы тех городов государю нашему поступился»[229]. Как отмечено далее

Карта Каспара Вопеля XVI в., на которой изображена Опочка

в Посольской книге, «да о том в спор долго говорили». После таких предложений русской стороны литовские послы не могли не высказать свои встречные претензии: «...ныне государь наш (Сигизмунд. — А.Л.) с великим князем миру хочет на том, чтобы ему князь велики поступился их отчин, что из старины их отчина, половины Новгорода Великого, да Пскова, да Твери, Вязмы, Дорогобужа, Путивля и всее Северы, и государь наш на том миру хочет». Литовская сторона заявила, что «государь наш Жигимонт король из докончаниа и из кресного целованья великому князю ни в чем не выступил», а Василий Иванович, «преступив крестное целование, да валку почал, и вотчину государя нашего, город Смоленск, взял».

Посредничество Сигизмунда Герберштейна с целью примирить обе стороны и направить русско-литовскую политику в антиосманское русло потерпело неудачу. Имперский посол отметил: «После того как войско польского короля ничего не добилось под Опочкой, — а рассчитывалось, что если эта крепость будет захвачена, то можно будет достичь более выгодного мира, — великий князь сделался высокомерен (hochmuetig), не захотел принять мира на равных (условиях) (gleichmaessiger Frydstand), так что литовцы вынуждены были уехать ни с чем»[230].

Нельзя не признать, что в целом кампания 1517 г. была для России успешной, несмотря на ее оборонительный характер. Противник с большими для него потерями был отброшен на всех направлениях. Оправдала в условиях войны на два фронта и выбранная тактика — основные силы были передислоцированы на отражение крымской угрозы, а защита северо-западных рубежей строилась по принципу «плацдармы повсюду» — систему оборонительных острогов и мобильные конные отряды.

В то же время нельзя не признать, что фаза активных боевых действий, с привлечением большого количества конных и пеших воинов,

пошла на спад. Россия, осознав возникшую угрозу со стороны Крыма, активно поворачивала свои силы на юг, и в 1521–1522 гг. это противостояние вылилось в полномасштабную войну.

Ни литовские, ни русские войска в течение 1515–1517 гг. так и не взяли ни одной крепости. Обе стороны, ведя непрерывные войны, существенно выдохлись. Но и надежды на перемирие в условиях наступающего 1518 г. не было.

После неудачно проведенного наступления на псковские пригороды состояние литовской казны («скарба») оставляло желать лучшего. Великий князь Литовский в поисках денег попрежнему закладывает имения. По неполным сведениям Литовской метрики, за весь 1518 г., с января по декабрь, у панов и князей под залог имений и земель было взято ок. 11 000 коп грошей[231] — с учетом отрывочности сведений сумма отнюдь не маленькая!

В течение первой половины 1518 г. в приграничье происходили периодические стычки. Набеги на сопредельные территории, захваты полона зерна и скота были частыми явлениями в порубежных землях. После кампании 1517 г. появился шанс нанести ответный удар с помощью сохраненных и накопленных сил. Василий III стал планировать большой поход, имевший за собой несколько целей. Во-первых, необходимо было продемонстрировать своим потенциальным союзникам — верховному магистру Ордена и датскому королю — решимость воевать «с нашими недругами». Во-вторых, успех нового похода мог склонить крымского хана на свою сторону. В-третьих, с надеждой на успех можно было бы попробовать захватить у Литвы еще одну крупную крепость — Полоцк. В-четвертых, после подписания союзного договора с Тевтонским Орденом появилась призрачная надежда на совместные боевые действия против Сигизмунда.

Однако тевтонское посольство гофмаршала М. фон Рабенштайна в Москву не было удачным. Фон Рабенштайн точь-в-точь повторил изложенные в грамоте от 25 января 1517 г. просьбы о выделении средств на 10 тысяч пеших и 2 тысячи конных. Но на встрече с боярами его ждал ответ, впоследствии ставший традиционным для русских дипломатов на переговорах 1518–1520 гг.: всю необходимую «помочь своею казною» великий магистр получит только тогда, когда захватит у короля прусские крепости, «да пойдет к Кракову»[232]. Дьяк Меньшой Пригожин заявил Мельхиору, что скоро начнутся боевые действия и русские воеводы стоят уже на приграничье у Великих Лук и Опочки, а войско Сигизмунда собирается в Полоцке. Однако Рабенштайн дал понять, что не уполномочен вести переговоры о совместных боевых действиях. В итоге он был отпущен из Москвы в Псков без государевых подарков, что свидетельствовало о недовольстве миссией гофмаршала.

Ситуацию удалось исправить Дитриху фон Шонбергу (посольство в марте — апреле 1518 г.), добившемуся согласия Василия III на предоставление финансовой помощи на наем 1000 пехотинцев. Государь согласился, вопреки соглашению, предоставить небольшую финансовую помощь до начала боевых действий против Польши.

Немаловажная деталь: на европейской арене великий магистр Альбрехт Бранденбургский выступал сторонником французского короля Франциска I, которого склонял к союзу с Московией. Не иначе как по совету Дитриха фон Шонберга Василий Иванович направил послания герцогу Эрику I Брауншвейг-Каленбергу и «королю галлийскому» Франциску I с просьбой посодействовать в финансировании военной операции Ордена. В частности, последнему он писал [цит. по оригиналу послания — в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия]: «Наияснеишому и светлейшому великому королю Галлийскому. Присылал к нам Олбрехт, маркрабией Браиденборский высокий маистр, князь Пруский бити челом о том, чтобы нам тебе то изъявити как мы его жалуем, и мы тебе о том ведмо даем сею нашею грамотою, что мы маистра жалуем, и за него, и за его землю стоим»[233]. Нельзя не обратить внимания на то, что в послании не указан ни правильный титул, ни даже имя короля Франциска. Это свидетельствует о том, что в Москве имели самые смутные сведения о Франции. Хотя послание московского государя не имело никаких последствий, тем не менее оно наглядно показывает политику Василия III в плане создания широкого европейского альянса.

Тем временем 13 марта 1518 г. папа Лев X торжественно провозгласил пятилетнее перемирие между христианскими государями[234]. Доминиканец Николай Шонберг, брат орденского посла Дитриха Шонберга, должен был с папской буллой о мире посетить Империю, Тевтонский Орден, Польшу, Литву и Россию и добиться *pacem vel inducias* (мира или перемирия)[235]. Но даже в Западной Европе мало кто внял воззваниям понтифика. А в Восточной Европе два непримиримых врага, Василий III и Сигизмунд I, продолжали боевые действия.

Когда переговоры при посредничестве имперского посла С. Герберштейна с литовскими дипломатами на фоне крупной неудачи К. Острожского провалились, государь Василий III был вновь готов «поиграть мускулами», чтобы показать, на чьей стороне находится военная инициатива.

Можно согласиться с историком В.В. Пенским, что фраза московской летописи («благословился у отца своего Варлама митрополита… хотя поити на свое дело на своего недруга Жихъдимонта короля Полскаго») может свидетельствовать о первоначальном намерении государя идти самому в поход[236]. Но по каким-то причинам Василий III отказался от намерения самому выдвинуться с ратью на Полоцк. В качестве причин отказа можно рассматривать существовавшие на тот момент серьезные логистические (сбор и организация крупного войска в условиях войны на два фронта), экономические (неурожаи 1517–1518 гг.) и военные (охрана южных рубежей) проблемы. Только спустя 45 лет его сын, Иван Васильевич Грозный, смог организовать один из самых крупных за весь XVI в. походов, закончившийся взятием Полоцка.

И хотя Василий Иванович сам отказался от организации «государева похода», от ударов против «недруга Жигимонта» он отказываться не стал. Сосредоточенные на приграничье четыре рати должны были нанести на Литву четыре удара — один главный и три вспомогательных. Можно подумать, что изначально решался вопрос о направлении главного удара — Витебск или Полоцк. В конечном итоге выбор главнокомандующего В.В. Шуйского определил основную цель похода. Наместник Новгородский вместе со своим братом, наместником Псковским Иваном Шуйским, должен был выступить по направлению к Полоцку.

Из-под Стародуба удар Литве наносил небольшой отряд князей С.Ф. Курбского, И.Ф. Овчины-Телепнева и П. Охлябинина, который должен был сковать и отвлечь поветовые силы от направления главного удара. Конница должна была быстрым маршем пройти к Слуцку, Минску и Новогрудку и вернуться в Стародуб.

В районе крепости Белой была сформирована военная группировка под командованием князей, «двух Андреев» — А.Б. Горбатого и А.Д. Курбского. Судя по документам, задача пятиполковой рати заключалась в прощупывании сил противника в районе Витебска. Конечно, предпринятая экспедиция не могла не привлечь к себе внимания литовцев. В то же время войско князя М.В. Горбатова, сформированное в Смоленске, должно было глубоким охватом пройти к Полоцку, на соединение с В. Шуйским[237].

В конце весны в Новгороде и Пскове началась готовиться сводная рать. Заметим, что в летописи определенно говорится о подготовке артиллерии местного производства — «с новгородцкою силою и с нарядом большим», «со псковскою силою и со всем нарядом псковским и с пищальники и с посохою». Ни новгородский, ни тем более псковский пушечные дворы не могли производить гигантские бомбарды и проломные пищали подобно московским. Нет никаких данных в те годы о пушечном литейном производстве в Новгороде или Пскове. Калибр орудий периферийного железоковательного производства сильно уступал столичному.

Интересно, что псковский книжник подробно описывает маршрут транспортировки артиллерии, под нужды которой были реквизированы «з священников кони и телеги»: «повезоша наряд весь в судех Великою рекою до пристани, а от пристани на псковские кони и на телеги положиша весь наряд поушечныи и приставиша к немоу посоху к Полоцку»[238]. Таким образом, это был поход с участием пешей рати, артиллерии и конницы. Источник 1-й псковской летописи, несомненно, базировался на рассказах свидетелей, возможно, участников

похода. Единственно можно заметить, что по масштабам этот поход в разы уступал государевым походам на Смоленск, ибо производился только силами северо-западных отрядов. Размер великолуцкой рати можно оценить до 2000 всадников — традиционно новгородско-псковская земля могла выставить в поход не более этого количества поместной конницы[239]. Если прибавить к этому числу пехоту из Пскова и Новгорода (до 1000 пищальников), то численность рати могла достигать 3 тысяч чел. (историк В.В. Пенской считает, что войско могло достигать 7 тысяч человек)[240]. Под транспортировку новгородкой артиллерии были реквизированы даже лошади у священников.

Псковская посоха сопровождала артиллерию по воде, а затем обеспечивала транспортировку стволов по суше («от пристани на псковские кони и на телеги положиша весь наряд поушечныи, и приставиша к немоу посоху»). После того как конными отрядами был блокирован Полоцк, к нему подтянули пушки и пищали. После этого под укреплениями стали возводиться туры («начаша тоуры под городом ставити»).

В посольских документах говорится, что войска В.В. Шуйского «из пушек и пищалей по городу били» и «посады пожгли», а затем «из Литовские земли вышли все поздорову» с большим полоном[241]. Казалось бы, после обстрела крепости стало понятно, что штурмом ее не взять, поэтому войска отступили. Но надо учесть, что посольские дела часто отражают пропагандистские сведения, поэтому в них встречаются искажения или недоговорки.

Между тем точно известно, что под Полоцком состоялся бой, и вряд ли у нас есть основания доверять русской дипломатической службе в том, что «из Литовские земли вышли все поздорову».

Интересные подробности осады Полоцка можно обнаружить в «листе с Кракова» от 28 августа 1518 г., в 7-й книге записей Литовской метрики, хрониках Б. Ваповского и М. Бельского.

Псковская 1-я летопись пишет: «И начаша тоуры под городом ставити, и начаша новгородцкими и псковскими пушками бити город, а полочане ис посада из заострожья много с нашими бишася; а князь Михаило Кислица с московскою силою пришел от Смоленська тоута же. И бысть глад великъ, колпак соухареи в алтын и боле, и коневыи кормъ потому же дорог был. И отняша струги под городом и в тех струзех дети боярские добрые, хоупавые смельцы, перевезошася за Двину реку на добыток; и от короля шел воевода Волынецъ Полоцку в помощь, и ударися на них и побегоша к Двине москвичи, и не бе имъ перевестися всем, и потопоша их много в Двине. И отъидоша от Плоцка ничто же получи»[242]. Итак, согласно псковской летописи, новгородско-псковская рать Шуйских подошла к Полоцку и начала осаду. Вскоре на соединение к ней подошел крупный «дорогобужский» корпус из-под Смоленска под командованием М. Кислицы Горбатого.

Таким образом, новгородско-псковский корпус был значительно усилен группировкой во главе с 10 воеводами. Общая численность войск составила около 10 тысяч человек. Очевидно, что дорогобужская рать пришла под Полоцк, не имея с собой больших запасов продовольствия. Именно этим и объясняется разразившийся голод в стане осаждавших — прибывшую на подкрепление рать надо было также обеспечивать фуражом. «И бысть глад велик», — тут же замечает летописец. В поисках продовольствия необходимо было срочно отправить отряд для фуражировки («на добыток») на другой берег Десны. Для переправы использовали захваченные ранее у полочан струги. В переправившемся на противоположный берег десанте были, по словам летописца, «дети боярские добрые, хоупавые смельцы». «Хупавый» в словарях В. Даля и М. Фасмера — ловкий, опытный, тщеславный. Этот отряд опытных бойцов и угодил в ловушку.

Избавителем Полоцка от блокады «московитов» летописи называют некоего воеводу Волынца. В историографии существуют несколько версий относительно того, кем был этот военачальник. Еще С. Герберштейн говорил, что Полоцк деблокировал Ольбрахт Гаштольд. Польский историк Т. Нарбутт считал Волынцом Петра Гаштольда[243], а А. Ярушевич — К.И. Острожского (так как он родом с Волыни)[244].

Полоцкая крепость оборонялась как жителями Полоцкого повета, так и наемниками.

Первыми руководил Ольбрахт Гаштольд, вторыми — Ян Боратинский, возможно, тот самый воевода Волынец. Прозвище Волынец, Волынский могло быть неправильным прочтением Boratinski.

И здесь в восстановлении общей картины нам помогает «лист из Кракова» и хроники. «Лист с Кракова» 28 августа 1518 г. сообщает: «И воевода нашъ Полоцкии… с тыми людми передними москвичы, которыи были наперeдъ подъ замокъ прышли 15 тисяч, битву мел и з Божею помочю тых всихъ людей на голову поразили; бо ся такъ пригодило, иж наши люди прытиснули ихъ къ реце а так, которыи не могъ забит быти, тыи вси в реце у Двине потонули а жадная нога тых людеи петинадцати тисячъ не вошла. А другии люде нашое, которыи шли перед велилимъ войскомъ нашимъ. Надъ которым жо воискомъ былъ старшимъ староста Гроенъскии пан Юреи Миколаевичъ Радивиловича, тыи люди нашы теж битву мели з людми того непрыятеля нашого московского, гдежъ было тыхъ москвичь пят тисяч; тыхъ теж з Божею помочъю учих побили».

М. Бельский пишет, что отбросить «московитов» помогла военная хитрость — Борятыньский приказал оставшимся в лагере людям трубить и кричать, создавая иллюзию присутствия большого войска[245]. Собрав своих 500 человек, вместе с 1,5-тысячным гарнизоном Гаштольда Боратыньский атаковал перешедший за Двину отряд русских. Часть полоцкого гарнизона сделала вылазку и захватила струги — «хупавые смельцы» оказались отрезаны от основных сил, после чего наемник Ян Боратинский и «польские тяжелые рыцари» (*poloni equites cataphracti*[246]) атаковали их во фронт. Не выдержав плотного натиска закованных в железо латников, русские бросились к Двине, где, как описывается в актах Литовской метрики, «наши люди прытиснули их к реце а так, которыи не мог забит бытии, тыи в реце у Двине потонули». Псковский летописец отметил, что литовцы «отняша струги под городом», на которых отряд смельчаков «перевезошася за Двину реку на добыток». Герберштейн, писавший об этом сражении на основании литовских сведений, упомянул о поджоге полоцким гарнизоном собранных «московитами» запасов сена, что стало общим сигналом для атаки. Атакованный с тыла гарнизоном Гаштольда, а с фронта — латниками Боратинского, и, лишенный плавательных средств, русский отряд был уничтожен.

Московская официальная летопись об этом молчит, как молчат и дипломатические документы. Но это событие не ускользнуло от внимания антимосковско настроенной псковской летописи. Несмотря на то, что почти вся великолуцкая группировка собиралась на новгородско-псковской земле (за исключением нескольких отрядов из «старомосковских» городов), псковский летописец отметил: «А в Двине истопоша москвич много, а шли были за Двиноу на добыток»[247].

В правдивости изложенного польско-литовскими источниками хода событий сомневаться не приходится, чего нельзя сказать относительно численности и потерь противника. Данные о том, что «под замок прышли 15 тисячь», являются традиционно завышенными. Заметим, как русская и литовская стороны используют в освещении событий один и тот же прием: врагов всегда много — несколько тысяч, про неудачи и поражения не говорится ни слова, в то время как даже незначительный успех над противником возводится в ранг грандиозного события.

Оставшемуся у Полоцка русскому корпусу ничего не оставалось, как снимать осаду. Пришедшие на помощь Полоцку наемные роты, конечно же, не могли разбить основные силы русских, стоявших лагерем на другой стороне Двины. Но для государевых воевод стало очевидным, что оставаться под Полоцком больше нельзя, — за ротами Борятинского на горизонте могли появиться и главные силы короля, о которых ранее не было слышно. То, что в польских реляциях и литовских «листах» отсутствует какая-либо информация о захвате осадных орудий, говорит об организованном отходе боярина В. Шуйского — русские забрали с собой все пушки.

Таким образом, нельзя говорить о разгроме русского войска под Полоцком — был разбит только сводный отряд «детей боярских добрых» (псковский летописец специально указывает, что это были «москвичи», то есть воины из состава пришедшей смоленской рати), которые переправились за реку. Именно он

претерпел полный разгром, учиненный смелой атакой закованных в железо стипендиариев Боратыньского. Основные силы русской армии сняли осаду и отступили к 11 сентября к Пскову.

Другой отряд под командованием гродненского старосты Ю.Н. Радзивилла разбил якобы 5-тысячный отряд «московитов», при этом удалось убить двух воевод, «князя Ивана Ростовского Буиноса» и «князя Алексанъдра Кашина Оболенъского», и захватить в нескольких местах сразу по 200–300 пленных[248]. Король Сигизмунд извещал Мухаммед-Гирея, что новгородский и псковский воеводы пошли на помощь своему отряду, но, прослышав про поражение, «зъ земли нашое вонъ побегли», преследуемые Ольбрахтом Гаштольдом. «Лист с Кракова» должен был сообщить крымскому хану о грандиозных успехах в борьбе с «великим князем московским». Поэтому информация, изложенная в послании, требует тщательной проверки.

Начнем с того, что названные воеводы в плен не попадали — позже их имена упоминаются в разрядах за 1519–1520 гг.[249] Также вызывает серьезные сомнения преследование Гаштольдом отступавшего от Полоцка войска Шуйского. Как уже отмечалось, русские забрали с собой артиллерию, следовательно, отходили медленно. Мог ли опытный литовский военачальник с гарнизоном и приданными к нему наемниками Боратинского преследовать русское войско, оставляя у себя в тылу незащищенный город, рискуя в любой момент стать жертвой внезапного нападения другой русской рати (полоцкий воевода был изначально информирован о вторжении сразу нескольких группировок противника на разных направлениях), — вопрос риторический.

Князь М.В. Горбатый в то же время «ходил в Литовскую землю далеко, кош у него стоял в Молодечне, в Маркове, в Лебедеве, а воевали Литовскую землю и по самую Вильну, а направо от Вильны воевали также по Немецкую землю, и полону и животов людских безчисленно вывели». Другому отряду под командованием А.Б. Горбатого и А.Д. Курбского удалось прорваться к Витебску и даже сжечь посады: «у Витебска острог взяли и посады пожгли и людей многих побили»[250].

Ходившая к Слуцку, Минску и Новогрудку рать князя Семена Курбского захватила большой полон и, не встретив противодействия, вернулась в район Стародуба.

Надо отметить, что, несмотря на неудачу под Полоцком, мобильность псковско-новгородского соединения оставалась по-прежнему на высоком уровне. Уже в следующем году к походу были привлечены те же самые силы, следовательно, потери под Полоцком не были катастрофические. И псковский летописец, который отметил факт избиения московских «хупавых» бойцов на Двине, так описал кампанию следующего, 1519 года: «Сьехаша наместники со Пскова князь Иван Шуискои да Ондреи Васильевичь Сабурова, а наехал князь Михаило Кислица да князь Петр Лобан Ряполовскои. А на лето посла князь велики князя Михаила Кислицу с новгородцкою силою и псковою, и псковских 100 пищальников под ним, в Литовьскую землю под Молодечно и под иныя городки, и выидоша все богом сохранены на Смоленеск, и оттоле розъехашася по домом, а князь Михаило во Псков»[251].

Как же отреагировали на послание Сигизмунда при ханском дворе? Аппак-мурза прямо писал Василию III, что вестям короля о событиях под Полоцком в Крыму не особо-то и поверили: «…лживую весть выдрали, московской рати с литовской ратью под Полотском бой был, да у московской-деи рати убили шестьнацать тысяч, да два-деи воеводы в руки попали, да тритцать и два боярина, да ещо лживую грамоту выдрали, будто от киевского воеводы пришла; а ту ложь кто выдирает, и тебе тот ведом»[252].

Разгром русского отряда под Полоцком можно рассматривать как своеобразный реванш за поражение под Опочкой. В то же время по масштабам эти два события трудно сопоставимы.

Итак, парировать и отразить удары мобильными отрядами литовцы смогли только с Полоцка. Во всех других случаях упор в обороне делался на систему крепостей. С городских стен укрывшаяся шляхта могла только безучастно взирать на зарево пожарищ.

Несмотря на победу под Полоцком, Сигизмунду не удалось также успешно отогнать «московитов» с пограничных рубежей.

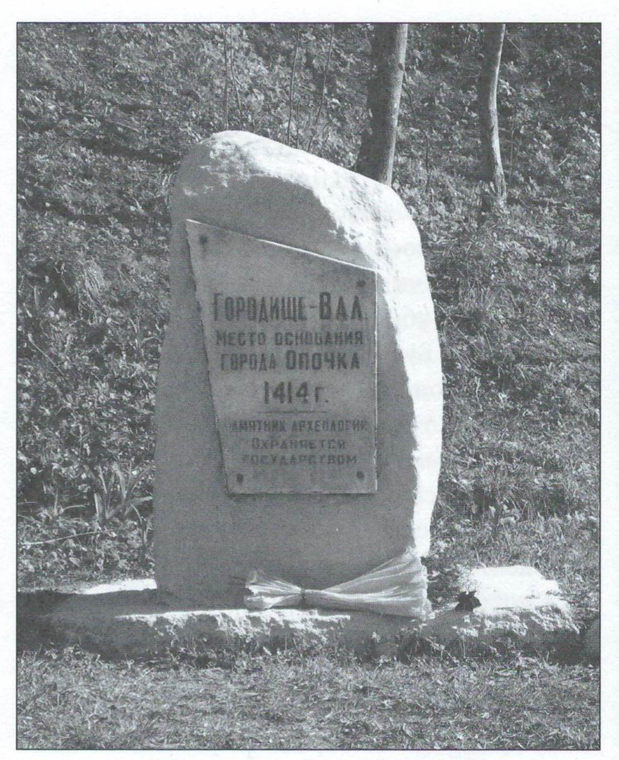
Наемники, сдерживающие летучие отряды противника у крепостей, угрожали покинуть Литву, если им не будет выплачена задолженность. Именно поэтому король обратился к своим подданным за субсидией, созвав великий сейм в Берестье ко Дню св. Мартина (11 ноября) 1518 г.[253] На сейме, который заседал полтора месяца, паны-рада постановили собрать «серебщину» на ведение войны. В период работы великого сейма в Берестье (ноябрь 1518 — январь 1519 г.) было принято весьма суровое решение: вновь собрать «поголовщину» не только с центральных и западных областей Великого княжества Литовского, но и с украинных. В ходе крымских набегов и войны с «московитами» порубежные поветы были изрядно опустошены. Каждый пан и урядник должен был дать по 30 грошей с каждого члена семьи, каждый шляхтич — по 2 гроша, простые люди — по грошу[254]. Королевские грамоты о чрезвычайном сборе средств разосланы по всем поветам и воеводствам. Деятельное участие в сборе средств приняли и сами паны-рада: князь Константин Острожский внес 100 золотых, столько же отдал епископ Виленский Ян Заберезинский. От 50 до 30 золотых привнесли другие радные паны.

Но собранных средств едва хватило на выплату жалованья наемным ротам, стоявшим гарнизонами в приграничных крепостях. Король вновь и вновь прибегал к займам, закладывая земли и волости. За 1519 г. «заставлено» имений на сумму более 20 000 коп грошей! Приходилось даже королю занимать у гетмана наемников — Януша Сверчовского (под заклад Высокого двора)[255].

Несмотря на ряд мер, предпринятых на укрепление военной организации, переломить ситуацию Литва уже не могла. В какой-то мере этому способствовали события в Галиции.

Еще 5 мая 1519 г. великим князем Василием III был ратифицирован договор с крымским ханом Мухаммед-Гиреем. В соглашении фигурировали стандартные формулировки: «другу другом быти, а недругу недругом быти»[256].

Меньше чем через месяц по согласованию с Василием Ивановичем крымский хан отправил «царевича Богатыря» «в Ляцкую землю»[257]. Расчет московский государь сделал на то, что вторжение татар в Польшу не

Памятный знак у городища Опочки. Фотография А.И.Филюшкина

даст возможности Короне оказать помощь Великому княжеству Литовскому наемниками — составной частью литовской армии.

Большая орда татар под предводительством калги («царевича») Богатыря вторглась в Львовскую, Белзскую и Люблинскую области. 2 августа под Сокалом их встретило 3–4-тысячное польское войско, усиленное 2000 волынского ополчения кн. К.И. Острожского. На берегу Буга произошла Сокальская битва, в ходе которой польские части (как пишут хронисты, молодежь знатных родов польских) под командованием Фридриха Гербурда были разбиты, а уцелевшие войска укрылись в Сокальском замке[258].

Неудачи на дипломатическом поприще вынудило Великое княжество Литовское вести войну на два фронта. Пока прусский магистр активно готовился к наступательным действиям, русские войска сразу с нескольких направлений вошли в пределы ВКЛ.

Впервые в истории русско-литовского противостояния московская конница вышла на виленский тракт, чем произвела значительный

переполох среди жителей столицы. По соглашению с татарами, — пишет Сигизмунд в своих посланиях, — «моски, которые насчитывали пятьдесят тысяч, вторглись в Литву и достигли окрестностей Вильны»[259].

Если обратиться к отечественным источникам, то можно не только выявить цели и задачи таких «воинских прогулок» (выражение Н.М. Карамзина), но и состав соединений.

Летом к Витебску же «загонами» прошла еще одна рать (9 воевод). Еще одна рать В.В. Шуйского (12 воевод) двинулась «под Молодецну, литовские земли воевать из Вязьмы»[260], а другая рать, М.В. Кислого Горбатого, вышла из Дорогобужа. Вот как описывал итоги летней кампании сам Василий III в послании Альбрехту: «от Смоленска велели есмя идти боарину и воеводе своему князю Василью Васильевичу Шуйскому и иным своим воеводам... а от Новгородцкие и от Псковские украины, с Лук Великих, велели есмя идти в Литовскую землю воеводе своему и наместнику Псковскому князю Михайлу Васильевичу Горбатому...а из Стародуба и из Северы велели есмя идти... Семену Федоровичу Курбскому... а велели есмя идти тем своим воеводам... прямо к болшему его к литовскому городу к Вильне...»[261] Конечно, ни о каком захвате городов речь не шла; задачи походов были вполне определенными — собрать трофеи, сорвать сборы литовского войска и показать противнику, в чьих руках находится стратегическая инициатива. Данная военная демонстрация была предпринята не для завоевания новых территорий, а для закрепления предыдущих успехов — присоединения Смоленска.

Безнаказанно действовали в районах Минска, Молодечны, Крева, Ошмян, Борисова. Русские войска разорили окресности Минска и Могилева, затем повернули к столице Литвы. Как писал П. Томицкий, «моски, числом пятьдесят тысяч, с татарами вторглись в Литву и произвели везде опустошение, и даже появились в пределах видимости Вильны»[262].

Снова с крепостных стен литовцы с прискорбием наблюдали, как горят окрестности, но ничего поделать не могли. Шляхта украинных земель не могла, в силу экономических причин, выставить «коней» на войну, а шляхта с тех земель, которые не затронули боевые действия, предпочитали отсиживаться у себя в имениях, игнорируя, как всегда, королевские окружные грамоты.

Сохранилось послание панов-рады великому князю Литовскому (январь 1520 г.), в котором говорится, что оборона границ велась в основном отрядами («почтами») самих панов-рады, со стороны же помещиков борьба велась вяло («без жадного способу»), а многие вообще не явились на сбор[263].

Немногочисленные наемные отряды Я. Сверчовского были распределены по пограничным крепостям. Наемные роты стояли в Витебске и Полоцке, но их численность достигала в лучшем случае 100 человек[264]. Причина нахождения в Литве столь малых кондотьерских отрядов связана не только с плохим финансовым положением казны. Польша в это время не могла помочь ни наемниками, ни добровольцами, ибо королевские войска были стянуты на войну против Тевтонского Ордена.

Естественно, с такими малыми силами (почты панов-рады до 3000 чел., наемников до 1000) выходить в поле против «московитских загонов» нечего было и думать. Войско, которое выставили Н. Радзивил и О. Гаштольд, было вынуждено укрыться за стенами крепости: «...панове же поидоша за крепости от великого князя воевод. Великого же князя воеводы розспустиша войско и воеваша Литовскую землю мало не до самые Вильны»[265].

С наступлением зимы «господарь назначил в Вильно вальный сойм панам-рад и другим станам великого княжества», на котором они должны были принять соответствующие меры для защиты границ от прусского магистра и «московитов». Сигизмунд в это время находился в Польше и в работе съезда участия не принял. На сейме со стороны радных панов прозвучали призывы искоренить «непослушенство» шляхты, игнорирующей окружные грамоты: те, кто не был в прошлом году на войне, должны были уплатить штраф в размере 30 грошей с человека. Полученные средства могли быть пущены на уплату наемникам[266]. Но эти мероприятия уже не могли воспрепятствовать новому вторжению русских отрядов на территорию ВКЛ...

28 февраля 1520 г., как отметили разрядные книги, «з Белые ходили воеводы к Витебску».

В войске из 11 воевод, возглавляемых В.Д. Годуновым, помимо детей боярских были также «мурзы мордовские и тотаровя служилые»[267]. Саму крепость не штурмовали, однако были сожжены витебские посады: «у Витебска посад пожгли, и острог взяли, и людей многых побили…»[268]

К началу лета в Минске собралась «оборона земская», но вместо боевых действий было принято решение начать мирные переговоры с Москвой. В российскую столицу отправили посольство Януша Костевича и Богуша Боговитиновича.

В это время значительно активизировались русско-тевтонские контакты. После подписания союзнического договора в течение всего 1518 г. и до конца августа 1519 г. в Пруссии сменявшие друг друга русские посланники Елизар Сергеев, Константин Замыцкий и Василий Александров вели переговоры с орденскими представителями об условиях, сроках и размерах военных субсидий. О начале «своево дела» с польским королем великий князь известил тевтонского верховного магистра письмом от 22 ноября 1518 г.[269] Великий магистр заверил Елизара Сергеева, что война с королем Сигизмундом планируется не позже весны 1519 г.[270]

На неоднократные просьбы великого магистра предоставить денежную помощь до начала боевых действий с поляками Василий III ответил посланием от 26 августа 1519 г.: «…а как почнешь с нашим недругом, с королем полским, свое дело делати, и мы диаку Ивану Харламову тогды, и с собою не обсылаясь, и с пенязи велели к тебе ехати»[271]. Через несколько дней, желая удостовериться в намерениях тевтонцев, государь послал Некрасу Харламову во Псков инструкцию, в которой говорилось, что если великий магистр «еще не почал дело делати», но «люди прибылые из иных земель у него есть, и наряд готов», то тогда, не дожидаясь начала боевых действий, Некрас Харламов должен был «магистру пенязи дати». При этом обращалось внимание, что в случае отсутствия наемников посланнику велено было «пензей не давати»[272].

Сведения о готовности тевтонцев к войне Н. Харламов должен был получать от агента Василия Белого. Для русского правительства необходимо было удостовериться в наличии военного потенциала у ненадежного союзника — только в этом случае Польша не сможет оказать помощь Литве. Сведения о военных приготовлениях Ордена подтвердились, и нагруженный серебром на сумму 14 000 гульденов транспорт двинулся изо Пскова в Кенигсберг. Таким образом, русско-тевтонский военный союз начал воплощаться на деле.

1 ноября 1519 г. великий магистр, получив денежную ссуду на наем солдат, начал вести войну против Польши, взяв замок Браунберг (Бранево). Однако вскоре наступление братьев Ордена захлебнулось[273]. В течение всего 1520 г. в Москву поочередно прибывают посольства Мельхиора фон Рабенштайна, Георга фон Клингенбека и Альбрехта фон Шлибена с настойчивыми просьбами снова помочь великому магистру деньгами. Все орденские дипломаты как один заявляли о недостаточной финансовой помощи со стороны России и настаивали на присылке серебра на наем 2 тысяч кавалеристов и 10 тысяч пехотинцев.

Отслеживание ситуации и хода военных действий в Пруссии было поручено посланнику Александру Семеновичу Шерна, который периодически докладывал в Москву о передвижениях польских и тевтонских отрядов[274].

Неудачу первых месяцев войны с Польшей Альбрехту удалось слегка выровнять к концу июня 1520 г., когда из Дании и Германии на помощь верховному магистру двинулись две навербованные армии наемников. По словам датского посла, в 1520 г. великому магистру Альбрехту королем Христианом II была оказана помощь наемными войсками: «впервые послал еся полтретьи тысячи бранных людей, а вдругие послал еси две тысячи, в втретья послал еси три тысячи человек»[275], то есть всего 7,5 тысячи воинов. В свою очередь, великий князь заявил, что он «жаловал» великого магистра на нужды войны, однако размер жалованья, который на самом деле был небольшим, не оглашался.

На переговорах 1521 г. с датским посольством были обговорены вопросы оказания помощи Тевтонскому Ордену, решения порубежных споров и присылки специалистов («которые будут у тебя мастеры в твоей земле фрязове архитектоны и зеньядуры, и которые мастеры горазди каменого дела делати,

и литцы, которые бы умели лити пушки и пищали, и ты б тех мастеров к нам прислал»)[276].

Согласно одному из планов военных операций предполагалось совместно с русскими организовать нападения на территории Великого княжества Литовского и Королевства Польского. По этому чрезмерно амбициозному плану «московиты со своим войском» должны были идти к Вильне и дальше к городам — к Ломже, Пултуску, Вышегруду с выходом на Вислу[277].

Но события развивались по совершенно другому сценарию. Наемники, набранные не без помощи Дании, во главе с графом Вильгельмом Изенбургом осадили Гданьск, но… вскоре армия попросту разбежалась из-за неуплаты денег. Тевтонский Орден начал терпеть поражение и вскоре вынужден был заключить перемирие с польской Короной.

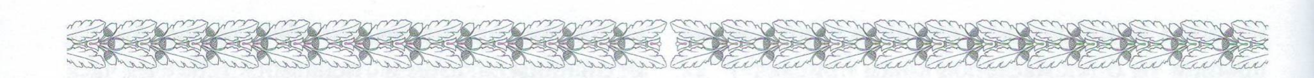
Между тем из Пскова вместе с орденским послом Г. Клингенбеком и русским посланником А. Моклоковым в июле 1520 г. отправили очередную небольшую партию серебра, ничего не зная о произошедших событиях в Пруссии[278]. Великому магистру было заявлено, что «сто тысяч гривен серебра» на наем 10000 пеших и 2000 конных он может получить, если выполнит прежние договоренности — «как ты у короля поемлешь свои городы… да пойдешь к болшему его городу к Кракову»[279].

С декабря 1520 по март 1521 г. в Москве находился Альбрехт фон Шлибен, которому удалось убедить Василия III предоставить очередную финансовую помощь[280]. Вместе с Иваном Булгаковым[281] орденский посол выехал в Кенигсберг, имея при себе заверения Василия III о скорой присылке денег. Следом за Шлибеном и Булгаковым из Москвы в Псков и далее к ливонской границе в сопровождении большого конвоя двинулся еще один обоз с серебром. На этот раз деньги должен был сопровождать Семен Сергеев[282].

В своем послании от 25 мая 1521 г. Василий Иванович писал о посылке сына боярского Семена Сергеева с деньгами в Псков следующее: «…приказали есмя ему, как будет путь чист, а ты к нему пришлешь, и он безо всякие отсылки с нашим наказом и с пенязми к тебе едет часа того…» Далее Василий Иванович в резкой форме отвергал обвинения великого магистра в нежелании государя оказывать помощь Ордену: «А что писал еси к нам в своей грамоте, будто мы пенязми позамотчали, и писанием будто позабыто и проволочено, ино в том деле от нас замотчаниа никоторого не было, а тобе то, маистр, гораздо ведомо, как то дело приговорено с твоими послы, и не однова есмя о том к тебе с своими послы и с твоими послы приказывали… свои пенязи послали есмя к тобе и неоднова на своего недруга тобе в помочь, а с тем с своим недругом, как есмя наперед того, свое дело делали, так и ныне делаем».

Несмотря на то, что король Сигизмунд присылал своих послов в Москву, перемирие с ним так и не было заключено, а все условия прекращения боевых действий были отвергнуты московским государем. Соблюдения таких же союзнических условий государь требовал и от тевтонцев: «…ты б, высокий маистр, также того своего обещанья и крестного целованьа не забывал, как еси обещал и крест целовал, и ка(к) в завещальных записех написано». Заключительная часть послания стандартна для грамот 1517–1521 гг. и наглядно иллюстрирует господствующую позицию русского государя в отношении тевтонцев: «…весь твои чин жаловати и беречи хотим, и за тебя и за твою землю хотим стояти, и боронити тебя от своего недруга от Жигимонта короля хотим, как нам милосердный Бог поможет»[283].

В конце июня 1521 г. из Москвы в Орден в сопровождении внушительного конвоя было привезено серебро на сумму 1627 прусских марок, или 11 389 гульденов[284], то есть даже меньше, чем в 1519 г. Этим великий государь в очередной раз дал понять, что не отказывается от субсидирования военных операций Ордена и по-прежнему ждет от тевтонцев действий, хотя к этому времени уже было заключено сепаратное перемирие великого магистра с польским королем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На русско-литовском фронте в 1518–1520 гг. инициатива навязывания своей стратегии войны была на стороне Русского государства, которая, впрочем, так и не вылилась в полномасштабный большой «государев» поход на Витебск или Полоцк в силу опасности, исходящей с южных рубежей. В свою очередь, Великое княжество Литовское не могло обеспечить надежную защиту своих границ и больше не имело возможности подготовить контрудар, хотя бы равносильный походу 1517 г.

Девятый год войны ознаменовался относительным затишьем на русско-литовском фронте. Но при дворах в Копенгагене, Кенигсберге, Вене и Риме не утихали политические баталии относительно перспектив сотрудничества со «схизматиками». Копенгаген и Кенигсберг рассматривали военный союз исключительно с прагматических позиций. Датское правительство надеялось, что «Московия» в рамках заключенного соглашения отвлечет на себя Швецию, а торговые преференции позволят эффективнее противодействовать Ганзе. Но каперская война 1518–1521 гг. с участием Ганзы, Польши, Дании привела фактически к блокаде русской торговли в восточной Балтике[285].

Глава Тевтонского Ордена все еще тешил себя надеждами на получение крупной финансовой помощи Москвы в войне против Польши. Даже после того, как Орден проиграл войну и заключил в 1521 г. при посредничестве императора 4-летнее перемирие, послы Альбрехта Бранденбургского вели переговоры о предоставлении денежной субсидии.

Вена продолжала считать «московитов» важным противовесом турецкой экспансии. Но смерть 12 января 1519 г. «последнего рыцаря», императора Максимилиана, отодвинула политику в отношении России на задний план. После провала миссии Сигизмунда Герберштейна в истории русско-имперских отношений XVI в. наступает период, в котором дипломатические контакты Вены и Москвы почти прекращаются. Автор первого обзора внешних связей России Н.Н. Бантыш-Каменский отметил, что под 1522 г. в делах «упоминается о посылке в Вену новгородского приказа подьячего Якова Полушкина; но с чем он был послан, в делах не видно», а затем в примечании историк посетовал: «Быть не может, что через 50 лет не было никаких между австрийско-цесарским и российским двором переписок, но оных в архиве не видно, уповательно изгибли во время бывшего в России от поляков нашествия и разорения»[286].

Действительно, посольских документов за этот период нет, но в описях перечисляются «Книги цесарские 7030 по 39 год, при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии да при Карле цесаре, Максимилианове внуке, отпуск к цесарю великого князя подьячего Якуша Полушкина да цесарского немчина Вартоломея с грамотами»[287], что является свидетельством продолжения русско-имперских переговоров в 1522–1531 гг. С.А. Белокуров в «Списке дипломатических лиц» без ссылки на источник отметил, что будто бы Яков Полушкин ездил «с грамотой о трех цесарцах, посланных для науки в Польшу и захваченных русскими в плен»[288].

В собрании кенигсбергских актов Тайного архива хранится послание государя от 5 мая 1521 г. новоизбранному императору Священной Римской империи. В нем Василий Иванович выразил желание продолжить контакты: «князи и избратели, и вся земля изобрали тебя государем на цесарство, и ты учинился на деда своего государствех государем, и мы так же хотим с тобою быти в любви, и в завещанье, как есмя были в любви, и в завещанье

з дедом твоим, братом нашим Максимилианом, избранным цесарем, и навышшим королем Римским»[289]. Послание было передано великому магистру Альбрехту Бранденбургскому через орденского представителя (на сохранившемся конверте стоит знак Дитриха Шонберга). Но, как отметила немецкая исследовательница М. Зах, данное письмо Карл V вряд ли получил — оно так и осталось лежать в архиве великих магистров[290].

Если Дания, Тевтонский Орден и Империя исходили из прагматичных соображений союза с «Главным Московитом», то римский понтификат все еще лелеял надежду возвращения схизматиков в лоно католической церкви. Доминиканский монах Николай Шонберг тесно поддерживал переписку со своим братом, ездившим с посольством от великого магистра в Москву. Братья всерьез обсуждали воплощение желания римского папы Льва X заключить с Россией церковную унию. Неоднократные вежливые ответы русской стороны на переговорах с Дитрихом порождали у братьев Шонберг иллюзию, что будто бы московиты желают соединиться в вере с католическим миром. Если мы для примера посмотрим на послания Василия Ивановича великому магистру, которые доставлял сам Д. Шонберг (на обороте некоторых посланий, хранящихся в берлинском Тайном архиве, стоит знак Шонберга в виде треугольника, на острие которого лежит линия, параллельная основанию), то обнаружим в них весьма обтекаемые формулировки, которые никак не могли указывать на какие-нибудь планы по унии[291]. Так, в апрельском послании 1519 г. говорится: «… уразумели есмя от твоего посолства доброхотимую и добрую мысль папину, кою к нам имеет, желаем чтобы еси от нас ему дяковал по тем речем, которые говорили есмя послу твоему, и нечто нам боле того ему приказати прилучитца б и мы тобою учиним, а что можем о добре папине и о дружбе с ним, и о которых делех, попригожу хотим с ним ссылатися»[292]. Как видим из текста послания, Василием Ивановичем было высказано лишь желание переписываться с папой «о добре» и «о дружбе с ним», однако даже в таких общих фразах Дитрих Шонберг мог усмотреть какие-то намеки на унию! О содержании письма Дитрих проинформировал своего брата Николая, а тот — папскую курию. Но отцу Николаю Шонбергу так и не удалось приехать в Москву. Брат-проповедник Ордена св. Доминика был задержан в Польше королем Сигизмундом под тем предлогом, что настал «благоприятный момент» для коренного перелома в войне с Василием III. Судя по сугубо оборонительной позиции Великого княжества Литовского в 1519 г. и отсутствию каких-либо наступательных действий, причина задержки уполномоченного папы была другая. В Кракове и Вильне подозрительно отнеслись к миссии монаха, поскольку знали, что его брат участвует в тайных переговорах между великим магистром и великим государем. Однако вскоре Сигизмунду все же пришлось просить папу о посредничестве в переговорах с «московитами». Дело в том, что 12 января 1519 г. умер «старик Максимилиан», император Священной Римской империи германской нации, и все прежние договоренности о перемирии, достигнутые послами де Колло и де Конти к 31 декабря 1518 г., теряли свою силу. Польский король попросил прислать для посредничества с Москвой «человека осторожного, опытного, честного, который не был бы монахом (намек на Н. Шонберга. — А.Л.), но действовал бы беспристрастно…»[293].

В это же время в Риме на заседании кардинальского комитета были озвучены предложения о заключении союза Василия Ивановича с папой, в результате чего Московия может быть обращена в королевство[294]. Неоднократные "подтверждения" из Кенигсберга и Копенгагена о стремлении «московитов» в лоно католической церкви породили у папского двора устойчивые "оптические" иллюзии в отношении «московитов-схизматиков». И Альбрехту Бранденбургскому, и королю Христиану II нужны были оправдания перед папой за дипломатические сношения с «московитами-схизматиками». Из анализа большого комплекса дипломатических документов известно, что своевременное информирование Рима о якобы желании Москвы принять унию являлось для властей Тевтонского Ордена и Датского королевства прекрасным прикрытием для обсуждения с «Главным Московитом» вопросов военной помощи в войне против своих врагов.

За завесой высоких идеалов стоял глубокий прагматизм. Поэтому совершенно неудивительными выглядят следующие слова обманутого папы Льва X в послании государю Василию Ивановичу от 26 сентября 1519 г., которое так и не достигло адресата: «...достоверно мы узнали, что ваше Величество, по вдохновению Божию, вознамерились обратиться к соединению и повиновению св. Римской церкви»[295].

Но противодействие Ягеллонов возымело политический эффект. Уже 26 января 1520 г. Сигизмунд писал епископу Эразму, что папские нунции в Московии могут быть привлечены к переговорам только тогда, когда понадобится помощь польского короля[296].

Во время переговоров с нунциями Феррери и Тебальди были выявлены намерения понтифика не только содействовать установлению мира и религиозного единства между враждующими сторонами, но и будущей коронации Василия III. Поэтому представители польского короля тут же напомнили нунциям, насколько опасны исконные враги всего христианского мира, моски и татары[297], и что от их коварства нельзя ожидать искренних намерений в чем-либо. Через некоторое время представители Рима были возвращены обратно, а послание Льва X Василию III так и осталось невостребованным и позже было передано в хранилище римской библиотеки Берберини, где оно хранится и ныне.

Видимая Сигизмундом бесперспективность планов религиозного объединения с «московитами» на принципах Флорентийской унии, боязнь быть обманутым в дипломатической игре, переговоры о «королевском титуле» для «Московита», поддержка папой врагов Польши — Дании и Тевтонского Ордена — все это послужило причиной провала миссий римской курии. Никто из командированных Ватиканом послов так и не достиг конечной цели своей миссии — они либо по доброй воле, из-за нежелания ехать «в дикую Московию», оставались в Литве, либо же были задержаны по приказу короля Сигизмунда. Следовательно, никто из них в своих отчетах понтифику не мог точно описать ни истинные намерения «Московита», ни реальную ситуацию в отношении Литвы и России[298].

А проигравший в войне с Сигизмундом верховный магистр Альбрехт по-прежнему мечтал получить обозы с московским серебром. Во время встречи в Мемеле представителей Тевтонского Ордена с русским посланником С. Сергеевым 2 июля 1521 г. последний вновь заявил от имени великого государя, что Орден может рассчитывать на субсидии, если он будет готов вновь взяться за оружие, и только в случае новых военных действий Василий Иванович переправит всю требуемую сумму[299].

Задача направляемого в Москву очередного посольства из Кенигсберга состояла в том, чтобы разъяснить «московитам» два вопроса: почему не ведутся боевые действия и почему большие деньги нужны до начала новой войны. В инструкции Георгу Клингенбеку (март 1522 г.) вполне подробно говорилось, о каких претензиях нужно заявить русской стороне[300]. В 14 пунктах были расписаны все сложности и проблемы прусско-польского противостояния. Помощь Василия III, по мнению Альбрехта, заключалась в выделении очень малых средств (наем 1000 пехотинцев на четыре квартала, то есть на год), тогда как только для успешных действий против короля необходимы деньги для 10 000 пеших и 2000 конных на два года. Походы русских в Литву не являлись настолько «сильными операциями против Польши», как царь пытался представить. В секретной части этой инструкции говорилось о том, чтобы на аудиенции в Москве Клингенбек дал русским понять, что для начала новой войны необходимо «перевести в Ливонию серебра в слитках для вербовки 10 000 пехоты и 2000 конных, как и на артиллерию и другое военное снаряжение».

В резком ответе Клингенбеку Боярской думы от 28 мая 1522 г. категорически отвергались все тевтонские претензии — за повторным перечислением всех заключенных ранее договоренностей и последовавших затем событий 1518–1521 гг. русская сторона выдвигала великому магистру обвинения в невыполнении своих союзнических обязательств. Но даже после резких обоюдных претензий друг к другу Василий Иванович не отказывался от диалога с тевтонцами — он намеревался «отправить нашего человека к магистру»[301], несмотря на то, что государю уже стали известны

подробности заключенного четырехлетнего перемирия между Альбрехтом и Сигизмундом.

Миссия Клингенбека фактически поставила точку на перспективах дальнейшего военного сотрудничества. Потерпевший поражение в войне Тевтонский Орден настойчиво требовал денег, а Россия более не захотела вкладывать средства в бесперспективного союзника, тем более что к этому времени состоялось подписание перемирия между Сигизмундом I и Василием III.

Но даже после окончания Смоленской войны в 1522 г. папская курия продолжала мечтать о церковной унии и антиосманском соглашении с Россией. Войну великие князья Сигизмунд I и Василий III заканчивали уже без посредничества Рима.

Как ни удивительно, к 1520 гг. интересы России и Ватикана совпали относительно Дании. Поддерживая последнюю в войне со Швецией, папа Лев X издал буллу против врага Христиана II Стена Стуре Младшего[302]. Из Калмарзунда 25 сентября 1519 г. адмирал Соверен Норрби после взятия островов Эланда и Борнхольма писал своему королю Христиану II, что для войны в Финляндии необходимо уведомить «великого князя Руси» о помощи войсками[303]. Христиан II просил Василия III направить в Финляндию корпус численностью до 2000 всадников в помощь датским войскам, а также сделать нападение на Норботен[304]. В то же время датский король также писал Франциску с предложением заключить союз с Великим княжеством Московским, однако тот отклонил план, поскольку ему было известно, что «московиты» — «схизматики», следовательно, для заключения договора с государем «московитов» ему потребуется разрешение папы[305].

В историографии распространено мнение, будто бы «кратковременное сближение Русского государства с Тевтонским Орденом не принесло никаких результатов»[306]. Однако подобные оценки базируются на анализе только политических и дипломатических аспектов, в них не учитываются военно-стратегические последствия соглашений. По нашему мнению, русско-прусский союз, несмотря на свою короткую жизнь, имел положительные последствия для России. Хлипкий военный альянс все же сковал силы польской Короны и вынудил ее держать войска на случай войны с Тевтонским Орденом. Вследствие этого после 1518 г. Польша не могла оказать значительную помощь Литве ни наемниками, ни добровольцами. Пассивность Польши в военных делах на русско-литовском фронте была фактически оплачена суммой около 37 000 гульденов[307], которой едва хватило бы на годовой наем всего тысячи пехотинцев.

На первый взгляд, и союз с датчанами также не принес никаких преференций. «Вообще-то было бы сильным преувеличением сказать, — пишет датский исследователь Микаэль Венге, — что союз с Россией привел к установлению настоящих братских отношений между государствами. С датской колокольни Россия виделась чужой, непонятной и враждебной страной, о которой датчане имели очень слабое представление»[308]. Дания не вела боевых действий с Польшей и Литвой, не объявляла войны. Но тем не менее альянс с королем Христианом оказал непосредственным образом влияние на результаты русско-литовских кампаний 1512–1520 гг. Во-первых, Дания в рамках соглашения поддерживала Тевтонский Орден в войне против Польши деньгами и наемниками. В течение 1519–1520 гг. главный союзник Великого княжества Литовского — Польская Корона — был скован боевыми действиями против Тевтонского Ордена. В это время в пограничных районах русско-литовского противостояния мы не видим каких-либо значительных наемных контингентов. Все основные силы Польша бросила против Кенигсберга. Следовательно, Копенгаген был косвенно причастен к тому, что в русско-литовском противостоянии с 1518 г. наемные люди и добровольцы из польской Короны стали играть незначительную роль. Во-вторых, в Москву через торговые пути были доставлены военные специалисты и большое количество стратегических товаров, что не могло не сказаться на общем уровне боеготовности московского войска. Наконец, в-третьих, сам вид коалиции и опасность совместных действий Дании, России и Тевтонского Ордена заставляли ягеллонский двор искать пути к замирению. О прямой угрозе русско-прусско-датского союза заявил перед

собравшимися представителями Вендских городов шведский канцлер Петер Якобсон в январе 1520 г. в Данциге: «...злейший враг Сигизмунда и враг Швеции великий князь Московский в союзе с Христианом; великий магистр Прусский Альбрехт, бывший в постоянных раздорах с Польшею, вследствие нежелания признать над собою власть Сигизмунда, также в союзе с русскими и с Христианом»[309].

К началу 1520-х гг. для Руси и Литвы стало очевидным, что в условиях крымской угрозы весьма сложно организовать крупные операции. Даже при наличии «союзных» договоров с крымским ханом (а у Василия III и Сигизмунда I они были) вовсе не гарантировали замирения на границах с татарами. Активные боевые действия во второй половине 1520 — 1521 г. практически не велись. Сигизмунд и паны-рада согласились на перемирие с «московитами» без посредничества папской курии. 2 сентября 1520 г. предварительный договор был утвержден приложением печатей литовских послов[310].

В этом политическом клубке взаимоотношений в Восточной Европе немалую роль стал играть Крым. Мухаммед-Гирей пытался склонить Василия III к совместным действиям против Астраханского ханства[311], а тот, хоть и делал вид, что может помочь, даже и не думал помогать. Впрочем, Владимирский летописец под 7028 г. (1520 г.) оставил сообщение о том, что хан Мухаммед-Гирей «просил у великого князя Василья Ивановича силы в помочь, когда ходил на Астрахань. И князь великий дал ему в помочь 7 городов силы судовой»[312]. Но очевидно, что если судовая рать и собиралась, то в войне никак не участвовала.

Лавируя между Москвой, которая несколько раз обещала, но не выдвигала против Астрахани рать, и Вильной, которая ежегодно выплачивала по договору 15 000 золотых, Мухаммед-Гирей все же сделал свой выбор. Для хана стало очевидным, что бóльшим врагом для него был московский государь, который не намеревается помогать ему в войне с астраханцами, да к тому же поставил в Казани своего ставленника хана Шах-Али.

Сохранилось послание 1521 г. Мухаммед-Гирея своему сюзерену, турецкому султану Сулейману Кануни. Его обнаружила в архиве музея Топкапе французская исследовательница Шанталь Лемерсье-Келькежэ[313]. Мухаммед-Гирей оправдывался перед падишахом Оттоманской Порты за сорванный поход против Польши в то время, когда сам Сулейман I Кануни готовился выступить против венгров: «Некоторое время назад король Польши отправил к вашему покорному слуге посла и обязался платить ежегодную дань в 15 000 золотых ради того, чтобы его королевство пощадили... Сейчас один мирза из рода Ширин-мирза Эвлия (Evliyâ), сын Девлетека находится как заложник [в Польше] и не может уехать оттуда, пока его не заменит другой бей или мирза из рода Ширин. Если, нарушив наш договор, мы нападем на поляков, то мирзу-заложника бросят в тюрьму или даже убьют, а тогда весь род Ширин, вся родня, все беи и мирзы восстанут на нас. Мир и порядок будут нарушены, и страна погрузится в хаос». Мухаммед обосновывает свое решение идти против русских из-за агрессивной политики последних в отношении Казани: «Перед приездом [в Казань] хан Московии (Mosqov beyi) изгнал кади из города, и прислал священников (ruhbân), чтобы они распоряжались делами мусульман. Он приказал возвести церкви (kinîsâ) и силой заставил мусульман отправлять обряды неверных. Таким образом он попрал закон Корана и поверг мусульман в скорбь. Он всячески притеснял их, когда приехал мой брат. Брат вошел в город, и стал ханом. Бей Москвы, узнав об этом, отправил большое войско и приказал сторожить дороги, чтобы перекрыть любое сообщение [между Казанью и Крымом]. От этого мой брат впал в большую скорбь. Из Казани смог пробраться гонец, он прибыл сюда и принес нам весть. Так мы узнали о том, что происходит [в Казани]. Мы приняли решение оказать помощь и поддержку нашему брату. Мы отправились в путь, дабы положить конец бесчинствам, которые творились этими идолопоклонниками (âsnâm), враждующими с Исламом. Мы задались целью выступить против них и надеемся на успех и победу»[314].

Крымский хан строил планы собрать в своих руках бывшие части улуса Джучи — Астраханское ханство, Казанское ханство, ногаев[315]. Мечтал он покорить и Русь.

Как отметил И.В. Зайцев, «Крым был всегда традиционным источником сведений о событиях в Казани для Стамбула… крымские ханы всегда подавали казанский вопрос в соответствии со своими интересами»[316]. Первым делом Мухаммед-Гирей направил на Казань, где сидел его враг, своего брата Сахиб-Гирея. Шах-Али был изгнан и Казани.

Собрав огромное войско, в июле 1521 г. Мухаммед-Гирей двинулся на Русь. Следует заметить, что в этом грандиозном крымском походе символическое участие приняла и Литва. Паны-рада советовали отправить в поход с ханом отряд Е. Дашкевича, в который входили всего «сто драбов подлейших, а сто коней менших, а сам бы на замку с трема сты зостал»[317]. 200 человек в многотысячной орде Мухаммед-Гирея должны были служить доказательством «дружбы» короля с крымским ханом. Об участии литовской стороны в походе не преминули указать русские летописи: «…краль таинственно соединися с Крымским царем Магамед-Гиреем и многое воиньство (выделено мной. — А.Л.) даде ему в помощь на великого князя»[318].

Какие-то отголоски крымско-турецкой переписки содержатся в донесениях из Азова и Кафы. Магмед-паша Кафинский сообщал Василию III (письмо доставлено 24 июня 1521 г.): «Да крымской царь на конь всел, на тебя на самого хотел идти и многую свою рать собрал», в то время, когда султан прислал указание, «чтоб деи еси на московскую землю… не ходил, а опричь того куды хочешь, поиди»[319]. То же самое азовский правитель (диздар) Бурган-ага писал в Москву, будто бы султан через гонцов заявлял Мехмед-Гирею: «…и ты ся береги на свой живот и не ходи на московского, занже ми есть друг велик»[320]. Далее диздар предупреждал Василия Ивановича о готовящемся походе хана: «…рать его собрана, а злобен добре, и государствие бы твое берег свою землю».

На европейском театре складывалась необычная коллизия: Турция наступает на Белград, Польша вступает в антитурецкую лигу, тевтонцы воюют с поляками, крымский хан, заручившись союзным договором с Польшей и Литвой, идет на Россию, которая, в свою очередь, находится в дипломатических отношениях с сюзереном Крыма Турцией и оказывает поддержку Тевтонскому Ордену в борьбе против Ягеллонов.

Послание Мухаммед-Гирея турецкому султану. 1521. Topkapı Sarayı Müzesi

Русские войска стояли и на западной, и на южной, и на восточной границах. Причем основная часть была сосредоточена именно на «крымском направлении» (Серпухов, Кашира, Таруса, Угра), хотя появления противника ожидали с разных сторон.

Во многих научных трудах историки критикуют действия воевод XVI в. с позиций современной стратегии, применяя к анализу оперативной обстановки на 1521 г. данные, основанные на «послезнании». «Подготовка русских войск к отражению возможного нападения крымских татар оказалась в целом неудачной»,[321] — писал известный историк В.П. Загоровский. Но в условиях того времени воеводы не могли знать, когда, куда и с какими силами движется хан с ордой; растянуть

на многие сотни километры все силы в одну линию они не могли по причине нереальности выполнения задачи. Именно поэтому сосредоточение крупных сил в Серпухове, Кашире, Тарусе, на Угре, а также усиленных отрядов в Рязани и Коломне в целом представляется логичным. В случае прорыва рубежа возле одного из этих пунктов можно было бы в спешном порядке попытаться соединить отряды или атаковать вторгнувшихся татар с флангов. Подобным образом проводились мероприятия в 1517 г., когда успешно отбили «царевичей», нанеся татарам крупный урон. Но отличия вторжений 1517 и 1521 гг. существенные: в первом случае в набег шли «царевичи» несколькими отрядами, разделившись на множество «загонов», которые удалось большей частью отбить, перехватить или блокировать; во втором случае шел сам хан с большим войском. Угадать направление и оперативно противопоставить Орде адекватные силы на одном из нескольких направлений было невозможно. Одним словом, направление «главного удара» было воеводам неизвестно, высокомобильная крымская рать могла оказаться где угодно. Сражаться с большой ордой могли только крупные силы, а не «размазанные» по рубежам отряды.

В обороне против крымчаков играло роль множество факторов: выбор направления для вторжения, наличие у татар проводников, разведка и оповещение. Станичная и сторожевая служба как оборонительная система стала оформляться только в 1570-е и сложились в процессе постепенной колонизации юга и в ходе многолетней войны с Крымом к 1640-м гг., за время которой Россия претерпела не одно ханское нашествие. Оборонительная система стала особо эффективной тогда, когда в «поле» были вынесены форпосты, на татарских сакмах были сооружены оповестительные пункты, а рубежи надежно прикрыли засечные линии (их строительство продолжалось вплоть до 1660-х гг.)[322]. Всего этого в 1521 г. не было.

Из-за отсутствия целостной картины оперативной обстановки случилось то, что и должно было случиться: «А как пришол крымской царь в ыюне месяце к берегу и Оку реку перелес, и князь великий братью свою послал: князь Юрья на Коломну, а князь Ондрея в Серпухов, и они не поспели сойтись с воеводами, а царь уж крымской Оку реку перелес (выделено мной. — А.Л.)»[323]. На направлении главного удара крымский хан имел значительный перевес в силах.

Но даже самая крупная рать, сосредоточенная в Серпухове, не могла в одиночку долго сдерживать татар, превосходящих по численности. Вследствие этого трагедия оказалась неминуема — все подошедшие русские войска главной армии со стороны Серпухова были разбиты: «убьени быша воеводы великого князя Иван Шереметев да князь Володимер Курбской Карамышов, да Яков да Юрьи Замятнины»[324]. Даже самое крупное из трех ратей войско не могло задержать наступления крымских войск.

Татары вышли к р. Северке в 60 км от Москвы и стали грабить и жечь деревни и села: «и множества христианства победиша и пплениша, мужска полу и женьска, и много крови пролиаша, и многа осквернения и растления содеяша, и многыя села и святыя церкви пожгоша, и честный монастырь святаго Николы, иже на Угреше, разграбиша и попалиша»[325]. В течение двух недель Москва сидела «в осаде», а сам государь Василий, оставив в столице своего шурина, татарского царевича Петра, бежал в Волок Ламский.

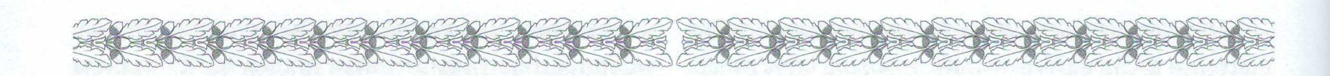
Татары дошли до подмосковного села Воробьево и сожгли его. После перенесенного потрясения Василий Иванович подписал грамоту, в которой обязывался ежегодно выплачивать дань крымскому хану. Триумф Мухаммед-Гирея был отчасти нивелирован под Рязанью. Рязанский воевода Иван Хабар Симский не только отразил татарское войско от города, но еще и обманом завладел и уничтожил кабальную грамоту своего государя.

«Крымский смерч» 1521 г. нанес огромный ущерб Русскому государству. Вплоть до Москвы было опустошено множество уездов. Продолжение войны с западным соседом при постоянной угрозе соседа южного в перспективе могло обернуться трагически и для государя, и для государства в целом — катастрофа 1521 г. наглядно показала уязвимость российских границ. Главная цель войны с Литвой — взятие Смоленска — была достигнута, осталось только закрепить результат перемирием.

Прекращение войны в тех условиях было выгодно и Сигизмунду I. Казна была опустошена, восточные поветы разграблены, а хлипкий союз с татарами вовсе не гарантировал прекращения татарских набегов на Волынь и Малую Польшу. Крымского хана в любой момент могли "перекупить" «московиты», и тогда можно было бы потерять не только Смоленск…

В Москве начались сложные переговоры, на которых литовская сторона заявила требования о передаче Вязьмы, Торопца, Пскова, Новгорода и Смоленска; российская же сторона дала понять, что мир может быть заключен, если Литва признает Смоленск за государем и обменяет всех пленных. Заключение мира затянулось до того времени, пока Сигизмунд не отправил в Москву посольство, возглавляемое П.С. Кишкой, воеводой Полоцким. В ходе прений и споров Москва и Вильна заключили перемирие, по которому Смоленск с прилегающими землями признавался за Василием Ивановичем; пленных же литовцы отказались отпускать категорически. 14 сентября 1522 г. в Москве, после согласования статей, государь Василий III и литовские послы целовали Крест на новом договоре о перемирии на 4 года. Со стороны короля и великого князя Литовского соглашение было ратифицировано несколько позднее — 18 февраля 1523 г., на аудиенции посольства в составе русских послов В.Г. Морозова, А.Н. Бутурлина, дьяков И. Телешова и М. Третьяка-Ракова[326].

Так закончилась 10-летняя война. Новые «смоленские» рубежи, которые согласовали между собой русские и литовские представители в 1522 г., вцелом в настоящее время являются государственной границей двух союзных государств — России и Беларуси.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кашпровский Е.И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко. Вып. II. Нежин. 1899. С. 173–289; *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. 1. Lwów; Warszawa; Kraków, 1923. S. 261; *Wojciechowski Z.* Zygmunt Stary (1506–1548). Warszawa. 1946. S. 61–63; *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 183–185; *Михайлова И.Б.* Псковская земля в период русско-польско-литовской войны 1512–1523 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 200–205; *Филюшкин А.И.* Василий III. М., 2010. С. 204–205; *Plewczyński M.* Wojny i wojskowość polska XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2012. S. 212 и т.д.

[2] *Лобин А.Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. К 500-летию сражения. СПб., 2011. С. 191.

[3] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 54–66.

[4] *Pułaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515): akta i listy. Warszawa, 1881; P. 178, 180; *Любавский М.К.* Литовско-Русский сейм. С. 195.

[5] Подр. см.: *Лобин А.Н.* Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г. М., 2015.

[6] 1515, июля 16 — сентября 11. Приезд посольством Янчур дувана с товарищи из Крыма // Сб. Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 95. С. 153 № 10; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. С. 171.

[7] Лист до царя перекопского и до сына его Махмет Гирей солтана // Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica. Kn. 7. (1506–1539). Vilnius, 2011. C. 574; *Pułaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich. S. 327–438. № 156.

[8] Vladislaus, Rex Hungarie et Bohemie. Sigismundo, Regi // Acta Tomiciana (далее — AT). T. III. № CCCLI. P. 159; *Кашпровский Е.И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко. Вып. II. Нежин, 1899. С. 251.

[9] 1514, апрель — 1515, марта 8. Возвращение из Турции посла М.И. Алексеева… // Сб. РИО. Т. 95. № 61. С. 104.

[10] *Черкас Б.В.* Остафій Дашкович — черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. Nr 1. C. 53–67.

[11] 1514, апрель — 1515, марта 8. Возвращение из Турции посла М.И. Алексеева… // Сб. РИО. Т. 95. № 61. С. 104.

[12] «…sto tysięcy ludzi krom dobytków, łupów i połonu rozmaitego do hordy wyprowadził». *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 385.

[13] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. С. 172.

[14] 1515, мая 29 — июня 12. Отправление от великого князя Василия Ивановича в Крым грамот // Сб. РИО. Т. 95. № 8. С. 131; *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. С. 172.

[15] 1515, июля 16 — сентября 11. Приезд посольством Янчур дувана с товарищами из Крыма… // Сб. РИО. Т. 95. № 10/V. С. 152.

[16] 1515, июля 8. Отписка киевского воеводы Андрея Немировича // Акты Западной России (далее — АЗР). Т. II. № 93. С. 117–118.

[17] Там же. С. 186. № 11.

[18] *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. С. 174. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 172.

[19] *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. С. 78.

[20] 1515, ноября 1 — 1516, января 26. Отправление от великого князя Василия Ивановича к царю Магмед-Гирею посольства… // Сб. РИО. Т. 95. № 12. С. 204.

[21] Там же. № 12. С. 196; *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. С. 78.

[22] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. С. 172.

[23] Абдул-Латиф — сын хана Ибрагима и Нур-Султан, в 1497–1502 гг. казанский хан, ставленник Москвы. В мае 1512 г. он был обвинен в содействии набегу крымских татар, арестован и лишен своих владений.

[24] [14.03. 1516] Тое доконъчанье от господаря Его Милости великого короля Жикгимонъта… // Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica. Kn. 7. (1506–1539). Vilnius, 2011. Nr. 173. P. 332.

[25] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: в пятнадцати книгах. М., 1963. Кн. 3. Т. 5–6. С. 228.

[26] 1517, июня 15 — сентября 28. Набег на рязанские и мущерские украйны Багатырь-царевича // Сб. РИО Т. 95. Т. 343 № 20. (В публикации ошибка: июнь 7024 г. — это 1516 г.)

[27] Там же. № 21. С. 379.

[28] Анализ отношений с Крымом см. *Зимин А.А.* На пороге Нового времени. С. 175–177; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001.

[29] «Ferunt enim et transfuge et Tartari captive, qui nuper populati sunt in terries nostris Russie, triginta milia Tartarorum terram Moscoviae longe lateque non pridem vastasse et cum magna preda hominum et pecorum inde exivisse…» (Petrus Tomiczki, Eps.Premisl. — Capitaneo Samogitie generali // AT. T. IV. Nr LXXXVII. P. 72).

[30] «…in gratificationem nostrum miserit grandem exercitum cum filio suo natu majore Bohatir-soltan in Moscoviam, qui, devastate longe et late ipsa terra» (Sigismundus, Rex Polonie — Consiliariis Regni // AT 4. Nr CI. P. 80).

[31] 1517, июня 15 — сентября 28. Набег на рязанские и мещерские украйны Багатырь-царевича // Сб. РИО Т. 95. № 20. С. 343. (В публикации ошибка: июнь 7024 г. — это 1516 г.)

[32] *Ярушевич А.* Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная литовская Русь в его время. Смоленск, 1896. С. 143.

[33] 1516, июнь 10–24. Грамоты великого князя Василья ивановича на Крым… // Сб. РИО. Т. 95. № 17. С. 323.

[34] *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 391; *Ярушевич А.* Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский. С. 143–144.

[35] *Казакоў А.* Паляванне на «Аршанскі міф» // ARCHE. 2012. № 5. С. 88–97.

[36] Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 102.

[37] Псковские летописи. Вып. 1. С. 98; Вып. 2. С. 260.

[38] *Варонін В.А.* Падзеі вайны 1512–1522 гадоў у Беларускім Падзвінні // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Минск, 2013. Вып. 6. С. 196.

[39] P. Tomicius Eps. Premisliensis — Joanni Laski, Arch. Gnesnensi // AT. T. III. № DXVII. P. 381.

[40] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 146.

[41] Владимирский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 30. С. 141.

[42] «Exeuntes de locis suis in Mosquorum terram populatum, ceperunt urbem megnam, Vyelkye Luki dictam, occisis omnis hominibus plus quam XXXVI milia in ore gladii captivisque abductis citra trignita milia, civitate succensa infinitis predis abactis, ad propria redierunt» (Comorowo, Ioannes de. Breve memoriale ordinis fratrum Minorum // Monumenta Poloniae Historica. T. V. Lwów, 1888. S. 313–314).

[43] Ibid. P. 312–313.

[44] Владимирский летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 141–142.

[45] Там же. С. 146.

[46] Там же. С. 147–148.

[47] *Варонін В.А.* Падзеі вайны 1512–1522 гадоў у Беларускім Падзвінні // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Минск, 2013. Вып. 6. С. 196.

[48] Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Л., 1929. С. 540.

[49] См. обзор С.Гурского «В год Господень 1516-й», который открывает 4-й том Acta Tomiciana (Annus Domini Millesimus, Quingentesimus Sedecimus // AT. T. IV. № I. P. 1).

[50] Подсчитано по: Metryka Litewska. Księga Nr. 9 / 9 księga wpisów / Księga-kontynuacja (1508–1518). Wydał K. Pietkiewicz (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu). Vilnius, 2002 [2004]. *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. С. 204–205.

[51] [18.03. 1516] Лист до цара Магмет Кгирея… // Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica. Kn. 7. (1506–1539). Vilnius, 2011. № 174. С. 333.

[52] «Nostri, qui ad expugnandam Homle, arcem hostile, missi fuerant, redeunt infecto negotio, non parvo tamen detriment hostibus illato» (P. Tomiczki, Eps. Prem. — Christ. Schidlovicio, Concellario // AT. T. IV. Nr XLVI. P. 43).

[53] «Narravit enim idem orator cesaris: ducem predictum exercitum parasse XII aut XIII milium hominum, quem ad expugnandum castrum Poloczko mittere deberet» (P. Tomiczki — J. Bonnero // AT. T. IV. Nr XVI. P. 53).

[54] 1516, июля 21. Грамота витебскому воеводе Яну Костевичу // Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России. Т. I. № 65. С. 54–55; P. Tomiczki, Eps. Prem. — Stanislao de Chodecz // AT. T. IV. Nr LXX. P. 63 (письмо не датировано), упоминание об осаде Витебска см.: Sigismundus, Rex — Christ. de Schidlowycz // Ibid. № LXXII. P. 64 (также не датировано). Письма расположены в реестре между корреспонденцией от 25 июля и 7 ноября. — См. также: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Из истории русско-литовских отношений. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 183; *Кашпровский Е.* Борьба Василия III… С. 254.

[55] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977 С. 153.

[56] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 59.

[57] Petrus Tomiczki — Marschalco Regni // AT. T. IV. Nr LXXXI. P. 69. «Apud nos hec nova sunt, quod Tartari numer populati sunt in finibus hujus dominii et magnas predas egerunt, Mosci vero cinxerunt obsidione arcem

Vitepsko, nacti occasionem et oppurtunitatem ex discessu inde nobelium et civium» (Ibid. P. 70).

58 1517, июня 15 — сентябрь 28 // Сб. РИО. Т. 95. № 20. С. 343.

59 «Hostis noster Moscus discessit ab obsidione arcis Vitebsko» (Petrus Tomiczki — Stanislao de Chodecz // AT. T. IV. Nr LXX. P. 63).

60 Petrus Tomiczki — Constantino, Duci in Ostrogk // AT. T. IV. Nr LXXXIII. P. 69.

61 *Бауер В.В.* Сношения России с императорами Св. Римской Империи в конце XV и нач. XVI в. // Лекции по новой истории проф. В.В. Бауера, подготовленные к печати, редактированные и изданные графом А.А. Мусин-Пушкиным. Т. II. СПб., 1888. С. 524. — Еще осенью 1514 г. доктор Куспиниан ездил в Венгрию в качестве поверенного Максимилиана для проведения переговоров о брачных договорах. Именно через него император передал согласие о начале переговоров с Сигизмундом при участии венгерского короля Владислава (*Liske* X. Der Kongress zu Wien im Jahre 1515 // Forschungen zur deutschen Geschichte. VII. 1867. S. 478, 481).

62 Responsum a Vladislao, Rege Hungsrie… // AT. T. III. № CCXXIX. P. 166–167.

63 AT. T. III. № DXIX–DXXIII, DXXV–DXXXII. P. 382–396.

64 О Венском конгрессе 1515 г. см.: К. Лиске: Liske X. Der Kongress zu Wien im Jahre 1515 // Forschungen zur deutschen Geschichte. VII. 1867. S. 584–491; Baczkowski K. Kongres wiedeński 1515 roku. Oświęcim 2015.

65 Capita rerum Sigismundi, Regis Polonie, cum Cesare agendarum et confirmandarum… // AT. T. III. № DL. P. 407–409. — См.: *Кашпровский Е.И.* Борьба Василия III… С. 253.

66 Confirmatio condictarum per Cesarem Maximilianum // AT. T. III. № DLII. P. 407–409; *Кашпровский Е.И.* Борьба Василия III… С. 253.

67 *Артамонов В.А.* Польско-чешско-венгерская уния и Османская империя на рубеже XV–XVI веков // Tara Moldovei in contextul civilizatiei europene. Materialele Simpozionului International. Noiembrie, 2008. Chisinau, 2008. С. 225–245.

68 Там же.

69 Полная подпись: Danmarck rex armorum, alli(an)s mysyr David van Koran, jwer G(naden)s trwe Dener etc. («Дания, король гербов, он же мизир Давид фан Коран, Ваш покорный и верный слуга»). Rigsarkivet (København). Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73–13. 1c. (Выражаю признательность А. Баранову (Берлин) за помощь в получении фотокопий из Датского государственного архива) — Помимо «Дании» в королевских документах упоминаются лица-посланники с именами «Ютландия» и «Сконе» — это герольды среднего звена, отвечавшие за провинции короны.

70 *Ноздрин О.Я.* Шотландцы в России конца XV — начала XVIII веков. Дисс. / к. и. н. Орел, 2001. С. 28–30.

71 ПСРЛ. Т. XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 238.

72 Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73–13. 1a.

73 Статья о сватовстве присутствует только в датском списке (*Щербачев Ю.Н.* Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М., 1893. С. 2–3). В шведском переводе, опубликованном Гронбладом, эта статья отсутствует (Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. № 66. P. 118).

74 *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV –первой половины XVI в. С. 166.

75 Там же. С. 167.

76 Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года (далее — ОАЦПП). М., 1960. С. 116.

77 *Венге М.* Копенгагенский трактат 1493 года // Дания и Россия — 500 лет. М., 1996. С.14.

78 Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. Köpenhamn, 1857. P. 249–250.

79 «…amiciciam et fraternitatem habere volumis eodem modo, sicuti vos com nostro genitore habuistis, et nunc ad vos nostrum nuncium Ystomam vna vestries nuncios remittimus». Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73–13. 1a.

80 Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). Т. 5. СПб., 1894. № 111. С. 131–132.

81 Этот акт был отмечен еще Ю.Н. Щербачевым (*Щербачев Ю.Н.* Датский архив. С. 3–4). Заметим также и ошибку (описку?) в оригинале — в конце грамоты стоит «mensis Iulii septadesima die» вместо «mensis Iulii septadecima die». Имя русского дипломата передано как Yschonia и Yscania, в публикации Э. Гренблада имя русского посла ошибочно передано как Ystoniam вместо Ystoma (Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. Köpenhamn, 1857. P. 275–276. № 149).

82 СГГД. Т. 5. С. 133–134. № 112.

83 *Венге М.* Копенгагенский трактат 1493 года // Дания и Россия — 500 лет. С. 14.

84 *Казакова Н.А.* Дания, Россия и Ливония на рубеже XV и XVI столетий // Скандинавский сборник. Вып. 25. Таллинн, 1980. С. 116.

85 «erimus vna c(u)m fr(atr)e n(ost)ro c(ont)ra hostem et inimicum suum, magnum ducem Litwanie quantum nob(is) possibile est in veritate absque dolo». Текст, опубликованный по копии из Королевского архива в «Собрании государственных грамот и договоров» (СГГД. Т. 5. № 110.

С. 29) неточен, встречаются пропуски. Оригинал не сохранился, но в Датском государственном архиве есть список договора (Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73-13. 1a).

[86] ОЦАПП. С. 25.

[87] «Ceterum rerum ordinationes, qualiter hiis diehus se habeant inter nos et rebelles subditos nostros Suecos, maiestatem vestram serenissimam per Blasium, eiusdem ad nos superioribus diebus nuncium, fecimus certiorem» (Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. Nr 150. P. 277–278).

[88] «…jntelleximus quendam Siuarum, natione finnonem, Muscouie ciuitate maiestatis vestre iam multis temporibus sub captiuitate teneri» (Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. Nr 150. P. 277–278).

[89] «kopper, thyn, blygh, lode unde bussenpulver unde formen, dar men halv e unde hele slangen aver geten plecht und gethen sall, unde 4 trefflike meiister, to dusdanen Helen unde halven slangen to geten vorvarenheit hebben, uth Schotlanth» (Hanserecesse von 1477–1530. B. 5. Leipzig, 1894. № 363. S. 470; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений… С. 303).

[90] ОЦАПП. С. 116.

[91] «…at ther är komed eth skep om xxx lässer oc en lithen skytte baet ved lx starke, förendis mester Dauidt oc then stora förstis scriffuere aff Danmark ok tiil Rytzeland igen» (Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. № 253. P. 461–463).

[92] Regesta diplomatica historiae danicae = Diplomer og andre Brersiiaber til Oplysning al den danske lllstorie, udgiven ved Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Omsorg. Series secunda. Tomus prior. Kjobenhaun, 1885. № 9544. P. 1144.

[93] ОАПП. С. 182.

[94] Там же. С. 117.

[95] Regesta diplomatica historiae danicae. № 9682. P. 1159.

[96] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений… С. 144.

[97] «Да в 7022-м году отпуск с Москвы дацково посла магистра Давыда; да отпуск государева посла к дацкому Крестерну королю Ивана Микулина сына Заболоцкого да дьяка Василья Олександрова».

[98] Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73-13. 2c; Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные *Ю.Н. Щербачевым* // Русская историческая библиотека. Т. 16. СПб., 1897. № 1–2. С. 2–8.

[99] Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73-13. 2c; Русские акты Копенгагенского государственного архива. № 1. С. 1.

[100] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений… С. 156. Прим. 488; ПСРЛ. Т. 28. С. 348.

[101] Русско-ливонские акты, собранные *К.Е. Напьерским*, изданные Археографической Комиссией. СПб., 1868. № CCCXXX. С. 293.

[102] *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 276; Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. Första samlingen. Köpenhamn, 1857. P. 616.

[103] [1514, 3 juli] Köpenhams slott // Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. Nr 343. P. 618–620.

[104] «Erimus vnum eum fratre nostro contra [contra] hostem et inimicum suum regem Polonie et ducem Letuonie, quantum nobis possibile est, in veritate absque dolo». Ibid.

[105] Написано мелким, трудночитаемым почерком, с исправлениями, вынесенными в левое поле листа дополнениями. Инструкция озаглавлена: «Tesse ephterscreffne werff oc artikle haffuer mestlier Dauid heroldh I befallning at werffue till then stoore forste aff Rytzlandh paa myn herris vegne» (Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73-13. 1e).

[106] Договорная грамота шведского правителя Ганстер-Стура… // СГГД. Т. 5. № 60. С. 52–53.

[107] *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. С. 226.

[108] «В том же году к дацкому Крестерну королю посла ево магистра Давыда да великого князя послов Ивана же Заболоцково да дьяка Василья Белово».

[109] *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. № 4. С. 10.

[110] Речи русских посланников 1515 г. в: Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73-13. 2c; Русские акты Копенгагенского государственного архива. № 4. С. 7–10.

[111] Русско-ливонские акты… № CCCLIII S. 316.

[112] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений… С. 156.

[113] Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73-13. 2c; Русские акты Копенгагенского государственного архива. № 5. С. 13.

[114] Там же. № 6. С. 15.

[115] Русские акты Копенгагенского государственного архива. № 6. С. 15–16.

[116] Там же. С. 17–18.

[117] Договорная грамота датскому королю, хранящаяся в Копенгагенском государственном архиве, писана, как и подобные соглашения с Максимилианом и Альбрехтом Бранденбургским, на пергаменте с подвесной на малиновом и золотом снуре малой золотой печатью, с одной стороны которой имеется изображение ездеца, колющего змия и круговой надписью «Василей

Божиею милостию царь и государь всеа Русии великий князь», а с другой — двуглавый орел с круговой надписью части титула в сокращении. Грамота составлена в Москве 9 августа (Rigsarkivet. Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling. E 1. Forholdet til udlandet. Pergamentsbreve 1454–1751. Rusland 1516 8 2. Nr a-83). В переводе на немецкий язык закралась ошибка в дате: «jn Augusto den andern Tag». (1516, Augusti 2. Moskwa // Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. Nr 365. P. 651–655). Эта ошибочная дата попала в некоторые исследования (*Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 157).

[118] Договорная грамота великого князя Василия Ивановича с датским королем Христиерном II от 9 августа 1516 г. в собрании пергаменных актов: Rigsarkivet (København). Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling. E 1 Forholdet til udlandet. Pergamentsbreve 1454–1751. Rusland 1516 8 2. Nr a-83.

[119] 1516, июль. Жалованная грамота датским купцам… // Русские акты Копенгагенского государственного архива. № 9. С. 21–22.

[120] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 157.

[121] Заключению договора в Вильне предшествовала миссия датского посла Смитера Дитлева в апреле 1516 г. — См.: *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. С. 221–222.

[122] *Лобин А.Н.* Послания Василия III Великому магистру Альбрехту 1515 г. Из собрания исторического Кенигсбергского секретного архива // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana: Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 1 (11). С. 141–152.

[123] Там же.

[124] *Liske X.* Der Kongress zu Wien im Jahre 1515 // Forschungen zur deutschen Geschichte. 1867. Bd. VII. S. 478, 481.

[125] *Балязин В.Н.* Россия и Тевтонский орден // Вопросы истории. 1963. № 6. С. 68.

[126] *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. С. 179.

[127] Rathschlag des Dietrich von Schönberg // *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Thel I. Leipzig, 1892. Nr 97. S. 251–255.

[128] «…und szo Polen midt Moskau gefridigeth, das dem Orden nicht anders zcu gewarten dan den bedrencklichen friden czu sweren oder entlichenn vorterb anczugehen». (Rathschlag des Dietrich von Schönberg... Nr 97. S. 253; *Sach M.* Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 62. S. 250–259. — См. также перевод В.Н. Балязина (*Балязин В.Н.* Россия и Тевтонский орден. С. 68).

[129] *Sach M.* Hochmeister und Großfürst… S. 261.

[130] Ibid. S. 259. — См. также: *Wimmer E.* Livland ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen zur Zeit Maximilians I // Deutschland-Livland-Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg / Hg. v. N. Angermann. Lüneburg, 1988. S. 53–110.

[131] Bericht über die Zusammenkunst des HM`s mit dem M. in Livland zu Memel // *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Thel I. Nr 101. S. 258–261.

[132] Kriegsplan des HM`s // *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Thel I. Nr 103. S. 265–268.

[133] РГАДА. Ф. 147. Ливонский орден и Лифляндия с Эстонией (Копии документов Кенигсбергского государственного архива). Оп. 1. Ч. 3. Реестр документам последних 16 отделений, находящихся в Кенигсбергском архиве ордена о Лифляндском и Эстляндском рыцарстве. № 680.

[134] Как написано в письме: «cultello sibi mortem conscivit et nihil dicere voluit» (Sigismundus, Rex Polonie — Consiliariis Regni // Posnanie, 1855. T. IV. Nr LXVIII. P. 62).

[135] [1516] Начало дипломатических сношений московского правительства с великим магистром ордена в Пруссии // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53. № 1. С. 5.

[136] *Sirutavičius M.* Karo belaisviai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. pirmojoje pusėje. Vilnius, 2002. P. 20–30.

[137] Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Kn. 11 (1518–1523): Įrašų knyga 11. Vilnius, 1997. P. 92.

[138] GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA 21235.

[139] «Illustris princeps et domine nepos noster charissime, profugit ex terra n(ost)ra Samaithien Bulhak Moskus, una cum filijs et rebus sius ad Castru uestrae Ragneth, cum uero inter pacta et federa huius ducatus n(ost)ri et terrae uestrae conuentu est ut profugi utramque restituantur, postulamus ad eade ura ut dictum Bulhak restitui nobis faciat aut teneri tantisper in custodia donec pro illo mittemus, rem mutuae concordiae pacis conseruandae congrua facture, quae ualeat feliciter» (GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA 21235).

[140] GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OF 39. Fol. 221.

[141] 1517, февраля 24 — марта 11. Посольство в Москву от прусского магистра с посланником Дитрихом Шонбергом // Сб. РИО. Т. 53. № 2. С. 9.

[142] 1517, января 25. Грамота, в списке, просительная великого магистра Альбрехта // СГГД. М., 1894. Т. V. № 74. С. 72.

[143] 1517, февраля 24 — марта 11. Посольство в Москву от прусского магистра с посланником Дитрихом Шонбергом // Сб. РИО. Т. 53. № 2. С. 21.

[144] В русском варианте написано, что «тот список написал яз, Дидрих Шхонберк, своею рукою» (Сб. РИО. Т. 53. № 2. С. 21). В прусском варианте: «hanc autem scriptionem scripsi ego Schomberk manu mea propria» (GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA 21269. Fol. 21).

[145] GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA 21269. Fol. 1–4.

[146] GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA 21269. Fol. 5 (текст рукой Д. Шонберга), Fol. 20 (тот же текст переписан латынью русской посольской службой (?) на длинном столбце ок. 1,5 м длиной с исправлениями Шонберга).

[147] Чуть позже боярина Григория Федоровича Василий III заменил на сына боярского Ивана Подгожина (1517, февраля 24 — марта 11. Посольство в Москву от прусского магистра с посланником Дитрихом Шонбергом // Сб. РИО. Т. 53. № 2. С. 10).

[148] GStAPK XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA Nr 21291.

[149] 1517, марта 26 — июля 12. Посольство от великого князя Василия Ивановича к магистру прусского ордена… // Сб. РИО. Т. 53. № 3. С. 27–28.

[150] Там же. С. 28–30.

[151] GStAPK. Pergament-Urkunden. Nr 3992 (русский оригинал и латинский перевод). — Выражаю признательность к. и. н. С.В. Полехову за помощь в получении фотокопий документов GStAPK и ряд консультаций. Прорисовка самой буллы см.: Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1880. С. 6. — Ср. с золотой буллой договора с Максимилианом 1514 г.: Там же. С. 5.

[152] 1517, марта 26 — июля 12. Посольство от великого князя Василия Ивановича к магистру прусского ордена // Сб. РИО. Т. 53. № 3. С. 31.

[153] Там же. С. 33.

[154] *Pociech W.* Geneza hołdu pruskiego… S. 72; *Балязин В.Н.* Россия и Тевтонский орден. С. 69.

[155] Entwurf eines Bundesvertrages zwischen dem HM. und König Christiern von Dänemark // *Ioachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Bd. I. Nr 136. S. 307–309.

[156] *Пирлинг О.* Россия и папский престол. Кн. 1. Русские и Флорентийский собор. СПб., 1912. С. 291.

[157] Leo, Papa decimus — Sigismundo, Regi // AT. T. II. Nr CCCLXXIX. P. 280.

[158] Leo, Papa decimus — Basilio, duci Moscoviae // AT. T. II. Nr CCCLXXX. P. 280–283.

[159] Sigismundus, Rex, Thome, Cardinali Strigoniensi // AT. T. III. Nr XLIV. P. 41–42.

[160] Epistola Pisonis, Legati Apostolici, ad Joannem Coritium, de Victoria Regis ex Moscis // AT. T. III. № CCXLVI. P. 204 (Вильна, 26 сент.)

[161] Письмо хранится в собрании исторического Кёнигсбергского тайного архива (GStAPK OBA. XX HA Hist. StA Königsberg. Nr 21217).

[162] *Лобин А.Н.* Битва под Оршей. СПб., 2011. С. 26.

[163] 8 июня 1517 г. Грамота короля Сигизмунда I, пожалованная г. Вильны на право взыскивания серебщины с мещан // Сб. Муханова. СПб., 1866. № 231.С. 451–452.

[164] Sigismundus, Rex Polonie, Consiliariis Regni Polonie // AT. T. IV. № CCXLIII. P. 192.

[165] *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 211–212, прим. 140; Устава людем служебным на купованье живности в тягненью // РИБ. № 416. С. 1144–1145.

[166] *Plewczyński M.* Wojny i wojskowość polska XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2012. S. 212.

[167] *Petrus Tomiczki, Eps.* Vicecancellaris, Joanni Boner, Zuppario Cracovensi // AT. T. IV. Nr CCLXXX. P. 217.

[168] *Лобин А.Н.* Битва под Оршей. Табл. 11. С. 117–118.

[169] GStAPK. OBA. XX HA Hist. StA Königsberg. Nr 21389.

[170] GStAPK. OBA. XX HA Hist. StA Königsberg. Nr 21416.

[171] GStAPK. OBA. XX HA Hist. StA Königsberg. Nr 21269 (проект союза Дитриха фон Шонберга от 3.10.1517). fol. 1–30. — См. также: Сб. РИО. Т. 53. СПб., 1886. № 2. С. 15–17, 19–21.

[172] 1517, мая 30 — июня 8. Приезд из Крыма казаков великого князя с грамотами… // Сб. РИО. № 25. С. 444.

[173] Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 259.

[174] Софийская вторая летопись. С. 259; Никоновская или Патриаршая летопись // ПСРЛ 13. Первая половина. СПб., 1901. С. 26.

[175] Там же. С. 28.

[176] 1517, ноября 10–18. Бумаги посольства к великому государю… № 22. С. 384–385.

[177] Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica. Kn. 7. (1506–1539). Vilnius, 2011. № 187.1. С. 353–354.

[178] «…qual si oferisse molto a la Signoria nostra, dicendoli il suo Re preparava grande exercito contra moscoviti, et etiam in acordo con il Tartaro» (I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. T. 24. Venezia, 1889. P. 366).

[179] «…misimusque adhuc ante estate magnicum Gastoldum, palat.polocensem cum stipendio ad Czerkassi; promiserant enim se nobiscum arctam societatem contra hostem nostrum et fedus inituros» (Sigismundus, Rex Polonie, Consiliariis Regni Polonie // T. IV. Poznaniae, 1855. CCXLIII. P. 192).

[180] *Лобин А.Н.* Битва под Оршей. С. 193.

[181] Sigismundus, Rex Polonie, Consiliariis Regni Polonie // AT. T. IV. CCXLIII. P. 192.

[182] *Petrus Tomiczki, Eps.* Vicecancellaris, Joanni Boner, Zuppario Cracovensi // AT. T. IV. Nr.CCLXXX. P. 217.

183 *Косточкин В.В.* Русское оборонное зодчество в XIII — первой половине XVI в. М., 1962. С. 84.

184 *Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 84; *Васильев М.Е.* Городище Удриха (новое Коложе). С. 29–32.

185 *Васильев М.Е.* Городище Удриха (новое Коложе). С. 30–31.

186 Новгородские и псковские летописи // ПСРЛ. Т. IV. Ч. IV–V. СПб., 1848. С. 202.

187 *Васильев М.Е.* Из истории земли Псковской (исследования, поиски, находки) // Михайловская пушкиниана. Вып. 28. Пушкинские Горы. М., 2003. С. 71

188 *Васильев М.Е.* Из истории земли Псковской (исследования, поиски, находки). С. 73–75.

189 «Moenia insuper etsi lignea, quia tamen plerumque terra sunt referta, bombardarum globis suunt impervia» (Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores rerum Polonicarum. T. 2. Cracoviae, 1874. P. 152); *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 391.

190 *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии / Пер. А.В. Назаренко. М., 1988. С. 236.

191 Сб. Московского архива министерства юстиции. Т. VI. М., 1914. С. 427. — Само перечисление приспособлений говорит о том, что некогда они имелись в арсенале оборонительных средств.

192 Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 7.

193 Псковские летописи. Вып. 2. С. 134.

194 ПСРЛ. Т. 4. Ч. IV–V. СПб., 1848. С. 375.

195 Псковские летописи. М., Л, 1941. Вып 1. С. 98; Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 255.

196 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 158.

197 Там же.

198 Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 4. С. 291.

199 *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 391.

200 Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. // ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. СПб., 1913. С. 593.

201 *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). Псков, 1914. Карта-вклейка.

202 Petrus Tomiczki — Nicolao Firley // AT. T. IV. № CCLXVI. P. 205.

203 Ibid.

204 Новгородские и псковские летописи // ПСРЛ. Т. 4. Вып. IV–V. СПб., 1848. С. 291.

205 «Tamże u tego szturmu Andrzejowi Boratyńskiemu herbu Korczak kamieniem z zamku ramie i z ręką utrącono, którego drabi porwawszy do obozu odnieśli» Kronika Marcina Bielskiego / wyd. *K.J. Turowski.* T. 2. Ks. IV, V. Sanok, 1856. S. 998–999.

206 «Occisi enim sunt supra LX, inter quos optimus miles Sokol et MCD vulnerati» (Petrus Tomiczki — Nicolao Firley // AT. T. IV. № CCLXVI. P. 205).

207 Софийская вторая летопись. С. 260.

208 *Ян Длугош.* Грюнвальдская битва / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1962. С. 130.

209 *Лаврентьев А.В.* Ранний список Холмогорской летописи из собрания А.И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. Т. 39. М., 1985. С. 332.

210 «…obcinając kłodziny zawieszone, także kamieńmi I rozmaitą strzelbą» (*Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 391).

211 Латухинская Степенная книга. 1676 г. / Изд. подг. *Н.Н. Покровский, А.В. Сиренов.* М., 2012. С. 448–449.

212 Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores rerum Polonicarum. Cracoviae, 1874. T. 2. P. 153; *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. 1. Lwów; Warszawa; Kraków, 1923. S. 261.

213 Софийская вторая летопись. С. 259.

214 Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 99–100.

215 Софийская вторая летопись. С. 259–260.

216 Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 100.

217 Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год) // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 337–338.

218 1517, сентябрь 30. Отправление великим князем Василием Ивановичем в Крым грамот со своими казаками // Сб. РИО. Т. 95. № 28. С. 480–481.

219 1520, июнь-июль. Грамота Некраса Харламова // Сб. РИО. Т. 53. № 23. С. 234.

220 «а поимали у них на том бою человек с четыреста» (Там же. С. 258).

221 ПСРЛ. Т. 17. С. 348

222 Petrus Tomiczki — Nicolao Firley // AT. T. IV. № CCLXVI. P. 205.

223 «wielkie szkody w ziemiach Moskiewskich bez odporu poczynili» (M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. S. 391).

224 *Антонов А.В., Кром М.М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI в. // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 162.

225 «…ne la prima pugna furono tagliati a pezi 20 mila muscovite et de li poloni non morirono 200. Ne l`ultima, tra l`una parte et l`arta assa` ne sono morti, et pur el Re ha auto vitoria ma cruentissima, per esserli manchati molti de li principali, et grandissima parte de la zoventude polona. El duca di Moscovia se ha retirato» (I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. Venezia, 1889. T. 25. P. 141–142).

226 «Come era nova di Polonia che poloni erano stati a le man con moscoviti, morti di moscoviti da 20 milia e di

poloni 2000, et poi un`altra fiata e stati a le man e poloni e sta vincitori» (Ibid. P. 141).

[227] Ibid. P. 53.

[228] Сб. РИО Т. 35. С. 505. № 85.

[229] Там же.

[230] *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. С. 239.

[231] Подсчитано по: *Любавский Л.К.* Литовско-русский сейм. С. 210–211; Акты Литовско-Русского государства / Изд. *М.В. Довнар-Запольским.* Вып. 1. (1390–1529). М., 1899. № 144–145.

[232] 1517. Августа 25 — сентября 20. Посольство в Москву от прусского магистра с посланником Мельхиором Рабенстен // Сб. РИО. Т. 53. № 4. С. 38.

[233] GStAPK. XX HA. OBA Nr 21845. Fol. 2.

[234] *Пирлинг О.* Россия и папский престол. С. 298.

[235] Conditiones per Szomberg proposite // AT. T. 4. Nr CCCLXXI. P. 360–361.

[236] *Пенской В.В.* Чудо на Двине (эпизод из истории 1-й Смоленской войны) // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. III. С. 361.

[237] *Пенской В.В.* Чудо на Двине (эпизод из истории 1-й Смоленской войны). С. 361–363.

[238] Псковские летописи. Т. 1. М., 1941. С. 100.

[239] *Бенцианов М.М., Лобин А.Н.* К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 2. С. 155–179.

[240] *Пенской В.В.* Чудо на Двине (эпизод из истории 1-й Смоленской войны). С. 363.

[241] 1518, август — сентябрь. Посылка в Крым… // СИРИО. Т. 95. № 31. С. 535.

[242] Псковские летописи. Т. 1. М., 1941. С. 100.

[243] *Narbutt T.* Dzieje narodu litewskiego. Wilno, 1841. T. 9. S. 134.

[244] *Ярушевич А.* Рєвнитель Православия князь Константин Иванович Острожский. Прим. 365.С. 146.

[245] «Moskwa mniemając, że wiecej wojska polskiego idzie, jęła uciekać, a naszy je goniąc daleko bili…»

[246] Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores rerum Polonicarum. T. 2. Cracoviae, 1874. P. 156 (В латиноязычных источниках обычно используется термин «gravioris armaturae» в противоположность «levioris armaturae» — «легковооруженным всадникам»).

[247] Псковские летописи. Вып. 2. С. 226.

[248] С Кракова лист до цара послан м(еся)ца авгус. 28 день инъдик. 6 // Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica. Kn. 7 (1506–1539). Vilnius, 2011. С. 730–732.

[249] Разрядная книга 1475–1598. С. 65, 67.

[250] 1518, август — сентябрь. Посылка в Крым… // Сб. РИО. Т. 95. № 31. С. 535.

[251] Псковские летописи. Т. 1. М., 1941. С. 100.

[252] 1519, января 19 — марта 8. Две присылки грамот из Крыма к великому князю Василью Ивановичу // Сб. РИО. Т. 95. № 34. С. 612.

[253] *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. С. 211.

[254] Там же. С. 210–211.

[255] Подсчитано по: *Любавский Л.К.* Литовско-русский сейм. С. 214.

[256] Сб. РИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 658–660.

[257] 1520, января 12 — июня 11. Сношения боярина Григория Федоровича с воеводой виленским Николаем Радивилом // Сб. РИО. Т. 35. № 86. С. 547–548.

[258] Потери в той битве оценивались до 1200 ч., включая сына Николая Фирлея, польского гетмана. Описание битвы см.: Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores rerum Polonicarum. T. 2. Cracoviae, 1874. P. 159–162; *Bielski M.* Kronika Polska. С. 1007–1009; *Ярушевич А.* Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский. С. 150.

[259] Sigismundus, Rex Polonie… // AT. T. V. P. 78. № LXXVIII (август 1519).

[260] «А стояли государевы воеводы в Красном» (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 164).

[261] 1519, август. Отпуск от великого князя посланника Василия Александрова к магистру Прусскому // СИРИО. Т. 53. № 13. С. 142–143. — См. также Софийская вторая летопись. С. 263.

[262] «…Mosci numero quinquaginta milia et cum Tartaris sunt Lithuaniam ingress et non solum late omnia vastant et populantur, sed Vilnam versus contendunt eamque visere omnino volunt». Petrus Tomiczki — Joanni de Lubbrancz // AT. T. V. Nr. LXXX. P. 79. *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 223.

[263] *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. С. 215.

[264] См. письмо Сигизмунда Я.Сверчовскому о распределении наемников и о посылке 100 всадников с ротмистром Яном Боратинским в Браславль: Sigismundus, Rex Polonie — Janussio Swirczewski // AT. T. V. № LXXIX. P. 78.

[265] Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. С. 268.

[266] *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. С. 215–218.

[267] В Разрядах ошибочно указан 7027 (1519) год — см.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 161–162; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Прим. 172. С. 223.

[268] 1520, марта 18 — мая. Отпуск из Москвы прусского посланника Мельхера Рабенштейн // Сб. РИО. Т. 53. С. 203.

[269] GStAPK. XX HA. OBA Nr 22189. Fol. 1 (русский текст). Fol. 2 (перевод на латынь). — Письмо находится в конверте с надписью: «Muschkaw. p…ter stalmeister gebracht am kindtlein tag ao 19».

[270] *Балязин В.Н.* Россия и Тевтонский орден. С. 69.

[271] GStAPK. XX HA. OBA Nr 22606; Сб. РИО. Т. 53. С. 144. № 13.

[272] GStAPK. XX HA. OBA Nr 22657 (верительная Н. Харламова); [1519, сентября 20]. Наказ посольства дьяка Ивана Харламова Некрасова // Сб. РИО. Т. 53. № 16. С. 165.

[273] *Tyszkiewicz J.* Ostatnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1519–1521. Warszawa, 1991. S. 59–73.

[274] *Sach M.* Hochmeister und Großfürst… S. 411–412.

[275] 1521 г. отрывок ответных речей на посольство герольда Давыда фан Корана о дружественном союзе… // РИБ. Т. 16. № 10. С. 24–32.

[276] Там же. С. 31.

[277] «Jtem daß der Mußkawitter myt seynem folgk von der Wil auß noch der Weyssel wider vmb dy stet vnd slegkken nach der seytten czyn thu und dass dy vussern den sulchen Reussen von dawss her eyn auch suchtten, dam it man von beyden teylen wass awssrichtt, von der Willen nach Gertten, Lomß, von Lomß noch Poltossczkj, von Poltossczky nach Wischegrodtt, *von Wissegradt an dy Weyssel*, den czu hawff kuemmen» (Operationsplan, gemeinsam von den Moskowitern und dem Orden auszuführen // *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Leipzig, 1894. Thel II. Nr 144. S. 334).

[278] GStAPK. XX HA. OBA Nr 23866 (сохранился только текст на латыни).

[279] GStAPK. XX HA. OBA Nr 23891; 1520, мая 13. Отпуск из Москвы от великого князя Василия Ивановича к магистру Прусскому // Сб. РИО. Т. 53. № 21. С. 214.

[280] Antwort des Zaren für Albrecht von Schlieben // *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Thel II. Nr 186. S. 378–379.

[281] GStAPK. XX HA. OBA Nr 24743 Fol 1 (латин.), Fol. 2 (на русск.); Austräge des Zaren für Bulgakow an den HM // *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Thel II. Nr 189. S. 386–387.

[282] GStAPK. XX HA. OBA Nr 23985a.

[283] GStAPK. XX HA. OBA Nr 24872. Fol. 2. — В латинском варианте послания: «…ita et nunc eciam in future vobis totoque ordini vestro nostrum graciam volumes exhibere atque favere, pro vos terraque vestra volumes stare et defendere vos a nostro inimico Sigismundo rege volumes sicut nobis misericors dues adjuvabit» (Ibid. Fol. 1).

[284] *Sach M.* Hochmeister und Großfürst… S. 417.

[285] Подр. см. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 161–164; *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях.

[286] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894. С. 6.

[287] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. С. 1486–1487.

[288] *Белокуров С.А.* Список дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе (с начала сношений по 1800 год) // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1893. Вып. 5. С. 230, 255.

[289] GStAPK. OBA (XX HA Hist. StA Königsberg). Nr. 25830. Fol. 1.

[290] *Sach M.* Hat Karl V. «die brieff» wirklich erhalten? Überlegungen zu den Hintergründen eines russischen Schreibens im Königsberger Ordensbriefarchiv // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Hg. v. Eckhard Hübner, Ekkehard Klug u. Jan Kusber. Stuttgart 1998 (= Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, 51). S. 335–365.

[291] *Sach M.* Hochmeister und Großfürst. S. 341–343.

[292] GStAPK. XX HA. OBA Nr 22440.

[293] *Пирлинг О.* Россия и папский престол. С. 305.

[294] Там же. С. 305–306.

[295] Грамота папы Леона X к государю великому князю Василию Ивановичу 1519 г. // Переписка пап с российскими государями в XVI в., найденная между рукописями в Римской Бербериниевой библиотеке. СПб., 1834. № 1. С. 1–6.

[296] См.: Sigismundo, Rex Pol. — Erasmo, Epo. Plocensi // AT. T. V. P. 149. Nr. CXLIV — со слов «De nuncius pontificis in Moscoviam mittendis…».

[297] «immo totius christiane reipublice hostibus, Moscis et Tartari». (Oratio Rdi. Patris Zacharie, Ferrerii Vincentini… ad Sigismundum // AT. T. V. P. 191–197, 197–199).

[298] *Шмурло Е.Ф.* Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом 1462—1528 // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага; Нарва, 1937. Вып. 3. С. 91–136.

[299] Bescheid des HM`s ayf das Anbringen des russischen Gesandten Semen Sergiew // *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Theil II. Nr 198. S. 398–402; *Sach M.* Hochmeister und Großfürst… S. 417.

[300] Instruktion für Georg Klingenbeck zu seiner Mission bei dem Zaren // *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Leipzig, 1895. Theil III. Nr. 50. S. 188–190.

[301] «ad magistrum autem volumus mittere nostrum hominem» (Antwort der Räthe des Zaren für Georg Klingenbeck // Joachim E. Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Theil III. Nr 58. S. 202–204).

[302] *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. С. 234

[303] «Kæristhe, nadigiste herre, viil edhers nade skriffwe then grotthe første til i Rijeslandh, ath han vil lone edher nadhe eeth taal faalch ind i Fijnlandh, thaa vill iek føre hanom

edhers nadis breff ind til i Ryeslandh ok taghe meedh megh saa indh i Fijnlandh ok bliffwe ther hooss them leffwendis ok doedh saa lengghe vy kwnne faa landith til edhers nadis handh» (1519, 25 September. Kalmarsund // Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af Dr. E. Grönblad. Nr 391. S. 699–701).

304 *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. С. 233.

305 Там же. С. 221.

306 *Балязин В.Н.* Россия и Тевтонский орден. С. 71 — Оценка М. Зах: *Sach M.* Hochmeister und Großfürst. S. 424–434.

307 *Sach M.* Hochmeister und Großfürst. S. 417.

308 *Венге М.* Копенгагенский трактат 1493 года // Дания и Россия — 500 лет. М., 1996. С. 17.

309 *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. С. 235.

310 *Виноградов А.В.* Формирование границ Великого княжества Литовского и Московского государства в свете геополитических изменений в Восточной Европе (90-е гг. XV — 80-е гг. XVI в.) // Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX вв. М., 2015. С. 16, 31.

311 *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. С. 82.

312 Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. С. 145.

313 Lemercier-Quelquejay Chantal. Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 12 N°4. P. 486–488 (перевод с фр. Д. Нагорной).

314 Ibid.

315 *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. С. 89.

316 *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI вв.). М., 2004. С. 124.

317 Отряду придавалось 2 гаковницы. Посольство литовской рады к кор. и в. кн. Сигизмунду I Яном Миколаевичом Радивилом 1521 года // Документы МАМЮ. № 2. С. 511.

318 ПСРЛ Т. 13. Ч. 1. С. 37.

319 1521, апреля 22 — августа 2. Сношения великого князя Василия Ивановича с азовскими правителями // РИО Т. 95. № 38/V. С. 681.

320 Там же. С. 682.

321 *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 67.

322 Подр. см.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

323 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. С. 182.

324 *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 69.

325 ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 38.

326 1522, июль — сентябрь 18. Посольство от короля Сигизмунда Казимировича к великому князю Василию Ивановичу… // Сб. РИО. Т. 35. № 93. С. 630; *Виноградов А.В.* Формирование границ Великого княжества Литовского и Московского государства... С. 32.

Серия: «Ратное дело»

А.Н. Лобин

ОБОРОНА ОПОЧКИ 1517 г.

«Бесова деревня» против армии
Константина Острожского

Ответственный редактор: *А.В. Малов*
Макет и обложка: *В.А. Передерий*
Художник: *Ю. Юров*
Верстка: *Т.В. Мурина*
Корректор: *Н.А. Ванеева*

Фонд «Русские Витязи»
Россия, 125009, Москва,
Нижний Кисловский переулок, д. 6, стр. 1.
Тел.: +7 (495) 690-27-98; тел./факс: +7 (495) 690-32-81
fsark@yandex.ru; fsa12@yandex.ru
aerospaceproject.ru; русские-витязи.рф

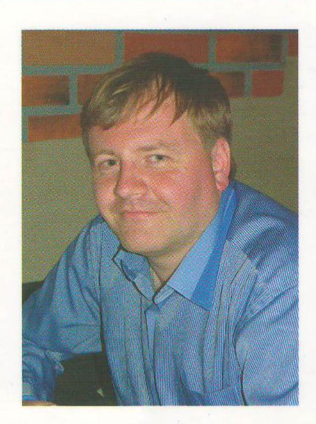
Исполнительный директор: Ю.М. Желтоногин
Главный редактор: О.Г. Леонов
Руководитель издательских и медиа-проектов: С.А. Попов

Тираж 1000 экз.
Формат 84 × 108/16
4,5 печ. листа

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ 1517 г.
ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
ПОЛОЦКОЕ ВОЕВОДСТВО
ВИТЕБСКОЕ ВОЕВОДСТВО
БЕЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО
ВЯЗЕМСКОЕ КНЯЖЕСТВО
СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
ВИЛЕНСКОЕ ВОЕВОДСТВО
НОВОГОРОДСКОЕ ВОЕВОДСТВО
КИЕВСКОЕ ВОЕВОДСТВО
СТАРОДУБСКОЕ КНЯЖЕСТВО
НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВО
СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
20.09.–18.10
К.И.Острожский
А.В.Ростовский
Ф.В.Оболенский
И.В.Ляцкий
В.В.Шуйский
В.С.Одоевский,
И.М. Воротынский
Ноябрь
Август
ВИЛЬНА
ПОЛОЦК
ВИТЕБСК
СМОЛЕНСК
КИЕВ
НОВОГОРОДОК
Опочка
Великие Луки
Торопец
Тверь
Торжок (Новый Торг)
Вязьма
Брянск
Стародуб
Новгород-Северский
Путивль
Чернигов
Мстиславль
Орша
Могилёв
Менск
Слуцк
Пинск
Мозырь
Житомир
Овруч
Острог
Рыльск
28°
32°
36°
56°
52°
Столицы государств
Центры воеводств и земель ВКЛ
Центры княжеских владений
Другие города, центры волостей, сёла
Центры наместничеств и поветов ВКЛ
Наиболее значительные крепости
ГРАНИЦЫ
государств к 1512 г.
воеводств и земель
княжеских владений
присоединенных территорий
Граница ВКЛ в 1512 г.
НАЗВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ
ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН
Государства, удельные княжества
ПОЛОЦКОЕ ВОЕВОДСТВО
Воеводства ВКЛ
ЛИТВА
Исторические регионы
ТЕРРИТОРИИ
Московского великого княжества к 1512 г.
Великого княжества Литовского к 1512 г.
Польского королевства
присоединенные к Московскому великому княжеству согласно 5-летнему перемирию 1522 г. (в результате войны 1512–1522 гг.)
МАСШТАБ 1:4 500 000
45 0 45 90 км
ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК
Московского великого княжества
Великого княжества Литовского
крымских татар
безрезультатная осада и штурм Опочки
Концентрация войск
Темушев

Книги серии «Ратное дело» посвящены войнам, сражениям, походам и осадам в первую очередь в истории России. Особое внимание уделяется слабоизученным или вовсе неизвестным военным событиям. Серия обращена прежде всего к широкому кругу читателей — любителей военной истории и истории Отечества, но будет интересна и профессионалам. Подобная универсальность достигнута благодаря привлечению к работе над серией ведущих специалистов-историков. С одной стороны, это позволило гарантировать оригинальность и качество содержания книг. С другой — авторы серии взяли на себя труд рассказать об описываемых событиях доступным повествовательным языком

Лобин Алексей Николаевич родился в 1977 г. в Ульяновске. В 1999 г. окончил исторический факультет СПбГУ, в 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в.» (научный руководитель — доктор исторических наук профессор Р.Г. Скрынников). В 2015–2016 гг. — научный сотрудник Института истории СПбГУ. Член редколлегии электронного научного издания «История военного дела: исследования и источники», составитель и ответственный редактор специального выпуска «Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны». Автор около 60 научных работ, в том числе двух монографий «Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. К 500-летию сражения» (СПб., 2011) и в серии «Ратное дело» «Взятие Смоленска и битва под Оршей. 1514» (М., 2015)

В серии «Ратное дело» готовятся к выходу следующие книги:

Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 г.

Кузьмин А.В., Филюшкин А.И. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг.

